БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ
ГІСТАРЫЧНЫ ФАКУЛЬТЭТ
Кафедра гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў

ЛІСТАПАДАЎСКІЯ СУСТРЭЧЫ – XIV

Матэрыялы
міжнароднай навуковай
выкладчыцка-студэнцкай канферэнцыі
ў гонар акадэмікаў
М. М. Нікольскага і У. М. Перцава

Мінск, 11–12 лістапада 2021 г.

Мінск
БДУ
2022

УДК 94(100)(06)
ББК 63.3(0)я431
Л63

Р э ц э н з е н т ы:
кандыдат гістарычных навук дацэнт *Я. Г. Колб*;
кандыдат гістарычных навук дацэнт *Л. А. Козік*

Пры падтрымцы

GCRF COMPASS (GCRF UKRI ES/P010849/1)

Лістападаўскія сустрэчы – XIV : матэрыялы міжнар. навук.
Л63 выкладчыц.-студэнц. канф. у гонар акад. М. М. Нікольскага і У. М. Перцава, Мінск, 11–12 лістап. 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: І. А. Еўтухоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2022. – 159 с.
ISBN 978-985-881-262-1.

Прадстаўлены матэрыялы міжнароднай навуковай выкладчыцка-студэнцкай канферэнцыі «Лістападаўскія сустрэчы – XIV», прысвечанай акадэмікам М. М. Нікольскаму і У. М. Перцаву, якая адбылася на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў лістападзе 2021 г. Разглядаюцца праблемы гісторыі старажытнага свету, сярэдніх вякоў, славян, рэлігіі, беларускай медыявістыкі.

Адрасавана навуковым супрацоўнікам, выкладчыкам і студэнтам устаноў вышэйшай адукацыі, усім, хто цікавіцца сусветнай гісторыяй.

УДК 94(100)(06)
ББК 63.3(0)я431

ISBN 978-985-881-262-1

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ ПО ДАННЫМ ИСТОЧНИКОВ НА ПРАКРИТАХ И ПАЛИ

О. В. Перзашкевич

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, Perzashkevich@bsu.by

Статья рассматривает известную проблему абсолютной хронологии Древней Индии на основе анализа ранних текстов на пракритах и пали, прежде всего, Большой скальный эдикт Ашоки №13 и свидетельство об этом царе ланкийской хроники Махавамша. Главная идея автора – то, что единственный надежный способ установить абсолютные даты для древнеиндийских событий состоит в том, чтобы использовать тексты именно на пракритах и пали, а не обширной литературы на санскрите. Такова действительность, принятая в установившейся академической традиции изучения истории Древней Индии. Такая же ситуация в отношении ранней истории Буддизма.

Ключевые слова: Древняя Индия; хронология; тексты на пракритах и пали; абсолютные даты; академическая традиция.

HISTORY OF ANCIENT INDIA ACCORDING TO PRAKRIT AND PALI TEXTS

O. Perzashkevich

Belarusian State University, Minsk, Belarus, Perzashkevich@bsu.by

The paper reviews the well-known problem of absolute chronology of Ancient India within the analyzing of early Prakrit and Pali texts, primarily Ashoka Big Rock Edict № 13 and Shri Lanka chronicle of Mahavamsha evidence on that king. The author's main idea is that the only reliable way to establish the absolute dates for Ancient Indian realities is to use Prakrit and Pali texts but not the vast Sanskrit literature. This is the reality accepted by established academic tradition of Ancient Indian history. The same situation is for the early history of Buddhism.

Keywords: Ancient India; chronology; Prakrit and Pali texts; absolute dates; academic tradition.

Говоря об историчности событий, имевших место в Индии в древности, европейские историки вынуждены были использовать те незначительные сведения, позволяющие установить хотя бы некоторые даты в абсолютном измерении, которые содержатся в указаниях античных авторов об этих странах или упоминания в местных источниках известных правителей греко-македонского мира.

Собственно же древнеиндийские памятники, как известно, не содержат исчерпывающих или, хотя бы, понятных хронологических сведений, которые можно было бы надежно синхронизовать с нашей системой летоисчисления. Именно поэтому вопросы хронологии правления царя Ашоки Маурья, для которого в современной науке существуют указания на греко-македонских правителей (а, значит, и абсолютные даты), всегда вызывали живейший интерес и дискуссии.

В качестве источников для решения данной проблемы традиционно используются Большой наскальный эдикт Ашоки №13 (содержащий имена правителей эллинистического мира), а также другие надписи Ашоки и труды античных авторов о положении на востоке эллинистического мира и на его

границах, прежде всего Мегасфена (дошедшие в цитатах у других писателей), Плутарха, Страбона и Юстина.

Кроме них, прежде всего, привлекаются:

- царские списки пуран (содержащие имена отдельных как исторических, так и легендарных правителей, а также последовательность смены местных династий, а также, часто, сведения о продолжительности их правления), чья непоследовательность, а иногда и противоречивость уже не раз отмечалась исследователями;

- ланкийские хроники (составленные при буддистских монастырях на Шри-Ланке летописи становления и развития буддизма в Индии и на Шри-Ланке от рождения Будды (Сиддхартхи Гаутамы) до IV в. н. э.).

Прежде всего, отметим, что сама возможность абсолютной датировки, в данном случае, существует благодаря двум независимым сведениям:

1) упоминанию имен 5 правителей эллинистического мира в Большом наскальном эдикте Ашоки №13:

ichati hi d[e]vanaMpriyo savra- bhutana akSati sa[M]yamaM sama[ca]riyaM rabhasiye ca ayi mukha- mut[a] vijaye devanaMpriya[sa] yo dhrama-vijayo ...

ca so puna ladho devanaMpriyasa ca iha saveSu ca aMteSu pi yojana- SaSu sa[t]eSu yatra ***aMtiyoko*** *nama y[o]na-raja ca paraM tena atiyok[e]na cature rajani* ***turamaye*** *nama* ***aMtikini*** *nama* ***maka*** *nama* ***alikasudaro*** *nama nica coDa-paMDa ava ta[M]bapaM[Ni]ya*

«*… Желает ведь любезный богам всем существам невредимости, самообладания, душевного покоя, настойчивости. И это главное знание о победе любезного богам, это дхармы победа.*

И это также достижение любезного богам и здесь повсюду, и по границам, даже йоджан в шести сотнях, где [правит] Антийока именуемый царь греков, и дальше за тем Антийокой четыре царя: Турамайе именуемый, Антикини именуемый, Мака именуемый, Аликасудара именуемый, далее Чола и Пандья до [пределов] Тамрапарни ...» [3, с. 68–70] (перевод с пракрита автора);

2) сведениям Ланкийских хроник о жизни Будды в связи с правлением царей Магадхи, прежде всего, Махавамши.

Первая указывает, что, согласно сведениям о правлении упомянутых в Большом наскальном эдикте №13 Антиоха II Теоса (261 до н. э. – 246 до н. э.), Птолемея II Филадельфа (282 – 246 гг. до н. э.), Антигона Гоната (277 – 239 гг. до н. э.), Магаса Киренского (ок. 298 – ок. 250 гг. до н. э.) и Александра Эпирского (272 – 255 гг. до н. э.).

Этот список эллинистических правителей (бесспорный для первых четырех имен [2, с. 4]) может выглядеть иначе в последней позиции, а именно Антиох II Теос (261 до н. э. – 246 до н. э.), Птолемей II Филадельф (282 – 246 гг. до н. э.), Антигон Гонат (277 – 239 гг. до н. э.), Магас Киренский (ок. 298 – ок. 250 гг. до н. э.) и Александр Коринфский (ок. 251 – 244 гг. до н. э.) [2, с. 5–7].

Согласно Махавамше, правление индийских царей от Будды (чьи даты жизни связаны с датами жизни царя Бимбисары) до начала правления Ашоки выглядит следующим образом:

Таблица 1. Древнеиндийские цари.

Имя царя	**Срок правления (лет)**	**Указание в Махавамше**
Бимбисара	52	II, 26–31
Аджаташатру	32	II, 32
Удайябхадда	16	IV, 1

Продолжение Таблицы 1.

Имя царя	Срок правления (лет)	Указание в Махавамше
Анураддха и Мунда (вместе)	8	IV, 2-3
Нагадаса	24	IV, 4
Сисунага	18	IV, 6–7
Калашока	28	IV, 7
10 сыновей Калашоки	22	V, 14
9 Нандов	22	V, 15
Чандрагупта Маурья	24	V, 16–18
Биндусара	28	V, 18

Махавамша также указывает, что Будда скончался по истечении 8 лет правления Аджаташатру (MV II, 32), а к концу 4 года правления Ашоки прошло 218 лет со дня смерти Будды (MV V, 21–22) [5]:

jinanibbANato pacchA pure tassAbhisekato sATThArasaM vassasatadvayamevaM vijAniyaM

patvA catuhi vassehi ekarajjaM mahAyaso pure pATaliputtasmiM attAnambhisecayi

Победителя освобождения после, перед его посвящением, с восемнадцатью лет двести как раз исчислено.

Как истекло четыре года единовластия, в великой славе перед Паталипутрой он принял посвящение (перевод с пали автора).

Здесь следует отметить, что дискуссии о том, чем были эти 4 года, а также о том, когда Ашока стал буддистом, являются явлениями одного порядка. Махавамша, без сомнения, указывает на то, что по истечении 4 лет Ашока принял посвящение (*abhisekata*, от *abhisic*). А к упомянутой дискуссии, в данном случае, привело допущенное индологами смешение понятий.

Итак, проясним ситуацию. В Большом скальном эдикте №13 [3, с. 68–70] указано:

[aTha]- vaSa- a[bhis]ita[sa] devana]pri[a]sa pri[a]drasisa ra[Jo] ka[liga] vi[j]ita diaDha-sata-[saha]sre mat[r]e praNa-y[e] tato apavuDhe sata-sahasra-matre tatra hate bahu-tavata[ke va] m[uTe] [pa]ca tato ladh[e]Su [kaligeSu a[dhu]na tivre dhrama-silana] dhra[ma-ka]mata ca dhramanusasti devanapriyasa

В восьмом году после воцарения любезного богам Пиядаси царя Калинга завоевана. Полторы сотни тысяч живых человек оттуда уведено, сто тысяч человек там убиты, также более того числа пострадало. Уже затем, среди покоренных калингян, после[довали] страстные приверженность дхарме страсть к дхарме и наставление в дхарме любезного богам…

В эдикте использовано [*aTha*]- *vaSa*- *a*[*bhis*]*ita*[*sa*], т. е. однокоренное *abhisidh* «восседать», а не *abhisic* «посвящать, окроплять». А *abhisekata* Махавамши родственно именно *abhisic*, а не *abhisidh*. Однако исследователи, по крайней мере те, на которых основывается преобладающая в литературе точка зрения, этого по какой-то причине не замечают. Например, Р. Мукерджи переводит указанное место в эдикте, используя “consecration” [6, с. 16], а А. Гуругье его же приводит для английского текста упомянутого фрагмента Махавамши [8, с. 36]. А ведь уместен только второй вариант, поскольку в Махавамше речь, очевидно, идет о том, что мы сегодня называем «посвящением», и именно эта дата (а не обретение *ekarajja* «единовластия») приведена в источнике в связи со смертью Будды и историей буддизма. Что же касается «коронации», то так вполне можно называть и *abhisita*,

которая и есть обретение *ekarajja*. Отметим также, что существует и вариант перевода Большого скального эдикта № 13 со словом “coronation” [4, #rock13], что, вообще говоря, еще более запутывает ситуацию, принимая в расчёт разногласия относительно того, что следует считать «коронацией» – *abhisita* или *abhisekata*, завоевание Калинги приходится не то на восьмой [7, с. 27], не то на двенадцатый год правления Ашоки [1, с. 219; 6, с. 37].

К сказанному добавим, что информация Махавамши (MV V, 21–22), позволяет ответить и на вопрос о времени принятия Ашокой буддизма – на восьмом году правления (MV V, 46: V, 70).

Из всего сказанного вполне очевидно следует то, что существующая историческая последовательность событий истории Древней Индии VI – II вв. до н.э. в преобладающей академической и учебной литературе основана не на обширных санскритоязычных памятниках, а, практически, исключительно на источниках, написанных на пракритах и пали.

Библиографические ссылки

1. *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия в древности. М. : Наука, 1985.
2. *Вигасин А. А.* Великое посольство на Запад [Электронный ресурс] / Индийская эпиграфика. - М. 2000. Режим доступа: http://indepigr.narod.ru/paper/eng/great_embassy.pdf. – Дата доступа: 15.10.2009.
3. Corpus Inscriptionum Indicarum. Vol. I. Inscriptions of Asoka. New Edition / ed. E. Hultzsch. Oxford : Clarendon Press, 1925.
4. Dhammika, V.S. The Edicts of King Asoka. An English rendering [Electronic resource] / The Wheel Publication. – Kandy: BPS, 1993-2012. – Mode of access: http://www.accesstoinsight.org/lib/authors/dhammika/wheel386.html – Date of access: 15.02.2012.
5. Mahavamsa [Electronic resource] / Sri Lanka Tripitaka Project. – Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen, 2001. – Mode of access: http://www.sub.uni-goettingen.de/ebene_1/fiindolo/gretil/2_pali/3_chron/mahava_u.htm – Date of access: 10.08.2009.
6. *Mookerji R.* Asoka (Gaekwad Lectures). L. : Macmillan & Co., 1928.
7. The Edicts of Asoka / Ed. Nigam and McKeon. Chicago & London, 1959.
8. The Mahavamsa / ed. & transl. A. Gurugue. Pondicherry : The M.P. Birla Foundation, 1990.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В АВЕСТИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ И РИТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

А. С. Миксюк

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, miksiukas@bsu.by

В статье анализируется роль земледелия в авестийском обществе. Как одно из основных хозяйственных занятий земледелие распространяется в период сложения Младшей Авесты. Отдельного термина для обозначения земледельцев Авеста не знает, терминология, связанная с занятием земледелием, развита достаточно слабо. Хозяйственные функции земледельцев, по сути, подчинены религиозной доктрине и ритуальной системе зороастризма. Статус земледелия в обществе связан с дуалистическими представлениями о борьбе добра и зла, представлениями о сакральности земли.

Ключевые слова: Авеста; авестийское общество; Гаты; земледелие; зороастризм.

AGRICULTURE IN AVESTAN SOCIETY: ECONOMIC AND RITUAL ASPECTS

A. Miksiuk

Belarusian State University, Minsk, Belarus, miksiukas@bsu.by

The role of agriculture in Avestan society is analyzed in the article. As one of the main economic occupations, agriculture spreads during the formation of the Younger Avesta. Avesta doesn’t know a

separate term for denoting farmers, the terminology associated with farming is rather poorly developed. The economic functions of farmers, in fact, are subordinated to the religious doctrine and ritual system of Zoroastrianism. The status of agriculture in society is associated with dualistic ideas about the struggle between good and evil, ideas about the sacredness of the earth.

Keywords: agriculture; Avesta; Avestan society; Gathas; Zoroastrianism.

Центральная Азия, расположенная в сердце континента, играла важную роль в культурно-исторических процессах разных эпох, начиная с древности [1, p. 18]. Среди макрорегионов Древнего Востока Центральная Азия является, вероятно, наименее изученным и наиболее недооцененным. Причины подобного положения дел кроются, прежде всего, в том, что древняя история Центральной Азии освещена письменными источниками фрагментарно и крайне неравномерно. Ощущается отсутствие местной историографической традиции, а внешние источники касаются древней истории народов региона эпизодически (как правило, в связи с чужеземными походами на территорию Центральной Азии). В результате отдельные периоды истории региона отражены в письменных источниках достаточно подробно (к примеру, в связи с походами Александра Македонского), другие, часто длительные периоды – являются белыми пятнами, о которых практически отсутствует информация. По этой же причине для изучения ранней истории Центральной Азии большую ценность имеют археологические материалы.

Указанные проблемы увеличивают ценность тех немногих письменных источников, которые описывают древнюю историю Центральной Азии. Одним из таких источников является Авеста, сакральная книга зороастризма, которая позволяет реконструировать комплексную картину жизни древних народов региона Центральной Азии, а, возможно, и далеко за этими пределами. Несмотря на то, что Авеста является, прежде всего, сборником ритуальных текстов, она содержит крайне разнообразную, хотя и сложную для понимания, информацию о менталитете, традициях и обычаях, развитии хозяйства, социальных и политических институтах, процессах, которые происходили в регионе во II – первой половине I тыс. до н. э. Во многом сведения Авесты являются уникальными, поскольку до наших дней не сохранились иные письменные источники, описывающие тот же регион в тот же период. Кроме того, данные Авесты играют огромную роль с точки зрения сопоставления и корректной интерпретации результатов археологических раскопок в Центральной Азии. Все вышеуказанные аспекты актуализируют исследование социальных реалий Авесты.

В рамках данной статьи мы остановимся на анализе роли земледелия как одного из основных хозяйственных занятий авестийского общества. Авеста в этом контексте представляет особый интерес, поскольку фиксирует переход от кочевого скотоводства к оседлому земледелию.

Так, в Гатах, древнейшей части Авесты, единственным упоминаемым занятием является животноводство. Об этом свидетельствует особое место, которое занимает в Авесте корова (ав. gav), упоминаемая в числе первых творений бога Ахуры Мазды, созданных для блага животновода (Ясна 29, 6; Ясна 47, 3). Так называемая «Жалоба души коровы», излагающая многочисленные страдания и притеснения животного (Ясна 29), является одной из наиболее известных и часто переводимых глав Гат. Корова в целом упоминается в Гатах около 30 раз, кроме тех случаев, когда слово заменяется местоимением или подразумевается; термин встречается в четырнадцати из семнадцати глав Гат. Важность животноводства подчеркивается личными именами, этимология которых связана с животноводством. Так, к примеру, имя пророка Заратуштры (ав. Zaraθuštra) может

быть переведено как «[тот, кто] ведет верблюдов» [2, с. 4].

Общепринятым считается мнение о том, что скот в Старшей Авесте являлся мерилом благосостояния, социального престижа и эквивалентом денег [3, с. 118]. Косвенным подтверждением этого факта может быть жалоба Заратуштры на недостаток скота (ав. kamnafšvā) и людей (ав. kamnānā), последователей или слуг (Ясна 46, 2).

Это мнение подтверждают данные сравнительной этнографии и лингвистики в отношении индоевропейцев [4, с. 108] и результаты археологических раскопок в регионе Передней и Средней Азии, которые свидетельствуют о том, что хозяйство имело комплексный характер (земледелие сочеталось с животноводством), но главную роль играл крупный рогатый скот и лошади [5, с. 96]. Общество, описанное в Гатах, вероятно, могло быть знакомо с земледелием, на что указывал, к примеру, Р. Дж. Кент, отмечая, что социальная структура, которую изображают Гаты, невозможна в пастушеском обществе [6, p. 332]. Следует, однако, отметить, что в Гатах нет прямой информации о земледелии. К примеру, растения (ав. urvarā) упоминаются в связке «корова, воды и растения», ав. gąm tašō apascā urvarā̊scā, т. е. «корову сотворил и воды, и растения» (Ясна 51, 7), что позволяет идентифицировать их только с дикорастущими травами на пастбище или с растительным миром в целом.

Вместе с тем, косвенным свидетельством знакомства авестийского общества с земледелием является упоминание ритуального жертвенного хлеба драоны (ав. draonah-; ср.-перс. drōn) (Ясна 33, 8). Считается, что Заратуштра заменил драоной жертвоприношение животного в ритуале. Ритуальный хлеб в Авесте упоминается эпизодически (Ясна 10, 15; Ясна 11, 4-5; Ясна 33, 8) и более известен по среднеперсидской (пехлевийской) литературе как пресный хлеб круглой формы «наподобие земли»: «круг дрона подобен миру, края по окружности подобны горе Албурз» (Чим-и Дрон) [7, с. 318]. Основным значением авестийского слова draona- В. Ю. Крюкова называет «часть», а именно «часть (жертвоприношения твердой пищей «мйазда», ав. myazda-)» [8, с. 20]. Приготовление хлеба, очевидно, входило в функции жрецов [9, p. 297], хотя значение данного элемента ритуала по авестийским материалам реконструировать не представляется возможным. Вместе с тем, упоминание ритуального хлеба явно свидетельствует о том, что общество уже было знакомо со злаковыми культурами.

Таким образом, если авестийское общество эпохи сложения Гат и было знакомо с земледелием, то данное занятие не играло существенного влияния и не нашло явного отражения в проповеди Заратуштры, который ясно выражает заботу о домашних животных и, прежде всего, корове (Ясна 48, 5), но не упоминает о занятии земледелием.

Совершенно иную картину изображает Младшая Авеста. Здесь земледелие не просто упоминается, но признается почетным и уважаемым занятием первостепенной важности. Обязанность возделывать землю, сажать растения и деревья, выращивать урожай объявляется делом, угодным Ахуре Мазде (Видевдат 3, 4):

dātarə gaēθanąm astvaitinąm ašāum || kva θritīm aiŋhā̊ zəmō šāištəm || āaṯ mraoṯ ahurō mazdā̊ || yaṯ bā paiti fraēštəm kārayeiti | spitama zaraθuštra | yavanąmca vāstranąmca | urvaranąmca xvarəθō.bairyanąm | yaṯ vā anāpəm āi āpəm kərənaoiti | yaṯ vā āpəm āi anāpəm kərənaoiti

Создатель живых творений материальных, праведный! Где третье [место] этой земли самое счастливое? Так говорил Ахура-Мазда: то, на котором более всего он сеет, Спитама Заратуштра, зерна, травы, растений плодоносных,

или которое без воды, о!, водой наполняет или которое водное безводным делает.

Такое положение земледелия объясняется несколькими причинами. Прежде всего, идеология зороастризма в целом осуждает безделье, леность и нерадивость и восхваляет, наряду с прочими добродетелями, прилежание и труд. Так, знаменитая зороастрийская этическая триада включает в себя благие мысли, слова и поступки: ав. humata, hūxta, huvaršta, т. е. «благомысленный, благословный, благодейственный» (Ясна 35, 2). Характерно, что одним из дэвов (ав. daēva), т. е. демонов, является дэв лени Бушиаста (ав. būšyąsta), который на рассвете убеждает смертных продолжить свой сон (Видевдат 18, 16). Таким образом, занятие земледелием, как и любое другое благое действие, рассматривается как подтверждение благочестия. Если человек совершает добрые дела, то он уже тем самым содействует победе добра.

Зороастризм в этом контексте можно назвать религией действия, поскольку человек является активным участником борьбы двух мировых начал – добра и зла, порядка и хаоса, истины и лжи. Интересно в связи с этим отметить, что это положение оказывает влияние на формирование мировоззрение зороастрийцев и сегодня. Так, община парсов (зороастрийцы, переселившиеся в средние века из Ирана в Индию), несмотря на свою малочисленность, является весьма значимой и активной, выходцами из общины являются многие известные политические деятели, ученые, представители бизнеса.

Однако дело не только в том, что земледелие относится к благим видам деятельности. Согласно Авесте, земледелие непосредственно приносит страдания дэвам (ав. daēva), силам зла, противостоящим благим духам – ахурам [10, с. 417]. При этом тексты Авесты подробно описывают, как каждый этап земледельческого цикла от появления ростка до сбора урожая отражается на дэвах: так, урожай зерна сравнивается с расплавленным железом, вливаемым дэвам в рот, а наличие зерна в доме убивает дэвов (Видевдат 3, 32).

Важно отметить, что идеология зороастризма не требовала от человека аскетизма, соблюдения поста или иных ограничений в питании. Напротив, согласно Авесте, человеку надлежало хорошо питаться, поскольку только, обладая силами, он был в состоянии успешно трудиться и совершать благочестивые поступки (Видевдат 3, 33):

xvāṣ̌aya zī vīspō aŋhuš astvā̊ jvaiṇti | axvāṣ̌e framiryeiti

От питания каждое существо материальное живет, без питания оно умирает.

Таким образом, земледельцы выполняют сакральные функции и как производители питания для общинников.

Наконец, в Авесте прямо говорится, что тот, кто засевает зерно, тем самым сеет порядок, истину (ав. aša) и распространяет веру почитающих Ахуру Мазду (ав. daēna mazdayasna) (Видевдат 3, 31). Незасеянная земля называется несчастливой и сравнивается с незамужней бездетной девушкой (Видевдат 3, 24). Забота о земле и растениях являлась составной частью принципа «содействия всему живому». Таким образом, занятие земледелием вводится фактически в ранг добродетели, в отсутствии которой следование учению Заратуштры не вменяется в заслугу [11, p. 64].

Немаловажно для понимания значения земледелия в авестийской культуре учесть и тот факт, что земля относится к сакральным стихиям. В целом, почитание основных стихий мироздания в той или иной мере свойственно многим народам, однако в зороастризме это положение имело целый ряд далекоидущих последствий. Прежде всего, это касалось особого кодекса поведения в отношении стихий и создания системы специфических обрядов и ритуалов: очищения загрязненной

стихии, погребения мертвого тела и др. Никакая мертвая материя не должна была касаться земли, которую нужно было предохранить от осквернения [12, с. 4].

Каждому члену общины вменялась в обязанность борьба со злом в любом его проявлении, в т. ч. защита от нечистой материи священных стихий. К примеру, в Авесте говорится о том, что из выброшенных в землю волос и ногтей появляются дэвы и вредоносные насекомые (Видевдат 17, 1–3). Соответственно, поддержание чистоты земли являлось прямой обязанностью каждого человека, чему посвящены многие главы Видевдата (прежде всего, Видевдат, 3). В этом контексте все проявления хозяйственности и заботы о земле, в т. ч. обработка земли, строительство каналов, мостов, приравнивались к «очищающим» землю обрядам [13, с. 9]. Таким образом, авестийские представления о земледелии превращали каждого человека в «соучастника» процессов, имевших мировое значение, а рядовые общинники, занимаясь земледелием, выполняли важные функции, которые обосновывались не только потребностями и хозяйственными интересами общества, но и религиозной доктриной. Характерно, что некоторые божества авестийского пантеона приобретают функции, связанные с покровительством земледелию. Прежде всего, это касается божества Тиштрии/Сириуса (ав. tištrya), которое приносит дожди и плодородие землям. Один из наиболее значимых сюжетов, связанных с Тиштрией, – это описанная в Яште 8 борьба Тиштрии с Апаошей (ав. apaoša), дэвом засухи. Результатом этой борьбы является приход вод на засеянные зерном поля, пастбища и для всех живых творений (Яшт 8, 29).

Однако при том, что Авеста достаточно подробно описывает значение земледелия для общества с ритуальной точки зрения, материальной стороне данного занятия посвящено не так много информации. Прежде всего, Авеста не знает особого термина для обозначения земледельца. Наименование социальной группы производителей, т. е. земледельцев-животноводов, в Младшей Авесте – ав. vāstryō fšuyąnt, что может быть переведено как «держащий скот», «разводящий скот», «относящийся к сельскому хозяйству» [14, p. 1416], хотя С. Н. Соколов и предлагает вариант перевода «крестьянин» [15, с. 334]. При этом наличие древней индоевропейской формы *Hat’- в значении «зерно», восстанавливаемой на основании свидетельств ряда древних языков, позволяет говорить о достаточно раннем развитии земледелия [16, с. 655]. Наиболее часто в Авесте употребляется термин yava-, т. е. «злак». Вероятно, этим термином обозначался любой злак, однако с учетом близости к перс. ǰav- можно предположить, что речь идет про ячмень. Авеста также хорошо знакома с орошением. Так, говорится, что нельзя засевать и орошать (ав. āpō. hərəzayən) землю, в которой умер человек или собака, на протяжение года (Видевдат 6, 2). Создание ирригационных каналов и осушение болот относится, наряду с засеванием поля, к числу действий, которые делают землю счастливой (Видевдат 3, 4).

Достаточно сложным представляется определение характера земельных отношений в авестийском обществе. Вероятно, что земля все еще рассматривалась как собственность общины. Об этом могут свидетельствовать два фрагмента Авесты. Прежде всего, уже упомянутая выше жалоба Заратуштры на недостаток скота (ав. kamnafšvā) и людей (ав. kamnānā), (Ясна 46, 2). В этом перечне не упоминается недвижимое имущество – земля или дом. Второе свидетельство – это перечисление вознаграждений целителю за лечение. Плата за услуги варьируется в зависимости от социального и семейного статуса человека, его места в иерархии властей и производится скотом: быком разной стоимости, ослицей, коровой, кобылой, верблюдицей (Видевдат 7, 41–43). Таким образом, в Младшей Авесте скот по-прежнему остается главным платежным средством. Вместе с тем среди

шести различных категорий договоров упоминается договор ценой в землю (ав. daiŋ́hu.mazō), где земля выступает в качестве предмета залога. Особо оговаривается, что земля должна быть плодородной и урожайной (Видевдат 4, 2). В этой связи любопытно отметить, какой авестийский термин используется в описании договора: ав. daiŋ́hu, как правило, обозначает не только «землю» [14, p. 706–710], но и «страну» [14, p. 706–710; 15, с. 234], «край», «местность», «провинцию» [14, p. 706–710]. Договор, в котором в качестве предмета залога выступает земля, называется последним и является наиболее значимым, исходя из последствий нарушения договора: предусматривает 1000 ударов бичом и особой, «приводящей к послушанию» плетью (Видевдат 4, 16) и распространяет грех на 1000 мужей, являющихся родственниками нарушителя (Видевдат 4, 10). Все эти обстоятельства подчеркивают ценность земли.

Таким образом, распространение земледелия как одного из основных хозяйственных занятий в авестийском обществе относится к периоду сложения Младшей Авесты. Как конкретная практическая деятельность земледелие в Авесте описано весьма скупо, основное внимание уделяется роли земледелия как составной части религиозной доктрины и ритуальной системы зороастризма. Земледелие, а также связанные с ним занятия (орошение земли, осушение болот), относится к числу благих действий, непосредственно вписанных в мировую борьбу добра и зла, порядка и хаоса, а правила относительно поддержания ритуальной чистоты земли обосновываются представлениями о ее сакральности.

Библиографические ссылки

1. History of Civilizations of Central Asia: The dawn of civilization: earliest times to 700 B. C.: Vol. 1 / ed. by A. H. Dani, V. M. Masson. P. : UNESCO Publishing, 1996.
2. *Стеблин-Каменский И. М.* Предисловие // Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата. М. : Дружба народов, 1993. С. 3–12.
3. *Лелеков Л. А.* Индоиранская идеология между первобытностью и раннеклассовым обществом // Идеологические представления древнейших обществ: тез. докл. М. : АН СССР, 1980. – С. 117–119.
4. *Чайлд Г.* Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М. : Центрполиграф, 2007.
5. *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
6. *Kent R. G.* Cattle-Tending and Agriculture in the Avesta // Journal of the American Oriental Society. 1919. Vol. 39. P. 329–333.
7. Чим-и Дрон // Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты / под ред. О. М. Чунаковой. М. : Восточная литература, 1997. С. 318–320.
8. *Крюкова В. Ю.* Жертвоприношение в традиционной культуре ираноязычных народов Центральной Азии // Центральная Азия. Традиция в условиях перемен: Вып. 1. СПб. : Наука, 2007. С. 13–40.
9. *Modi J. J.* The Religious Ceremonies and Customs of the Parsees. Bombay : British India Press, 1922.
10. *Брагинский И. С.* Дэвы // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. М. : НИ «Большая Российская энциклопедия», 1998. Т. I. С. 417.
11. *Dhalla M.* History of Zoroastrianism. N. Y. : AMS Press, 1977.
12. *Мейтарчиян М.* Погребальные обряды зороастрийцев. М.-СПб. : Институт востоковедения РАН; Летний Сад, 2001.
13. *Айларова С. А., Тебиева Л. Т.* Зороастризм: культ труда и хозяйственности // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 2018. № 2. С. 7–11.
14. *Bartholomae C.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg : Verlag von Karl J. Trübner, 1904.
15. *Соколов С. Н.* Язык Авесты. Л. : Изд. Ленинградского университета, 1964.
16. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В.* В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2 т. Т. 2. Тбилиси : Изд. Тбилисского университета, 1984.

«ЦАРЬ-СУДЬЯ»: ЗЕМЕЛЬНЫЕ СПОРЫ В КУДУРРУ МЕЛИ-ШИПАКА (1186–1172) И МАРДУК-АПЛА-ИДДИНА (1171–1159)

В. Н. Дубовская

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, valeria.dubovskaya@gmail.com

Кудурру касситской эпохи являются исключительно царскими. Поскольку именно правитель выступает в них как единственный инициатор дарения земли, они представляются довольно содержательным источником для изучения феномена царской власти в Междуречье II тыс. до н. э. Среди известных памятников особое место занимают кудурру связанные с судебными разбирательствами вокруг земель. В таких документах царь выступает в роли судьи, чьи решения, однако, также могут оспариваться. На материале кудурру царей Мели-Шипака и Мардук-апла-иддина рассматриваются ситуации, которые могли привести к судебному спору между бывшими и новыми владельцами земель, а также случаи, требующие царского вмешательства и судейства. Особое внимание обращают на себя прецеденты, связанные с оспариванием уже принятого царём решения, требующие повторных разбирательств. Автор статьи полагает, что установка куддуру при решении судебных споров являлась крайней ситуацией, связанной с необходимостью поддержания авторитета правителя.

Ключевые слова: кудурру; касситы; царская власть; земельный спор; царское дарение; Мели-Шипак; Мардук-апла-иддин; Адад-шума-уцур; Адад-шума-иддин.

«KING THE JUDGE»: LAND DISPUTES IN KUDURRUS OF MELI-SHIPAK (1186–1172 BC) AND MARDUK-APLA-IDDIN (1171-1159 BC)

V. Dubovskaya

Belarusian State University, Minsk, Belarus, valeria.dubovskaya@gmail.com

The Kudurrus left over from the Kassites era are exclusively royal. They seem to be a rather informative source for studying the phenomenon of kingship in the Mesopotamia of the II m. BC. because the ruler was the sole initiator of the donation of land. Among the famous monuments, a special place is occupied by kudurrus related to litigation around the lands. In such documents, the king acted as a judge, whose decisions, however, can also be challenged. Based on the material of the kudurrus of kings Meli-Shipak and Marduk-apla-iddin, situations that could lead to a legal dispute between the former and new owners, as well as cases requiring royal intervention and judging, are considered. Particular attention is drawn to the precedents associated with challenging the decision already made by the king, requiring repeated proceedings. The author of the article believes that the installation of kudurrus connected with resolving judicial disputes was an extreme situation provoked by the need to maintain the authority of the ruler.

Keywords: Kudurru; Kassites; Kassites; land's litigation; king's donation; Meli-Shipak; Marduk-apla-iddin; Ada-shuma-uşur; Adad-shuma-iddin.

Кудурру – специфический вид памятников, появившийся в Междуречье в эпоху касситского правления. Хотя генезис их не вполне ясен, можно с уверенностью говорить, что они были вызваны к жизни необходимостью решения неких насущных задач касситского правящего дома.

Кудурру обозначенного периода, за единственным исключением, являются царскими, представляют существенный интерес для изучения феномена царской власти в Междуречье во II тыс. до н.э.

Памятников, повествующих о судебных разбирательствах с участием царя, всего два. Это кудурру Мели-Шипака (BM 90827) и кудурру Мардук-апла-иддина

(Sb 26). Тот факт, что документы относятся к правлению отца и сына, только усиливает исследовательский интерес к ним в желании найти особые смысловые пересечения и закономерности.

Несмотря на то, что функции кудурру в культуре Междуречья до сих пор четко не очерчены, не вызывает сомнений тот факт, что памятники несли на себе нагрузку юридического документа, хотя не являлись им в полной мере [6, p. 361; 7, p. 269–270].

Из этого вытекает довольно устойчивый формуляр, основанный на тысячелетней традиции делопроизводства, легший в основу помещенного на камнях текста.

Кудурру царей Мели-Шипака и Мардук-апла-иддина в своей документальной части (исключающей проклятия) [7, p. 268] представляет собой протокол судебного разбирательства и крайне сложен по своему содержанию. Он повествует о многолетних тяжбах вокруг земель «дома» Takil-ana-ilišu, глава которого умер, не оставив наследников. Царь Адад-шума-иддин передал земли брату покойного Ur-Bêlit-muballîţat-mîti, однако это вызвало споры со стороны. Уже в правление Адад-шума-иддина собственность на переданные земли оспаривают как минимум три человека: Kidin-Ninib, заявивший себя сыном дочери «дома», Luşa-[…] и Ninib-muš-[…], назвавшиеся братьями Takil-ana-ilišu. После рассмотрения жалобы и опроса свидетелей Адад-шума-иддин не удовлетворяет жалобы, оставляя земли за Ur-Bêlit-muballîţat-mîti.

В правление следующего царя Адад-шума-уцура братом почившего Takil-ana-ilišu называется Izkurea и претендует на 5 гур земли. Лакуна в тексте не позволяет узнать, по какой причине Izkurea отказано в претензии, однако вероятно он также не смог подтвердить своё родство. При этом же царе уже сам владелец Ur-Bêlit-muballîţat-mîti обращается в суд с требованием вернуть 10 gur земли, которые некогда были проданы Kar-[…]-Belti, назвавшегося сыном Takil-ana-ilišu, некому Belani. Согласно тексту, царь утвердил эту сделку:

^{42}a-na ^{m}Be-la-ni[…] ^{43}ša ^{d}Bel matati a-[…] ^{44}šarru ^{d}Adad-šuma-uşur […] ^{45m}Amêl-^{d}Nabû […] ^{46}it-ti ^{m}Ur-^{d}Belit-muballiţat-mîti ^{47}šarru iš-pur-šu-[m]a ^{48}reš ekli šu-a-tu [iš]- ši-ma (Col II)

для Belani[…], которому господин земель царь Adad-šuma-uşur,(в присутствии) Amêl-Nabû […]и Ur-Bêlit-muballiţat-mîti царь отдал ему, и столб пограничный на поле этом поставил.

Однако затем после обращения Ur-Bêlit-muballîţat-mîti он изменяет своё решение:

^{1}ţe-im-šu a-na šarri ^{2d}Adad-šuma-uşur u-tir-ma ^{3}10 gur SHE.ZIR ša a-na ^{m}Be-la-ni ^{4}na-ad-nu šarru ip-kir-ma ^{5}a-na Ur-^{d}Belit-muballiţat-mîti (Col III)

Своё сообщение царю Adad-šuma-uşur'у направил он (Ur-Belit-muballiţat-mîti), 10 гур плодородной земли, что Belani были переданы, царь забрал и Ur-Bêlit-muballiţat-mîti отдал.

Belani же получил за земли эквивалентную компенсацию, которую определили царские чиновники. После этого Belani и Ur-Bêlit-muballîţat-mîti отказались от взаимных претензий, а царь определил новые размеры дома Takil-ana-ilišu, *опечатал* их и *передал* Ur-Bêlit-mubaliêat-mîti.

В правление Мели-Шипака спор продолжился уже между потомками уважаемых старцев. Некто Aẖu-darû захватил земли «дома» и заявил, что царь Адад-шума-уцур, когда делил земли, пренебрег его интересами, ибо он был младенцем. Хотя Aẖu-darû так и не смог доказать своего родства, Мели-Шипак был готов разрешить спор компромиссом, на который Aẖu-darû однако не согласился.

После его смерти компенсацию в виде города Parak-mari получил его сын Enlil-nadin-šumu.

Остальные же земли «навсегда были отданы» Marduk-kuduri-uşuru сыну Ur-Bêlit-mubaliêat-mîti и племяннику Takil-ana-ilišu.

Кудурру Мардук-апла-иддина повествует о том, как на земли Munabittu, которые некогда были подарены царем Мели-Шипаком, но не пропечатаны, заявил свои претензии сосед Aḫunea. Царь Мардук-апла-иддина выслушал свидетелей и не удовлетворил претензии Aḫunea, после чего в присутствии свидетелей «запечатал документ» и отдал земли Munabittu навсегда.

Если в результате смерти главы дома не остаётся законного наследника, который может вступить в права и организовывать полноценное функционирование общины, вероятно, единственной силой, которая может разрешить сложившуюся ситуацию является правитель, но не только на том основании, что он воплощение власти.

Земля, ставшая объектом спора и дележа, имеет тенденцию к быстрому выпадению из хозяйственного оборота. С таких земель проблематично собрать налог, организовать полноценную и беспроблемную работу ирригационной системы. Подобный «царский страх» зафиксирован в текстах иных кудурру, например, Sb 23, где Мели-Шипак запрещает причинять вред переданным землям [10, p. 89]:

^{amil}ḫa-za-nam bi(pi)-ḫa-[tam] ^{2}a-na alâni šu-nu-ti la e-ri-[bi-im] ^{3}[n]am-kar ši-ki-ti-šu-nu ^{4}[la] si-ki-ri-[im] ^{5}êqlê ši-na-ti ^{6}an na-ak-kam-ti me-e ^{7}a ša-ka-ni (Col II)

Главам провинций в селения эти не приходить! Оросительную систему не блокировать! Эти поля запасов воды не лишать!

Ситуация спорной земли – потенциально опасная ситуация для государства, ответственность за которое несет царь. Вероятно, в данном случае царь выступает и как охранник утвержденных, священных границ, как гарант их нерушимости, а значит и гарант стабильности [11, p. 83]. С этой же царской функцией связана ситуация силового захвата границы, когда кто-либо самовольно захватывает весь участок или часть его. При этом текст кудурру разделяет для нас две различные ситуации. Первая: спор за землю, в котором каждая из сторон уверена в своей правоте. В этом случае царь выступает как судья, выслушивает свидетелей и принимает решение, видимо, с минимальными негативными последствиями для спорщиков. В случае с конфликтом Ahunea и Munabittu (Sb 26) царь признает права одного и отвергает претензии другого, не предполагая каких-либо наказаний за захват земель, спровоцировавший судебное разбирательство. В случае спора потомков дома Takil-ana-ilišu (BM 90827^{MŠ}) правитель вообще идет на компромисс, передавая «захватчику» часть земель.

Вторая ситуация – потенциальный захват после установления кудурру. Вероятней всего подобный случай уже не входит в круг полномочий правителя, а отдаётся в полное божественное распоряжение, о чем и свидетельствуют многочисленные проклятия, предупреждающие возможного нарушителя.

Крайне интересными являются ситуации «незаконной сделки» и «неправильного» решения, притесняющего какую-либо из сторон, ибо косвенно указывают на возможность царя совершить ошибку, а также право участников конфликта оспорить царское решение до какого-либо момента.

Тексты кудурру демонстрируют нам, что царь, действуя в рамках утвердившегося судебного порядка, может не только принять к рассмотрению жалобу на неправомерность предыдущего решения, но и признать собственную ошибку или ошибку предшественника. В таком случае он стремится к максимально

возможному компромиссу, удовлетворяющему обе стороны.

Однако возникает вопрос, насколько часто возможно было оспорить царское решение без последствий и какое отношение к этому имеют кудурру? Что вызвало к жизни кудурру, фиксирующие судебный процесс? Что бы ответить на эти вопросы следует обратить особое внимание на то, в какой форме царь оформляет свое решение относительно спорных земель. Sb 26 и BM 90827 фиксируют несколько вариантов. В Sb 26 царь вместе с представителями администрации «записали их» (земли) (išpuršunutima), отмеряли (imšuḫu) и утвердили (ukinnu). При этом глагол ukinnu (от kânu) имеет значение прочности, фиксация, нерушимости, т.е. земли «прочно зафиксированы» за получателем. Однако из теста следует, что Мели-Шипак эти земли «не пропечатал» (ul iknuk). На сегодняшний момент не совсем ясно, что же для данного периода означает «пропечатывать землю» [6, p. 359]. Связано ли это с тем, что царь не приложил печать к глиняному документу, или он не предоставил новому владельцу некого символического предмета, означающего передачу земель – остаётся неясным. Но независимо от этого царь Мели-Шипак «забыл» совершить «нечто», что закрывает возможность для оспаривания его решения бывшим владельцем участка. Мардук-апла-иддин, исправляя оплошность своего отца, отдаёт все земли Munabitu, отмеряв их (imšum), зафиксировав прочно (ukinu) и «пропечатав таблицу поля с законным решением» (A.ŠA kanik dini iknuk-ma), которую и получил сам владелец. После этого ещё один документ (вероятно копия) с печатью, делят между собой свидетели. Затем следует формула предуреждений и проклятий, которая ознаменует установление кудурру, что означает только одно – оспорить решение царя теперь невозможно и тяжбу за переданый участок начинать нельзя.

В кудурру BM 90827 мы встречаемся со следующимим вариантами фиксации решений:

А) царь земли отдал (iddin) и «размеры отцовских домов дал им знать» (arki bitati abie šunu ušeiddišunuti). Сопровождалась ли подобная пердача царским документом или это было просто некое словарное утверждение вместе с символическим жестом или клятвой, по кудурру установить невозможно, но очевидно, что такая форма передачи не избавляла от дальнейших претензий.

Б) Встречается в документе и формула «передал и запечатал» (iknuk-ma iddin), то есть ровно то, что Мели-Шипак забыл сделать в случае с дарением Munabitu. Однако кудурру BM 90827 свидетельствует, что «пропечатывание» все равно не спасает царя от оспаривания принятого им решения, ведь Ahu-daru заявляет, что хоть царь «запечатал» и «отдал» землю – интересы его ущемлены и решение нужно отменить.

В) Спор завершается лишь тогда, когда Мели-Шипак запечатывает земли и «отдаёт их навсегда» (um şadi iddin). После чего идёт формула предупреждений и проклятий, и хотя царь прямо не говорит, что устанавливает «камень» или кудурру, но наличие запретных формул явно предполагает это.

Таким образом мы видим, что для ликвидации любой возможности споров и сомнений в правильности царского решения со стороны третьих лиц, правителю необходимо сделать следующее:

- зафиксировать принятое решение в документе;
- произвести процедуру «пропечатывания»
- заявить о «вечности дарения»
- установить кудурру.

Можно предположить, что установление кудурру с одной стороны является синоним вечности царского дарения, а с другой стороны, подтверждает

правильность принятого царём решения, ибо не допускает апелляций.

Текст камня Мели-Шипака не является полновесным подтверждением этого предположения, однако, и не отвергает его. Нам не известно является ли текст BM 90827 компиляцией предыдущих кудурру. Однако ни Аддад-шума-иддин, ни Адад-шума-уцур не ссылались на «вечность» при решении вопроса с землями дома Takil-ana-ilišu и не заявляли об установлении кудурру.

Лишь Мели-Шипак «запечатывает и отдаёт навечно» владения спорного дома, а далее прописывает запрещающий текст, согласно которому родственники Takil-ana-ilišu больше не могут претендовать на эти земли. Кроме того, если предшественники Мели-Шипака всё же устанавливали кудурру, а спорщики, несмотря на запреты и проклятия, посягали на утвержденное там, вряд ли данный факт, являющийся уже святотатством, не нашёл бы своего отражения в тексте BM 90827. Исходя из этого, возможно предположить, что установленный Мели-Шипаком кудурру всё же был первым в этом сложном деле о семейном наследстве и символизировал окончательность царского решения, которое было подтверждено богами, а значит, не могло быть оспорено.

Появление кудурру Мардук-апла-иддина вызвано, как видно из текста, «технической» ошибкой его отца Мели-Шипака, который передал землю, но не «пропечатал» её, что и спровоцировало спор с одним из соседей [6, p. 359]. Поскольку переданная земля выявила потенциальную опасность спора Мардук-апла-иддина, видимо, решает пресечь проблему на корню, и, рассмотрев дело, не только подтверждает решение своего отца в передаче земли но и устанавливает куддурру, лишая тем самым соседей любых возможностей оспорить его решение.

Выводы:

Согласно кудурру, повествующим о судебных тяжбах вокруг земель, функции царя выходят за пределы роли судьи. Он является гарантом стабильности в государстве и гарантом сохранения установленного порядка, поскольку обладает правом распоряжаться судьбой общинных земель, оставшихся без прямого наследника.

Безусловно, царь является верховным судьёй в решении земельных споров и принимает решения в соответствии с утвердившейся судебной традицией. Однако царское решение, даже в случае, если оно оформлено соответственно правилам делопроизводства, может быть оспорено в суде.

В случае, когда нарушаются границы земельного владения и у нарушителя есть основания для этого, царь также выступает в роли судьи, привлекая к процессу свидетелей, а к исполнению решений – ответственных чиновников. Но если царь передаёт землю «навечно» и усиливает это решение кудурру, оспорить его уже нельзя, поскольку царь отказывается от своей роли судьи и передаёт землю исключительно под божественное покровительство, тем самым косвенно устраняя любую возможность противодействия своим решениям.

Библиографические ссылки

1. *Gelb I. J., Steinkeller P., Whiting R. M. Jr.* Earliest Land Tenure Systems in the Near East: Ancient Kudurrus. Chicago : Oriental Institute of the University of Chicago, 1991.

2. *Paulus S.* Die babylonischen Kudurru-Inschriften von der kassitischen bis zur frühneubabylonischen Zeit. Untersucht unter besonderer Berücksichtigung gesellschafts und rechtshistorischer Fragestellungen. Alter Orient und Altes Testament 51. Münster : Ugarit Verlag, 2014.

3. *Brinkman J. A.* A catalogue of cuneiform sources pertaining to specific monarchs of the Kassite dynasty. Materials and Studies for Kassite History. Vol. 1. Chicago : Oriental Institute of the University of Chicago, 1976.

4. *Slanski K. E.* The Babylonian Entitlement narûs (kudurrus). A Study in their Form and Function. Boston : ASOR Books, 2003.

5. *Seidl U.* Die babylonischen Kudurru-Reliefs. Symbole mesopotamischer Gottheiten. OBO 87. Feiburg, Göttingen : Vandenhoeck und Ruorecht, 1989.
6. *Paulus S.* Vom babulonischen Königssiegel und von gesiegelten Steinen // Organization, Representation and Sumbols of Power in the Ancient Near East. Proceedings of the 54th Recontre Assyriologiue Internationale at Würzburg. 20–25 julu 2008. Winona Lake, Indiana : Eisenbrauns, 2012. P. 357–367.
7. *Brinkman J. A.* Kudurru A. Philologish // Reailexicon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archölogie. Band 6. Berlin, New York : Walter de Gruyter,1983. P. 268 – 274.
8. *Scheil V.* Textes élamites-sémitiques, troisième série. Mémoires de la Délégation en Perse. Vol. 6. Paris, 1905.
9. *King L. W.* Babylonian Boundary-Stones and Memorial Tablets in the British Museum. L. : Trustees of the British Museum, 1912.
10. *Scheil V.* Textes élamites-sémitiques, troisième série. Mémoires de la Délégation en Perse. Vol. 10. Paris, 1908.
11. *Charpin D.* Writing, Law and Kingship in Old Babylonian Mesopotamia. Chicago and London : University of Chicago press, 2010.
12. *Huehnergard J. A.* Grammar of Akkadian. Atlanta : Scholars Press, 1997.
13. The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Vol. 1–21. Chicago : Oriental Institute of the University of Chicago, 1956–2000.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПРОВИНЦИЕЙ ЙЕХУД (VI–IV вв. до н. э.)

А. В. Дягель

УО ФПБ «Международный университет «МИТСО», г. Минск, Беларусь, annadjagel@gmail.com

В статье рассматривается система управления Ахеменидской империи на примере провинции Йехуд. На основании анализа терминологии на древнеперсидском, арамейском, древнееврейском языках определены полномочия сатрапа и наместника провинции. Определено, что древнееврейский термин *медина* обозначал провинцию, в частности провинцию Йехуд. В результате исследования автор пришел к выводам, что персидская провинция Йехуд существовала с самого начала персидского периода, а не с приезда туда Нехемьи в качестве наместника. Йехуд входила в состав сатрапии Заречье.

Ключевые слова: Ахеменидская империя; провинция Йехуд; Нехемья; сатрапия Заречье.

GOVERNANCE SYSTEM IN THE PROVINCE OF YEHUD (VI-IV CC BC)

A. Djagel

Higher Educational Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus International University MITSO, Minsk, Belarus, annadjagel@gmail.com

The article study the governance system of the Achaemenid Empire on the example of the province of Yehud. Based on the analysis of the terminology in the ancient Persian, Aramaic, Hebrew languages, the powers of the satrap and the governor of the province were determined. It is determined that the Hebrew term medina denoted a province, in particular the province of Yehud. As a result of the research, the author came to the conclusion that the Persian province of Yehud existed from the very beginning of the Persian period, and not from the arrival of Nehemya there as a governor. Yehud was part of the Eber-Nari satrapy.

Keywords: Achaemenid Empire; province of Yehud; Nehemya; Eber-Nari satrapy.

Известный советский и российский ученый-востоковед В. А. Якобсон так характеризовал структуру древних империй: «Они состояли из метрополии, т.е. территории того народа, который создал империю, и где находилась центральная

администрация, а также из провинций или областей, непосредственно подчиненных центральной администрации» [26, с. 112–113]. При этом он обращал внимание, что статус областей мог быть разным: они «могли входить в состав провинций и фактически подчиняться наместникам провинций либо сохранять формальную самостоятельность, но находиться под контролем наместника ближайшей провинции» [26, с. 112–113]. Эта характеристика в полной мере отражает ситуацию в государстве Ахеменидов. Разница в статусе отдельных территорий обуславливалась разным временем включения их в состав империи и разным уровнем развития этих территорий. Административная структура государства Ахеменидов в целом достаточно хорошо изучена, особенно на общегосударственном уровне. Это государственное образование объединяло самые различные территории по уровню социально-экономического развития, этноязыковому составу населения и т.д. Согласно свидетельству Геродота, Дарий I «*разделил персидскую державу на 20 провинций (округов), которые у персов называются сатрапиями (*satrapēιē*)*» (III, 89–94). Кроме термина satrapēιē «сатрапия», Геродот использует в качестве синонимов nomoι «номы» и archaι «царства» [18, с. 109]. В древнеперсидских текстах термин «сатрапия» не засвидетельствован. Но в персидских источниках употребляется термин dahyu-, используемый уже в Авесте в форме daiήhāvō (с возм. соответствием санскр. deza). В авестийских текстах *дахью* – это еще и этническая единица, следующая за племенем (больше чем племя) [24, с. 234]. В царских надписях Ахеменидов этот термин имеет значение «земельная область, край, земля, страна» [3, S. 706–708].

В Бехистунской надписи царь Дарий I использует термин *дахью* в трех в разных случаях:

1. При перечислении стран, которые входили в состав империи и, вероятно, были сатрапиями;

2. Территориальные единицы (неадминистративные) различных размеров, такие как Нисайя (DB. I, 58) и Кампада (DB. II, 27) в Мидии и т.п.;

3. В самых общих выражениях, типа «в такой-то стране».

По мнению Ю. Кухарчик, «*дахью* не была административной единицей империи, а была понятием, прежде всего, географическим и означала некоторое территориальное объединение» [23].

Иудея входила в сатрапию Заречье [9, p. 457–464] и была относительно небогатой и не самой заметной территорией на общегосударственном уровне. Иудея и иудеи не упоминаются в собственно персидских источниках (например, Бехистунской надписи [15]), которые говорят об административном устройстве государства, или в сочинениях греческих авторов. Самым ранним упоминанием иудеев у античных авторов являются сочинения Феофраста (372–288/7 гг. до н.э.) «О благочестии» и «О камнях» [25]. И хотя можно утверждать, что это первый античный автор, который специально интересовался евреями, о территории их расселения он не говорит ничего. Следовательно, ни персидские, ни античные источники не могут нам помочь в определении границ Иудеи. Основным письменным источником остаются книги Ветхого Завета и, в частности, книга Эзры–Нехемьи.

Заречье (аккадский Ebir-Nari, арамейский עבר-נהרה Abar Nahara) – аккадское название, которое использовалось в Ассирийской и Вавилонской империи в VIII–V вв. до н.э. для стран на запад от Ефрата. В 535 году до н.э. Кир объединил Вавилонию и Заречье в одну сатрапию, которая включила в себя почти всю территорию бывшего Неовавилонского царства [7].

Заречье в древнеперсидском и эламском языке называлась Athurā, т.е.

Ассирия [20, с. 66].

Наиболее полное ветхозаветное описание системы управления государства Ахеменидов встречается в книге Эстер, действие которой разворачивается во дворце царя Ахашвейроша. В этой книге следующим образом описана управленческая структура государства Ахеменидов:

*«...и предписано все, как приказал Аман, сатрапам царским (ахашдарпан (*אֲחַשְׁדַּרְפְּנֵי הַמֶּלֶךְ*)), и наместникам, что над каждой областью (пахот ашэр аль медина у медина* (הַפַּחוֹת אֲשֶׁר עַל מְדִינָה וּמְדִינָה*), и начальникам каждого народа каждой области (сарэй ам ва ам медина у медина (*שָׂרֵי עַם וָעָם מְדִינָה וּמְדִינָה*))...»* (Эстер 3:12).

Сравнение с собственно персидскими источниками показывает, что автор книги Эстер был хорошо знаком с ахеменидскими реалиями. Так согласно Бехистунской надписи (DB III, 14) во главе сатрапии стоял xšaçapāvan. Семантика этого слова не вызывает сомнений. Оно образовано путем сложения двух основ: xšaça «область» и *pāvan* «защитник», образованного от глагола pā(y) «защищать, отражать, охранять» [4]. Буквальный перевод звучит как «защитник области», но в русскоязычной историографии укрепилось «блюститель области» [25, с. 128]. От персидского xšaçapāvan произошла и греческая форма σατράπης *сатрапс* [14]. С уверенностью можно говорить, что эта должность известна с начала возникновения государства Ахеменидов. Полномочия персидских сатрапов были достаточно обширны и, на начальном этапе, во многом совпадали с полномочиями начальников ассирийских провинций (bêl pəxāte, pexātu) [21]. Э.А. Грантовский доказывает, что xšaça-pā- засвидетельствован уже в VIII веке до н.э., и данный титул использовали для обозначения самостоятельных вождей в Западном Иране [16, С. 323–324]. В вавилонской транскрипции для обозначения сатрапа используется слово pakhatu.

Сатрапы обладали широкими полномочиями: 1. сбор податей; 2. поддержание безопасности и сохранности царских дорог в пределах его области; 3. осуществление судебной власти, 4. контроль над местными чиновниками, 5. некоторые сатрапы имели право чеканить серебряную и медную монету.

Военная власть, как правило, находилась в руках военачальников, которые подчинялись непосредственно царю, но это разделение гражданских и военных функций не соблюдалось строго. И хотя реформы Дария I (519 г. до н.э.) четко разделили сатрапов и военачальников, реальная власть первых зависела очень от многих факторов. Ранее сатрап мог осуществлять общее командование войсками во время войн, при Ксерксе I (486–465 гг. до н.э.) и позднее некоторые сатрапы находились в зависимости от военачальников [22, с. 630].

Таким образом, сатрап управлял обширными территориями и обладал высокой степенью автономии в принятии решений. Впрочем, очень многое зависело от личности сатрапа.

Сатрапам подчинялись наместники более мелких территорий, которые назывались арамейским термином pahat, производным от аккадского pāhatu [17, с. 159]. В целом в государстве Ахеменидов pahat мог быть наместником самых различных по размеру территорий и совмещать разные должности. Так, например, из документов дома Мурашу [18, с. 14] известно, что pahat по имени Циха был также надзирателем над царскими работниками в городе Ниппуре т.е. был наместником Ниппура. А вот pahat Белшуна, в своей должности сменил несколько регионов: так сначала он был наместником города Урук, после упоминается уже как наместник Вавилона (или одного из его районов), и, наконец, его назначили наместником Заречья [19, с. 107]. Можно заключить, что среди тех, кто носил титул pahat также была иерархия, в зависимости от значимости области, в которой они

были наместниками.

В древнееврейском языке также был аналогичный термин: *пеха* (פֶּחָה) – наместник [12, с. 126], который происходит от глагола פחה «быть большим» [27], что восходит к ассирийскому pahâti [28], сокращенное от bêl pahâti «наместник» (der Statthalter) [8].

Эта должность упоминается наиболее часто в книге Эзры-Нехемьи – 11 раз, а всего в Ветхом Завете 39 раз. Данный термин упоминается в ветхозаветных текстах, которые датируются:

1. Временем противостояния Иудейского и Израильского царства Ассирии и Нововавилонскому государству (1–2 Царств, Второ-Исайя, Иеремия, Иезекииль).
2. Персидским периодом (Эзра-Нехемья, Эстер, Хаггай, Малахия).
3. Созданных в эллинистическое время, но повествующих о вавилоно-персидском времени (книга Даниила).

Характерно, что *пеха* из первой группы источников употребляется только в отношении наместников аравийского, ассирийского или вавилонского царей. Начиная с источников персидского периода этот термин стал употребляться и по отношению к Иудее. В частности, *пехой Иудеи* названы Шэшбаццар (Эзра 5:14), Зерубавел (Хаг. 1:1, 1:14, 2:2, 2:21) Нехемья (Нех. 5:14).

В остальных случаях данный термин употребляется либо вообще без определения, либо как «наместник(и) Заречья» (Нех. 2:9).

Согласно письменным и эпиграфическим источникам, мы можем реконструировать хронологию наместников Иудеи (Таблица 1).

Таблица 1. Наместники персидской провинции Йехуд.

Наместник	годы правления	источник
Шэшбаццар	538 г. до н.э.	Эзра 5:14
Зеруббавель	520 г. до н.э.	Хаггай 1:1, 1:14
Элнатан	конец VI в. до н.э.	Оттиск печати
Йехоэзер	начало V в. до н.э.	Оттиск печати
Ахсай	начало V в. до н.э.	Оттиск печати
Нехемья	445–433 вв. до н.э.	Нех. 5:14, 12:26
Ахсай	ок. 420 г. до н.э.	Оттиск печати [11, p. 163]
Багой (Багоас)	408 г. до н.э.	Арамейские папирусы [2]
Йехазкийа	ок. 330 г. до н.э.	Монеты

Единственным *пехой* Иудеи, о деятельности которого мы имеем наиболее развернутые сведения, был Нехемья. Так он был назначен наместником Иудеи персидским царем, он отправился в путь с сопроводительными письмами для других наместников (*пеха*) Заречья (פַּחֲווֹת עֵבֶר הַנָּהָר) (Нех. 2:7) и в сопровождении военачальников (*сар*) и всадников (שָׂרֵי חַיִל וּפָרָשִׁים) (Нех. 2:9). Он осуществлял укрепление Иерусалима (восстановление городских стен) (Нех. 2–4) и регулировал налоговую политику общины (Нех. 5).

Таким образом, деятельность Нехемьи вполне укладывается в рамки функций наместников государства Ахеменидов.

Еще в 1953 году Альбрехт Альт [1] высказал мнение, что о существовании Иудеи как административной единицы в державе Ахеменидов можно говорить

только с назначения на пост наместника (*пеха*) Нехемьи, а до этого она находилась в составе провинции Самария (при этом вопрос территории он не рассматривал). Долгое время эта точка зрения принималась большей частью ученых. Однако последние исследования, в том числе анализ археологических данных, позволяют утверждать, что Иудея была отдельной провинцией и до Нехемьи. Теперь почти общепринято, что на многих оттисках печатей и кувшинах, а также на монетах, датируемых периодом до середины V века до н.э. упоминаются наместники Йехуд. Самария на печатях и папирусах из Вади Далийе называется «провинцией» (מדינתא בשמרן *бшмрин мдинт*) [13]. В этой связи логично предположить, что *Йехуд мединта* (לִיהוּד מְדִינְתָּא) из Эзра 5:8 должно иметь аналогичное значение:

«*Да будет известно царю, что ходили мы в <u>Йэудею страну</u> (לִיהוּד מְדִינְתָּא) храма Бога великого*…» (Эзра 5:8).

Медина (מְדִינָה) – страна, область, провинция. Слово מְדִינָה употребляется как в арамейских, так и в древнееврейских текстах Танаха. Образовано от корня דין «судить» и первоначально имело значение «*административный район*». В этом же значении оно используется в арамейских папирусах Элефантины. В более поздних диалектах арамейского, сирийском и в мишнаитском иврите слово «медина» становится эквивалентом греческому слову πόλις и приобретает значение «город» [17, с. 148-149]. В государстве Ахеменидов арамейский термин mědīnah значил «судебный район» [6, p. 197], где высшей судебной властью являлся сатрап [23]. Вероятно, арамеизм – арамейская форма слова מְדִינְתָּא в значении провинция, регион, город [10]. Всего в Танахе слово *медина* (מְדִינָה) употребляется 40 раз в древнееврейской форме и 11 раз в арамейской, т. е. в общем 51 раз. По отношению к Иудее оно используется только один раз (Эзра 5:8). Но есть ряд мест, где Иудея подразумевается: «***сыны страны*** (בְּנֵי הַמְּדִינָה)» (Эзра 2:1) (повтор в Нех. 7:6); «***в стране** (בַּמְּדִינָה)*» (Нех. 1:3); «***главы страны*** (רָאשֵׁי הַמְּדִינָה » (Нех. 11:3).

Характерно, что *медина* используется в основном в поздних библейских книгах, в которых есть целые части на арамейском языке. Следовательно, можно предположить, что это изначально арамейский термин, который обозначал провинцию в государстве Ахеменидов и также относился к Иудее.

Кроме того, согласно анализу Чарльза Картера, на территории Иудеи не было найдено ни одного оттиска печати самарянского происхождения. Предположение, что Иудея с самого начала персидского периода была отдельной провинцией, объяснило бы наличие иудейских и отсутствие самарянских эпиграфических данных, а также объяснило бы, почему и Зеруббавель, и Шешбаццар названы *пехой* [5, p. 280].

Таким образом, провинция (*медина*) Йехуд существовала с самого начала персидского периода. Во главе провинции стоял наместник (*пеха*) (Таблица 2). *Пеха* в библейских источниках персидского периода являлся наместником провинции, которая в свою очередь входила в состав более крупной административной единицы – сатрапии. В частности, Иудея входила в состав сатрапии Заречье. Это коррелирует с внебиблейскими сведениями и подтверждает их верность.

Библиографические ссылки

1. *Alt A.* Die Rolle Samaritans bei der Entstehung des Judentums // Kleine Schriften zur Geschichte des Volkes Israel: in 3 Bd. Bd. 2. Munich, 1953. S. 316–337.

2. Aramaic Papyri of the fifth century BC / ed., with transl. a. notes by A. E. Cowley.Oxford : Clarendon Press, 1923.

3. *Bartolomae Ch.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg : K. J. Trübner, 1904.

4. *Bartolomae Ch.* Pā(y) // Altiranisches Wörterbuch. Strassburg : K. J. Trübner, 1904. S. 546, 885–886.

5. *Carter C. E.* The emergence of Yehud in the Persian period: a social and demographic study. Sheffield : Sheffield Acad., 1999.
6. Cambridge Ancient History: in 12 vol.Vol. 4. Cambrige : Cambrige Univ. Press, 1926.
7. *Dandamaev M. A.* Eber-Naúri [Electronic resource] // Encyclopaedia Iranica. Mode of access: http://www.iranicaonline.org/articles/eber-nari. Date of access: 14.03.2019.
8. *Delitzsch F.* פֶּחָה //Assyrisches Handwörterbuch.Leipzig, 1896. S. 519.
9. *Dozeman T. B.* Geography and History in Herodotus and in Ezra-Nehemiah // J. of Biblical Lit. 2003. Vol. 122, № 3. P. 449–466.
10. *Klein E.* מְדִינָה // A comprehensive etymological dictionary of the Hebrew language for readers of English. Jerusalem, 1987. P. 319.
11. *Schaper J.* Numismatik, Epigraphik, alttestamentliche Exegese und die Frage nach der politischen Verfassung des achämenidischen Juda // Ztschr. des Dt. Palästina-Vereins. 2002. Bd. 118, № 2. S. 150–168.
12. *Strong J.* Strong's Hebrew dictionary [Electronic resource] // Albany: [s. n.], 1999. Mode of access: https://epdf.pub/strongs-hebrew-dictionary5583edb2430ed2fcdc462be1fc4a955718415.html. Date of access: 15.03.2019.
13. Wadi Daliyeh II and Qumran cave 4: the Samaria papyri from Wadi Daliyeh. Pt. 2. Oxford : Clarendon Press, 2001.
14. σᾰτράπης [Электронный ресурс] // Alpha online. Древнегреческо-русский словарь. Режим доступа: http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html. Дата доступа: 11.03.2019.
15. Бехістунскі надпіс цара Дарыя Вялікага [Электронный ресурс] / пер. са старажытнапярс. мовы Ю. Кухарчык // Scriptorium: история древ. мира и сред. веков: электрон. науч. журн. 2009. № 4. Режим доступа: https://hist.bsu.by/images/stories/files/nauka/Scriptorium/4/Kuh.pdf. Дата доступа: 01.03.2019.
16. *Грантовский Э. А.* О распространении иранских племен на территории Ирана // История Иранского государства и культуры: к 2500-летию Иран. государства: сб. ст. М. : Ин-т востоковедения АН СССР, 1971. С. 286–327.
17. *Грилихес Л.* Практический курс библейско-арамейского языка: учеб. пособие. М. : Учеб. ком. при Свящ. Синоде РПЦ; Изд-во Св.-Владим. братства, 1998.
18. Дандамаев, М. А. Культура и экономика Древнего Ирана / М. А. Данадамаев, В. Г. Луконин. – М. : Наука, 1980. – 416 с.
19. *Дандамаев М. А.* Месопотамия в ахеменидский период: симбиоз тысячелетних и новых государственных институтов // Государство на Древнем Востоке: сб. ст. М. : Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения, 2004. С. 104–123.
20. *Дандамаев М. А.* Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н. э.: социальные институты и идеология. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 2009.
21. *Дьяконов М. М.* Очерк истории древнего Ирана. М. : Изд-во вост. лит., 1961.
22. История древнего Востока. М. : Вост. лит., 2004.
23. *Кухарчик Ю.* Административное устройство державы Ахеменидов [Электронный ресурс] // Scriptorium: история древ. мира и сред. веков: электрон. науч. журн. 2009. № 6. Режим доступа: http://elib.bsu.by/handle/123456789/91496. Дата доступа: 03.03.2019.
24. *Соколов С. Н.* Язык Авесты. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1964.
25. *Фрай Р.* Наследие Ирана. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Вост. лит., 2002.
26. *Якобсон В. А.* Введение в историю бюрократии // Вестн. древ. истории. 2012. № 1. С. 81–125.
27. פֶּחָה // A dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic literature : in 2 vol. Vol. 1. N. Y., 1903. – P. 1151.
28. פֶּחָה // A Hebrew and English lexicon of the Old Testament with an appendix containing the biblical Aramaic. Oxford, 1907. P. 808.

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ РИМСКИХ ВАКХАНАЛИЙ

А. Л. Янко

Полтавский базовый медицинский специальный колледж, г. Полтава, Украина,
andrewyanko223@gmail.com

В распоряжении исследователей, обратившихся к выяснению генезиса вакхического культа в Риме, есть минимум два коррелирующих источника: сообщение Тита Ливия о происхождении

Вакханалий из Этрурии с короткой биографией основателя культа, некоего грека (Liv., XXXIX, 8, 3; 9, 1); и этрусская надпись на саркофаге Лариса Пулены, сообщающая, что он «prums pules larisal creices» (правнук Пулы Лариса грека) (CIE, № 5430 = TLE, № 131 = ET Ta 1.17). Последующая интерпретация надписи позволяет именно в Ларисе Пулене видеть безымянного грека из текста Тита Ливия, а также выявить отличия в отношении к Вакханалиям этрусков и римлян.

Ключевые слова: этруски; Древний Рим; Вакханалии; Ларис Пулена; этрусские надписи.

ON THE ORIGIN OF ROMAN BACCHANALIAS

A. Yanko

Poltava Basic Medical Special College, Poltava, Ukraine, andrewyanko223@gmail.com

Researchers who study genesis of Bacchus cult in ancient Rome have two correlated sources minimum: message of Livy about Bacchanalia origin from Etruria with short biography of cult founder, some Greek (Liv., XXXIX, 8, 3; 9, 1); and Etruscan inscription on sarcophagus Laris Pulena which named his «prums pules larisal creices» (great-grandson of Pula Laris Greek) (CIE, № 5430 = TLE, № 131 = ET Ta 1.17). The followed interpretation of the inscription allows exactly see Laris Pulena in the nameless Greek from the text of Livy, and reveal the differences between Etruscans and Romans in the attitude to the Bacchanals.

Keywords: Etruscans; Ancient Rome; Bacchanalia; Laris Pulena; Etruscan inscriptions.

«Процессу о Вакханалиях» 186 г. до н. э. относительно повезло в исторической науке. Интерес к нему не ослабевает, в том числе и потому, что исследователи располагают разнообразными источниками (нарративными и эпиграфическими), но их интерпретация не является однозначной. Из известного литературного источника, произведения Тита Ливия «От основания города», мы узнаем, что происхождение вакхического культа в Риме непосредственно было связано с Этрурией «Huius mali labes ex Etruria Romam veluti contagione morbi penetravit» (Этого зла погибель проникла из Этрурии в Рим как заразная болезнь – здесь и далее пер. наш А. Я.) (Liv., XXXIX, 9, 1). Есть и другие письменные источники, но они ничего не рассказывают о происхождении мистерий (Cic., Leg., II, 15; Val. Max., I, 3; VI, 3; Aug. Civ., 6, 9; Tert., Apolog., VI). Однако римский историк сообщает, что основателем культа в Этрурии был некий грек: «Graecus ignobilis in Etruriam primum venit… sacrificulus et vates…» (Первым в Этрурию прибыл безымянный грек… податель жертвоприношений и гадатель…) (Liv., XXXIX, 8, 3). Сопоставив этот факт с пониманием безусловного влияния на римлян культуры Великой Греции, некоторые исследователи, среди которых Т. Фрэнк, А. Макдональд, В. Айзенхут, Н. Ю. Сулейманова, А. К. Сухарев, К. Бальдини) считали, что Вакханалии пришли в Рим из полисов юга Италии [1, p. 129, 130; 2, p. 26; 3, Sp. 799; 4, с. 138–139; 5, с. 9, 14, 20; 6, p. 4].

Большинство из них не исключало также влияния этрусков, но сложность понимания языка надписей не позволяла им делать окончательные выводы. Жаль, но современная событиям латинская надпись на таблице с сенатусконсультом из Тириоло (в Бруттии, ныне Калабрия), которая сохранилась полностью и хорошо понятна, ничего не говорит об участии греков и этрусков в римских Вакханалиях (CIL, I^2, pars II, № 581). По нашему мнению, для исследования происхождения вакхических мистерий в Риме необходимо привлечь некоторые в целом понятные эпиграфические и иконографические источники, а именно этрусские короткие надписи и изображения, предшествующие по времени событиям 186 г. до н. э.

Наибольшее внимание исследователей было приковано к надписи на саркофаге Лариса Пулены III в. до н. э. из гробницы семьи Пулена некрополя Монтероцци города Тарквиний (CIE, № 5430 = TLE № 131 = ET Ta 1.17). На крышке саркофага помещено статую возлежащего вельможи, который держит в руке развернутый свиток, на котором выгравирован текст, состоящий из 9 строк и 59 слов. Надпись начали дешифровать еще в начале XX в. А. Торп обратил внимание на латино-этрусскую билингву из Клузия, где этрусскому гентильному имени zicu (во многих надписях также ziχu) соответствовало латинское Sribonius [7, S. 110]. Таким образом, глагол ziχ- мог соответствовать латинском глаголу scribo – «пишу». Учитывая это, фразу из текста Лариса Пулены «ancn ziχ neθśrac acasce» он переводил как «эту книгу гаруспицины составил» (ET Ta 1.17, 3).

Ж. Эргон был первым, кто связал этрусскую надпись Лариса Пулены (ее он датировал 200 г. до н. э.) и дело о Вакханалиях в Риме 186 г. до н. э. [8, с. 263]. Французский этрусколог обратился к ономастической формуле Лариса Пулены, где среди его предков указано прадеда «prums pules larisal creices» (правнука Пулы Лариса грека) (ET Ta 1.17, 2) [8, с. 264]. Он обратил внимание на распространенные в этрусских городах того времени этнонимы, например, creice – «грек» (CIE, № 1756, 10008), creicesa – «гречанка» (CIE, № 1757, 1758).

Пула – это греческое Поллес, имя прорицателя, с которым сравниться мог разве что Мелампод, воспетый Гомером (Hom., Od., XV, 225). Философ Поллес имел в своем активе произведение «περὶ τῆς παρὰ Τυρρηνοῖς μαντικῆς» (О мантике тирренов) (Suda, p. 869, s. v. Πόλλης). В поэме латинского автора V в. Драконция читаем: «... et Polles, cui penna loquax dat nosse futura» (и Поллес, которому перо говорливое дает познавать будущее) (Dracont., Romul., VIII, 480). Мелампод указанный рядом с Поллесом в поговорке, которую приводит словарь Суда (p. 698, s. v. Μελάμπους). В ней говорится, что нужно быть Меламподом или Поллесом, чтобы растолковать сложное предсказания. Мелампод, сын Амифеона упоминается у Геродота как первый, научивший эллинов фаллическому шествию Диониса (Herod., II, 49).

Этрусская фамилия сохранилась в Риме в латинизированной форме Поллении. Например, был римский консул во времена Марка Аврелия по имени Поллений Ауспекс (внучатый племянник Пулены, лат. Auspex – «птицегадатель»).

Позже Н. К. Тимофеева, М. Паллоттино, С. Такакс, Дж. и Л. Бонфанте, Н. Томсон де Грамон, Э. Симон, Ж.-П.Тюийе, П. Уолш в той или иной мере ссылались на Эргона, добавляя свои возможные интерпретации надписи [9, c. 51; 10, S. 416; 11, p. 304; 12, p. 150; 13, p. 13; 14, p. 34; 15, p. 59; 16, c. 161, 206, 17, p. 191].

Л. Бонфанте утверждала, что греческий Дионис был отождествлен с местным (этрусским) богом Фуфлунсом, а теоним, возможно, был связан с puple или pople (бутон, росток из умбрского pople цветок (юность)) [18, p. 222]. П. Уолш и Д. Мейснер привлекли также материалы археологических раскопок из Вольсиний в Этрурии, где было открыто подземное святилище Фуфлунса и Каты (этрусских Диониса и Персефоны), разрушенное приблизительно в период процесса о Вакханалиях 186 г. до н. э. [17, p. 191; 19, p. 45]. М. Паллоттино, Н. Томсон де Грамон и С. А. Яцемирский выделили надписи, где встречаются титулы «maru(nuχ) paχaθuras» и «marunuχ paχanati» (CIE, № 5471 = TLE, № 137; TLE, № 190 и др.) [10, S. 303-304; 14, p. 34; 20, c. 171–172]. Интерпретации их были различны. Итальянский этрусколог считал, что этрусское maru отвечает латинскому титулу aedilis. Американская исследовательница предполагала, что этрусское marunuχva (где -χva – суффикс множественного числа) сопоставимо с латинским collegium. Российский лингвист отмечал, что и суффикс -θur в слове paχaθuras также является

показателем множественного числа. Исследователи были едины во мнении, что приведенные выше термины были магистратурами вакхантов, жрецов, выполнявших обряды в честь Вакха. Если упомянуть латинскую запись решения сената, то для обозначения руководителей запрещенных мистерий использованы привычные для римлян sacerdos, magister, magistratus (CIL, I^2, pars II, № 581). С одной стороны, нет ничего удивительного, что жрецы имели свои титулы, однако у этрусков III в. до н. э. термины maru(nuχ) paχaθuras и marunuχ paχanati встречались в надписях этрусских вельмож наряду с титулами других, даже высших магистратов их городов [21, с. 134, 281]. Стоит подчеркнуть, что у римлян это были полулегальные сборища, тайный характер которых насторожил сенат и привел к репрессиям, а у этрусков это были подчиненные полису религиозные сообщества.

В. Бельфьоре считала, что термин neθśvis с надписью из Пизавра (ET Um 1.7.) происходит от греч. ἡ νησύς – «желудок, внутренности» [22, p. 3]. Она также упомянула о раскопках в Пирги, где был открыт храм бога Śuri и богини Cavaθa, где Śuri – Dis Pater, Cavaθa – Proserpina, Ca(va)θa позже трансформировалось в Cauθa и Caθa [22, p. 9]. По ее мнению, Пулена был выдающимся деятелем своего времени, автором книги гаруспицины, строителем храмов Каты и Паха, но не магистратом (maru), имел титул parniχ, но не zilaθ parχis [22, p. 13]. Выше уже говорилось, что большинство исследователей считают титул maru не гражданским, а жреческим. Следует также привести мнение М. Торелли о том, что Ларис Пулена сочетал в своем cursus honorum как жреческие, так и магистратские титулы [23, p. 242]. Внимательное рассмотрение всей надписи позволяет нам не согласиться с итальянской исследовательницей, о чем будет подробнее сказано ниже.

А. Пальмуччи полностью отождествлял неизвестного грека из рассказа Тита Ливия с Ларисом Пуленой или с его прадедом Пулой [24, p. 49]. Однако в предложенном им переводе надписи на саркофаге большинство этрусских морфем интерпретируются на основе латыни [см. напр.: 24, p. 36]. Вряд ли происходило такое широкое заимствование лексики, ведь и более поздние тексты, в частности, самая длинная этрусская надпись на пеленах Загребской мумии (TLE, №1 = ET LL 1), не содержат такого числа заимствованных слов.

Ж.-М. Пайе высказался более осторожно: описав святилище в Вольсиниях, он отметил, что здесь было окончание вакхической процессии в Этрурии, а начало этой процессии точно было в Тарквиниях (откуда родом Ларис Пулена) [25, p. 83].

Как видим, исследователи достаточно далеко продвинулись в дешифровке надписи Лариса Пулены, но все же недостаточно. На наш взгляд, более полное, насколько это возможно на сегодняшний день, толкование надписи на саркофаге позволит ответить на вопрос, происходит ли римский вариант вакхического культа из Этрурии и кто является его возможным основателем?

Д. Мейснер отметил, что в тексте Тита Ливия (XXXIX, 8, 3) основатель мистерий названий ignobilis – «неизвестный», но ниже одна из персонажей романтического разоблачения вакхического «заговора» названа scortum nobile, то есть «хорошо известной куртизанкой» (XXXIX, 9 5) [19, p. 42]. Поэтому более точным будет английский перевод Э. Сейджа термина ignobilis как «nameless» (безымянный), а не русский перевод Э. Г. Юнца «низкого происхождения» [26, p. 240-241, ср. 27, с. 324]. Итак, грек назван Ливием явно неизвестным (безымянным), а не простолюдином. В свою очередь, длинная родословная (единственная в этрусской эпиграфике), наоборот, может свидетельствовать против знатного происхождения Лариса Пулены. И тогда он будет не только безымянным, но и незнатным. Это может быть логическим отправным пунктом нашего анализа.

Такое необычное желание вспомнить всех своих известных предков (обычно

ограничивались патронимиком), как раз, напротив, может свидетельствовать о незнатности усопшего. В поздних этрусских эпитафиях получило распространение правило для подчеркивания знатности дописывать к имени знатного отца также имя матери аристократического происхождения (метронимик) [28, p. 184–185; 29, p. 263]. По-видимому, этим похвастаться Ларис Пулена не мог. Тем более, ему необходимо было упомянуть своего греческого прадеда, что в эллинистический период было престижным. Тит Ливий называл грека из Этрурии «sacrificulus et vates» (жрец и прорицатель) (XXXIX, 8, 3). Согласно словарю Суда, Поллес был философом и автором книг о предсказании, а не практикующим жрецом (Suda, p. 869, s.v. Πόλλης). Тем более, он назван уроженцем Ег, города в Малой Азии, где-то между Магнезией и Смирной. Исследователи небезосновательно считают Поллеса мифическим прорицателем, которому составители словаря Суда приписали названия произведений нескольких неизвестных авторов [30, Sp. 2621; 31, Sp. 1410–1411]. Когда он жил и существовал ли вообще, установить невозможно. Прадед Лариса носил такое же как и внук, целиком этрусское имя. Так что в качестве возможной кандидатуры на основателя вакхического культа напрашивается сам Ларис Пулена. Однако и он, судя по эпитафии, не был жрецом ни с титулом maru, ни с титулом cepen (cipen), конечно, если не считать за последний лакуну в 5 букв в строке 7 (но с таким же успехом это может быть термин zilaθ).

По нашему мнению, фраза «ancn ziχ neθśrac acasce» (ET Ta 1.17, 3) касается не Лариса Пулены (было бы странным в те времена первым достижением покойного указывать написание книги, тем более, что это не характерно для большинства типичных этрусских эпитафий), а его прадеда, и переводится как «который книгу гаруспицины составил». Местоимение ancn трактуют достаточно широко [12, p. 214; 32, p. 247], поэтому в данном контексте можно выбрать толкование «который».

В части третьей и четвертой строки переводим то, что поддается пониманию: «creals tarχnalθ spureni lucairce» (creals в городе Тарквиниях lucairce) (-θ – окончание местного падежа, -ni – окончание винительного падежа) [20, с. 178]. Как же быть со словом lucairce? Глагол 3 лица прошедшего времени с окончанием -ce (возможно, перфект) широко известен в этрусских надписях. Корень luc- считают связанным с латинским Lucumo. А как известно, «lucumones, qui reges sunt lingua Tuscorum» (лукумоны, которые на этрусском языке цари) (Serv., Aen., II, 278). Но вот что подметила В. Бельфьоре: слово lucairce по сравнению с lauχme и Lucumo имеет во втором слоге дифтонг -ai [22, p. 4]. «Разобравшись» с первым гипотетическим дифтонгом -au лингвисты не обратили внимания на еще один. Но он ни в коем случае не стягивается в ожидаемое u, а в -ei, e и даже i [20, с. 126]. Поэтому с Lucumo (даже если принять его за имя нарицательное) не имеет ничего общего. Скорее всего, перевод будет примерно следующим: «построил, просветил, освятил».

Часть строки 4 видим такой: «...ipa ruθcva caθas hermeri slicaχem» (который украшения Каты статуи (гермы) slicaχem). Ipa – «который, где» [12, p. 216; 32, p. 250]. Здесь, hermeri – статуе (-eri dativus), herm- возможно, от греч. τό ἕρμα – «подпора, столб, особый вид статуй». В слове ruθcva выделяем -cva как показатель собирательного множественного числа. Пятую строчку Г. Рикс на этом основании переводил как «luθcva caθas paχanac» (алтари Каты и Пахи (Вакха)) [33, p. 962]. Он также предложил рассматривать culsl (ET Ta 1.17, 6) не как теоним Кульсан, а в качестве существительного «ворота», ведь этот бог был аналогом римского Януса, бога входа и выхода [33, p. 954].

Так этот термин вписывается в общий «архитектурный» контекст надписи.

Пятую строчку заканчивает фраза: «alumnaθe hermu» (в месте дарения статуя (герма)). Здесь alumnaθe – «место дарения» от al – «давать» [10, S. 480; 12, p. 216; 32, p. 247]. Далее (6-я строка) идет неподдающееся пока переводу слово «mele», далее, очевидно, теоним и указание на возлияния: «crapisces puts χim» (Грабовия питья χim). Сравним в тексте Загребской мумии: crapśti (TLE, № 1III, 19; VI, 13) и crapθti (TLE, № 1IV, 10, 17, 23) и в тексте умбрских Игувинских таблиц: Krapuvi (Grabouie) (I a 3; VI a 22, 23, et passim). Грабовий – эпитет игувинской триады богов: Юпитера, Марса и Вофиона [34, S. 9–12]. Очевидно, puts от греч. ἡ ποτής – «питье».

Далее идет упомянутый уже термин в генитиве «ворот», но большинство слов 6-й строки пока неизвестны. Исключение составляет «cerine pul» (построенные для). Глагол cerine определяется, к примеру, сопоставлением с таким переводом другой надписи: «…śuθi lavtni zivas ceriχu» (гробница семейная (для) смерти строилась) (CIE, № 5470 = TLE, № 135). Начало 7-й строки в целом понятно: «alumnaθ pul» (в месте дарения для), где pul – «для» » [12, p. 218; 33, p. 952, 957, 959, 961]. В ней понятны и следующие два слова: «hermu huzrnatre» (статуя (герма) Юному (эпитет Мариса)). Действительно, huś–ur–na–tre – «мальчиков», где основа huśur – «мальчик», далее суффикс множества, далее – адъективный суффикс, далее местоименная энклитика, передающая генетическое значение, засвидетельствованный эпитет бога Мариса husrnana [10, S. 482; 12, p. 216; 20, c. 191–194, 291]. Далее идет текст с лакуной, но все остальные слова поддаются толкованию: «tenin [e-5] ci meθlumt pul» (должность, очевидно, zilaθ) три (раза) в акрополе для). Здесь, tence – «занимать должность» [12, p. 219; 20, c. 297], ci – «три» [10, S. 481; 12, p. 215; 20, c. 292], meθlumt – «акрополь, крепость» [21, c. 209–212]. 8-я строчка начинается знакомыми словами: «hermu θutuiθi mlusna» (статуя в общине mlusna). Этрусский термин tuθiu, tutin, θuta (в этой надписи стоит в локативе) ср. с оск. touto и умбр. totar – «община» [10, S. 487; 12, p. 219; 20, c. 298]. В этой и в последней строке известны два последних слова «(alu)mnaθuras parniχ amce» (дарителей мало (таких, как он) было) [21, c. 129, 308–309]. Последняя строка заканчивается восстановлением h(e)rm(e)ri(er) – «статуй».

Полностью выявить значение всех слов пока не удалось. Но и то, что известно, позволяет сделать предварительные выводы. Ларис Пулена умер накануне процесса о Вакханалиях. Он фигурирует в надписи как связанный с культом солнечной богини Каты (этрусской Персефоны), строитель алтарей и статуй этого божества, а также Вакха, Юпитера Грабовия и Мариса (Марса). Всего этого он мог достичь благодаря тому, что трижды замещал высшую магистратуру города Тарквинии. Мог ли такой высокопоставленный сановник быть неизвестным в соседнем Риме, который, к тому же, фактически владел всеми этрусскими городами?

С другой стороны, длинный перечень родственников, немыслимый в других эпитафиях, заставляет нас предположить его незнатное происхождение. Его греческое происхождение должно было бы не дать ему возможность занять высшую магистратуру в своем городе. Но нам известны надписи со смешанными греко-этрусскими двойными именами полноправных граждан этрусских полисов [21, c. 118–119, 229, 232]. Хрестоматийным примером служит легенда о происхождении римского царя Тарквиния Приска от брака коринфянина Демарата и знатной этрурянки из города Тарквинии (Cic., Rep., II, 19, 34; Liv., I, 34, 2; Dion. Hal., Ant. Rom., III, 46, 5; CIL XIII, № 1668 = ILS № 212).

Имел ли он связь с вакханалиями в той форме, о которой повествует Тит Ливий? Какого-то преимущества по отношению к Вакху по сравнению с другими

божествами надпись не фиксирует. Однако две позиции позволяют предположить связь Лариса Пулены с неизвестным греком из Этрурии: его греческое происхождение и упоминание о «месте дарения, дарителе» (возможно, существование религиозной общины «дарителей») Каты (Персефоны), которая в мистериях Диониса играла важную роль.

Библиографические ссылки

1. *Frank T.* The Bacchanalian Cult of 186 B. C. // The Classical Quarterly. 1927. Vol. 21. №. 3/4.
2. *McDonald A. H.* Rome and the Italian Confederation (200-186 B.C.) // JRS. 1944. Vol. 34. P. 1, 2.
3. *Eisenhut W.* Bacchanal(ia) // Der Klein Pauly. 1964. Bd. 1.
4. *Сулейманова Н. Ю.* Тит Ливий и вакхический культ в Риме (религиозный аспект запрещения культа) // Вестник СГСЭУ. История. 2007. № 15 (1).
5. *Сухарев А. К.* Процесс о Вакханалиях в Риме: социально-политические, правовые и религиозные аспекты: автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук: спец. 07.00.03 «Всеобщая история». М., 2013.
6. *Baldini Ch.* The Politics of Ecstasy: the Case of the Bacchanalia Affair in Ancient Rome // Neurotransmissions: Essays on Psychedelics from Breaking Convention. L., 2015.
7. *Torp A.* Etruskische Beiträge. Heft 2. Leipzig, 1903.
8. *Эргон Ж.* Повседневная жизнь этрусков. М., 2009.
9. *Тимофеева Н. К.* Религиозно-мифологическая картина мира этрусков. Новосибирск, 1980.
10. *Pallottino M.* Etruskologie: Geschichte und Kultur der Etrusker. Basel, 1988.
11. *Takács S. A.* Politics and Religion in the Bacchanalian Affair of 186 B.C.E. // Harvard Studies in Classical Philology. 2000. Vol. 100.
12. *Bonfante G., Bonfante L.* Etruscan language. An introduction. Manchester, 2002.
13. *Bonfante L.* Etruscan inscriptions and Etruscan religion // The religion of the Etruscans. Austin, 2006.
14. *Thomson de Grummond N.* Prophets and priests // The religion of the Etruscans. Austin, 2006.
15. *Simon E.* Gods in harmony. The Etruscan pantheon // The religion of the Etruscans. Austin, 2006.
16. *Тюийе Ж.-П.* Цивилизация этрусков. Екатеринбург; М., 2011.
17. *Walsh P. G.* Making a Drama Out of a Crisis: Livy on the Bacchanalia // Greece & Rome. 1996. Vol. 43. Iss. 02.
18. *Bonfante L.* Fufluns Pacha: The Etruscan Dionysus // Masks of Dionysus. Ithaca and L., 1993.
19. *Meisner D.* Bacchic madness and Roman justice // M. A. Thesis. Regina, 2010.
20. *Яцемирский С. А.* Опыт сравнительного описания минойского, этрусского и родственных им языков. М., 2011.
21. *Янко А. Л.* Этруски: социально-политическая организация (VIII–III вв. до н. э.). Харьков, 2019.
22. *Belfiore V.* Studi sul lessico ‘sacro’: Laris Pulenas, le lamine di Pyrgi e la bilingue di Pesaro // Rasenna: Journal of the Center for Etruscan Studies. 2012. Vol. 3. Iss. 1.
23. *Torelli M.* Storia degli etruschi. Roma: Editori Laterza, 2020.
24. *Palmucci A.* Il rotolo di Lars Pulenas. Traduzione dall’Etrusco, Commento e Note. Genova, 2016.
25. *Pailler J.-M.* Dionysos against Rome? The Bacchanalian affair: a matter of power(s) // Dionysus and Politics. Constructing Authority in the Graeco-Roman World. L.; N. Y. : Routledge, 2021. P. 63–88.
26. *Livy* with an Eng. transl. by E. T. Sage: in 13 vols. Vol. XI. Cambr., L., 1936.
27. *Ливий Тит.* История Рима от основания города: в 3 т. Т. 3. М., 1994.
28. *Amann P.* Society // Etruscology. Vol. I. Boston; Berlin : De Gruyter, 2017. P. 179–193.
29. *Benelli E.* Alphabets and language // Etruscology. Vol. I. Boston; Berlin : De Gruyter, 2017. P. 245–274.
30. *Rosher W. H.* Polles // Rosher W. H. Lexicon. Bd. 3, Af. 1. Leipzig, 1902.
31. *Scherling K.* Polles 1), 2) // RE. Bd. XXI. Hbd. 42. Stuttgart, 1952.
32. *Wallace R. E.* Zich Rasna. A manual of the Etruscan language and inscriptions. Ann Arbor; New York, 2008.
33. *Rix H.* Etruscan // The Cambridge Encyclopedia of the World’s Ancient Languages. Cambridge, 2004.
34. *Dupraz E.* Die Iguvinischen Tafeln als kunstprosaischer Text: der Status der Parallelismen // Language and Meter. Leiden; Boston, 2018.

ГАЛЛЬСКИЕ АУКСИЛИИ В АРМИИ ЦЕЗАРЯ

А. В. Козленко

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, strator40@gmail.com

Галльские вспомогательные отряды составляли от трети до половины численности армии Цезаря. Особенно значительную роль играли отряды кавалерии, набиравшиеся из числа галльской аристократии. Отношения Цезаря с этими воинами носили очень личный характер и не прекратились с окончанием завоевания. Многие сопровождали Цезаря в ходе Гражданских войн. Их потомки продолжали служить в римской армии. Они стали родоначальниками новой галло-римской элиты императорского времени.

Ключевые слова: античность; римская армия; Галлия; Цезарь; ауксилии; романизация.

GALLIC AUXILIARIES IN THE CAESAR'S ARMY

A. Kazlenka

Belarusian State University, Minsk, Belarus, strator40@gmail.com

From a third to half of Caesar's army consisted of Gallic auxiliary. Especially important were Gallic cavalry detachments, recruited from local aristocracy. Caesar's relationship with these warriors were very personal and did not stop with the end of the conquest. Many Gaules accompanied Caesar during the Civil Wars. Their descendants continued to serve in the Roman army. They became the ancestors of the new Gallo-Roman elite of the imperial period.

Keywords: Antiquity; Roman army; Gaul; Caesar; auxilia; romanization.

В 58 г. до н.э. Цезарь начал Галльскую кампанию с армией, состоявшей из 6 легионов (Caes. B.G., II, 23). Весной 57 г. до н.э. он набрал еще 2 новых легиона (Caes. B.G., II, 2). В начале 53 г. до н.э. Цезарь восполнил убыль личного состава, набрав 3 новых легиона (Caes. B.G., IV, I) и еще 1 получив от Помпея (Cic. Fam., VIII, 4, 4). Таким образом, в ходе Великого галльского восстания и развернувшейся летом и осенью 52 г. до н. э. борьбы с Верцингеторигом, он располагал 10 или 11 легионами (Cic. Att., VII, 7, 6), т. е. 40 000–50 000 римских воинов, в зависимости от оценки фактической численности его войск и потерь в ходе самого конфликта. К этим силам следует прибавить многочисленные вспомогательные отряды (auxilia), набранные как в самой Галлии, так и за её пределами. Цезарь в своих «Записках» упоминает балеарских пращников, критских лучников, испанских и мавретанских легковооружённых стрелков и метателей дротиков (Caes. B.G., II, 7; 24). Особенное значение в составе этих войск принадлежало галльской коннице, не только потому, что галлы особенно были сильны этим родом войск (Strab., IV, 4, 2–5), но также и потому, что собственно, римская кавалерия в армии Цезаря была весьма немногочисленна. Об этом, в частности, свидетельствует эпизод во время переговоров с Ариовистом, когда кавалерийский эскорт Цезаря состоял из посаженных на коней солдат X легиона «поскольку он не решался доверить свою жизнь галльской коннице» (Caes. B. G., I, 42).

Эти вспомогательные контингенты предоставлялись Риму провинциальными общинами в силу имевшихся соответствующих статей договора. Глаголы imperare или euocare, которые несколько раз употребляли сам Цезарь и его

продолжатель Гирций, чтобы выразить суть этого требования (Caes., B. G., IV, 6, 5; V, 57, 2; VI, 4, 6; VIII, 11, 2), не оставляют сомнений относительно содержания этих отношений. Как правило Цезарь или его легаты обращались с требованием подкреплений к общинам, географически расположенным поблизости от будущему театра военных действий. Так, например, действовал Тит Лабиен в конце зимы 54 – 53 гг. до н.э., когда, столкнувшись с угрозой восстания треверов, «он послал гонцов к соседним племенам и стал отовсюду вызывать всадников, назначив им определённый срок для явки» (пер. М. М. Покровского; Caes., B.G., V, 57, 2). Собранный им таким образом вспомогательный контингент сыграл ключевую роль в победе, вскоре одержанной над вождём восставших Индутиомаром (Caes., B.G., V, 58, 1). Сам Цезарь, собираясь выступить против полководцев Помпея в Испании весной 49 г. до н.э. «послал туда 6 легионов, пеших вспомогательных войск 5 000, конницы 3 000 – эти силы были при нём во все предыдущие войны, – и столько же из этой части Галлии, которую он сам покорил, причём он вызвал поимённо самых знатных и храбрых людей из всех общин; к ним он присоединил бравых молодцов из аквитанов и горцев, живущих на границе провинции Галлии» (пер. М. М. Покровского; Caes., B.C., I, 39).

В начале Галльской войны в ходе кампании против гельветов в 58 г. до н.э. Цезарь располагал 4 000 галльских всадников, которых он частично набрал в Провинции, частично получил от эдуев и других союзников (Caes. B.G., I, 15). Вероятно, столько же всадников у него было в ходе войны с Ариовистом (Caes. B.G., I, 42). Весной 55 г. до н.э. Цезарь располагал 5 000 всадниками (Caes. B.G., IV, 12, 1). Собираясь вторично вторгнуться в Британию летом 54 г. до н.э., он собрал 4000 галльских всадников, из которых примерно половину взял с собой, а вторую половину – оставил в Галлии (Caes. B.G., V, 5). Весной 52 г. до н.э. Цезарь потребовал у эдуев прислать ему всю конницу и 10 000 человек пехоты, которых он намеревался распределить по различным местам и использовать в роли охранного контингента (Caes. B.G., VII, 34). Его противник Верцингеториг располагал 15 000 всадников и еще более многочисленной пехотой, из которой 10 000 человек было поставлено ему эдуями (Caes. B.G., VII, 64). После его поражения эдуи и их клиенты и союзники амбивареты, аулерки и бланновии должны были поставить ещё 35 000 человек войска (Caes. B.G., VII, 75). Около 10 000 галльских всадников сражались на стороне Цезаря в ходе Гражданской войны с Помпеем (App., BC, II, 49). Его противники также имели многочисленные галльские контингенты в составе своих армий (Caes. B.Afr., 40).

Эти силы набирались из элиты галльского общества, которую сам Цезарь в «Записках» определял как «всадников» (equites). Всадники являлись у галлов привилегированным классом, монополизировавшим за собой занятие политикой, отправление судопроизводства, а также военное дело (Caes. BG., VI, 13; 15). Внешним знаком принадлежности к всаднической знати было публичное ношение оружия (Caes. BG., V, 56; Athen., IV, 152b). Оружие являлось символом статуса своего владельца и после его смерти помещалось вместе с ним в могилу. В эпоху, предшествующую римскому завоеванию, согласно наблюдениям археологов, оружие содержат порядка четверти из общего числа захоронений. При оценке численности населения Галлии цифрой между 10 и 15 млн. человек, это даёт от 2 до 3 млн. вооружённых воинов [1, 165–176]. Благодаря природной воинственности галлов и распространению издревле укоренённого у них обычая военной службы знатной молодежи на чужбине, Цезарь, должно быть, не испытывал нехватки добровольцев, желавших воевать под его началом. С другой стороны, для Цезаря эти воины были не только боевым контингентом, но также и заложниками верности

своих соотечественников римской власти. Эта тема неоднократно акцентируется в «Записках», обычно будучи вложена в уста противников римлян. Впрочем, судьба эдуя Думнорига, убитого по приказу Цезаря за неподчинение его приказам, показывает, что это была не одна только риторика (Caes. B. G., V, 6–7).

Отношения между Цезарем и его галльскими союзниками носили весьма личный характер. Римский военачальник для этих воинов был не только победоносным вождем, но также и покровителем. Цезарь, по словам его биографов, с юности отличался абсолютной верностью в отношении друзей и клиентов (Suet. Iul., 71). Сам он также неоднократно упоминал в «Записках» о благодеяниях различного рода: «В числе всадников Цезаря, – пишет он, – было два брата аллоброга Роукилл и Эг, сыновья Адбукилла, который много лет был главой своей общины. Это были чрезвычайно храбрые люди, которые своей храбростью оказали ему немало отличных услуг во все войны с галлами. За это он поручил им на родине виднейшие должности, провёл их выбор вне очереди в местный сенат, дал им земли в Галлии, отнятые у врагов, дарил большие денежные суммы и вообще сделал их из людей бедных богатыми. За свою храбрость они были в почёте не только у Цезаря, но и очень ценились в армии» (пер. М. М. Покровского; Caes. BC., III, 59). Этот перечень благодеяний объясняет прочный характер связи, установившейся между Цезарем и галльскими элитами. Удивляет разве только отсутствие в нём римских гражданских прав, однако к моменту вступления на военную службу братья уже могли обладать этой привилегией [2, с.170]. Свидетельства источников говорят, что Цезарь был весьма щедр в присуждении наград такого рода (Suet. Iul., 28), и даже даровал права римского гражданство солдатам легиона, набранного им из трансальпийских галлов и обученного по римскому образцу (Suet. Iul., 24, 2).

Потомки этих галлов составляли слой проводников романизации Галлии, успешно осуществлявшейся в начале императорской эпохи. Многие из них носили родовые имена Юлиев, указывавшее на получение гражданства от самого Цезаря или его ближайших преемников. Надпись августовского времени упоминает Юлия Дурация, который, вероятно, являлся потомком упомянутого Гирцием вождя пиктонов того же имени (Caes. BG., VIII, 26). Юлий Гедомон не засвидетельствован исторически, но был назван дедом в надписи Юлия Руфа, галльского магната из племени сантонов, который процветал во время правления Тиберия (CIL XIII 1036). Таким образом, он мог являться современником Дурация [3, с. 827]. Наконец, в этом ряду следует назвать имена предков эдуя Юлия Сакровира и тревера Юлия Флора, вождей галльского восстания 21 г. Эти двое, по словам Тацита, «принадлежали к самым знатным галльским родам, и их предки получили римское гражданство за свои подвиги, что являлось в те времена «редкой наградой, дававшейся только за выдающиеся заслуги» (Пер. А.С. Бобровича; Tac. Ann. III. 49). Правнуком Цезаря считал себя вождь лингонов Юлий Сабин, участник галльского восстания 70 г. н.э. (Tac. Hist., IV, 55). Имена других участников восстания, знатных треверов Юлия Тутора и Юлия Классика, также свидетельствуют о раннем приобретении гражданских прав между Цезарем и временем правления Калигулы [4, с. 64–65].

Многие из галльских Юлиев исходно были связаны с военной службой в составе римской армии. Ранний этап истории галльских вспомогательных отрядов августовской эпохи оказывается очень слабо документирован. Их предшественниками, по-видимому, являлись catervae tumultuariae, набиравшиеся Цезарем в ходе Галльской войны. По окончании завоевания многие из этих отрядов вернулись домой, но другие продолжали службу и сопровождали Цезаря в ходе

Гражданской войны и позже. Присутствие галльских ауксилий в составе римских военных гарнизонов в Галлии фиксируется находками галльского оружия (5% от всех находок), защитного снаряжения (9%), всаднических шпор и лошадиной сбруи (68%), в том числе трензелей с псалиями и фалер [5, с. 79–95]. Менее определённо оно доказывается скоплением галльских серебряных и бронзовых монет, в которых солдатам выплачивалось жалование. Одним из наиболее известных монет являются серебряные денарии с изображением воина и легендой EPAD, чеканившиеся, вероятно, вождём арвернов Эпаснактом в 40-х гг. до н.э. [6, p. 431]. Идентификация отдельных отрядов возможна или по их более позднему названию (ala Treveroroum), или по имени первого командира, превратившееся в название отряда (ala Atectorigiana). Всего в период правления династии Юлиев-Клавдиев известно по крайней мере 28 кавалерийских ал и 76 когорт пехоты, т.е. 65% состава вспомогательных войск в западной части империи [7, с. 500].

В ходе завоевания Цезаря произошла смена галльских элит. Значительная часть прежней знати, боровшаяся против римлян, была физически уничтожена или изгнана из страны. Ей на смену пришли новые романизированные элиты, тесно связанные с установившейся римской властью. Эти политические трансформации галльского общества хорошо просматриваются на примере изменения способа репрезентации новой галло-римской аристократии. В результате римской политики демилитаризации на большей части территории к югу от Сены во 2-й половине I в. до н.э. постепенно исчез прежний обычай аристократического погребения с оружием. Вместо оружия в качестве показателя высокого статуса погребённого заняли римские импорты, в т. ч. драгоценные сосуды и кубки, кольца с печатями, фибулы и т.д. Этот набор должен был продемонстрировать не только богатство умершего, но и его связь с новой властью и престижным римским образом жизни. Прежний обычай воинских погребений сохранился лишь в северо-восточной части Галлии, примыкавшей к Рейну и границе с германцами. Население этих областей долго сохраняло прежнюю галльскую воинственность и суровость нравов. Высоко оценивая их боевые качества, римляне именно здесь предпочитали набирать большинство вспомогательных отрядов для своей армии. Среди других племён Галлии особенное положение занимали треверы, которые жили в долине Мозеля, и битуриги в землях к югу от Луары [1, с. 165–166; 8, с. 83].

Цезарь описывал треверов как воинственное и могущественное племя (Caes. BG., V, 3), упорно боровшееся с римлянами и усмиренное силой (Caes. BG., IV, 6; V, 3; VI, 2–8). После обращения Галлии в провинцию, они всё же получили от Цезаря прощение своей вины и даже удостоились привилегированного статуса союзной общины. На протяжении 40–30-х гг. до н.э. они оставались верными союзниками римлян, поставляя им вспомогательные войска. О связях треверов с римской властью свидетельствует большое число носителей родового имени Юлиев среди знати. В разгар войны между Октавианом и Антонием треверы подняли восстание и были приведены к покорности (Dio Cass., LI, 20, 5). С этими событиями можно связать разрушение крупнейшего треверского оппидума Тительберг и появление римского лагеря на горе Петрисберг на месте будущего Трира. В наказание за восстание прежний привилегированный статус у треверов был отобран. В перечне галльских общин у Плиния они обозначены как civitas foederata antea libera, т. е. «прежде свободные» (Plin. NH., III, 5, 4). Не смотря на эти неблагоприятные изменения треверы продолжали играть важную роль в истории галльских провинций. Они снаряжали, как минимум, одну кавалерийскую алу (ala Treverorum) для службы в римской армии. В правление Клавдия их столица Августа треверов, будущий Трир, получила статус римской колонии [9, с. 221].

Продолжение бытования у треверов древнего обычая погребения знати с оружием и другими приношениями позволяет археологам наблюдать, как в процессе взаимодействия с Римом трансформировалась традиционная культура. Наиболее полно эта тема изучена на материалах некрополей Трир-Ольвиг и Гёблинген-Ношпелт, которые датируются временем от середины до последнего десятилетия I в. до н.э. [1, с. 165–176] Как сами погребения, так и вещи, помещённые в захоронения, отражают смешанный характер местной культуры. Набор помещённых в могилу предметов свидетельствует о захороненных здесь лицах как о воинах-всадниках. В его состав обычно входят всаднические шпоры, а также уздечка, фалеры и другие элементы лошадиной сбруи. Оружие в основном имеет импортное происхождение. Характерные для остальной части Галлии длинные мечи латенского типа в ножнах с прорезными украшениями постепенно им на смену приходят мечи с коротким и широким клинком, форма которых напоминает римский гладиус. К настоящему моменту известно по крайней мере о находках 26 подобных мечей, сделанных на территории треверов. Несмотря на импортный характер оружия, практика его использования следует более ранней традиции. Прежде чем быть помещённым в могилу, клинок отжигался в пламени погребального костра, а затем многократно сгибался в соответствии с широко известным ритуалом Железного века [9, с. 225].

Четыре погребения из Гёблинген-Ношпелт позволяют детально проследить хронологию этого процесса. Все они относятся к погребениям знати, содержат множество вещей, галльское и римское оружие, а также всаднические шпоры. Захоронение C датируется временем между 50 и 30 гг. до н.э. и содержит галльскую керамику и фибулы. Современное ему захоронение D включало римскую амфору с вином, до которого галлы были весьма падки. Два других захоронения относятся к более позднему времени. Захоронение A, которое датируется временем между 30 и 20 гг. до н.э., наряду с местной керамикой содержит италийскую terra sigillata, бронзовые ковш, ситечко и миску из Кампании. Захоронение B, которое относится ко времени между 25 и 15 гг. до н. э., включало богатые римские импорты. Обнаруженный в нём римский меч в ножнах говорит о том, что погребенный здесь индивид продолжал идентифицировать себя с местной воинской традицией. При этом богатый набор бронзовых сосудов, чаш и блюд из Италии свидетельствует не просто о заимствовании предметов материальной культуры, но и о стоявших за ними пиршественных обычаев. Таким образом, погребения из Гёблинген-Ношпелт свидетельствуют, с одной стороны – о сохранении прежнего уклада жизни, а с другой стороны – о новом, связанном с римскими заимствованиями, способе их выражения [10, с. 95–96].

Библиографические ссылки

1. *Feugère M.* Les tombes á armes et l'arístocratie gauloise sous la paix romaine // L'armée romaine en Gaule. Dir. M. Reddé. Paris, 1996. P. 165–176.
2. *Kavanagh B.* The Citizenship and nomen of Roucillus and Egus // The Ancient History Bulletin 2001. Vol.15. P. 163–171.
3. *Drinkwater J. F.* The Rise and Fall of the Gallic Julii: Aspects of the Development of the Aristocracy of the Three Gauls under the Early Empire // Latomus 1978. Vol. 37. P. 817–850.
4. *Нестеров А. Г.* Об одном аспекте романизации кельтской аристократии в римской Галлии в I в. до н.э. – начале III в. н.э. // Античная древность и средние века. Свердловск, 1980. Вып. 17. С. 61–70.
5. *Feugère M., Poux M.* Gaule pacifiée, Gaule libérée? Enquête sur les militaria en Gaule civile // Römisches Militär und Militaria im zivilen Umfeld. ROMEC XIII. Jahresbericht Gesellschaft Pro Vindonissa, 2001. P. 79–95.
6. *Poux M.* L'empreinte du militaire tardo-républicain dans les faciès mobiliers de La Tène finale Caractérisation, chronologie et diffusion de ses principaux marqueurs // Sur les traces de César, militaria

tardo-républicains en contexte gaulois. Actes de la table ronde de Glux-en-Glenne du 17 octobre 2002. Dir. M. Poux. Glux-en-Glenne, 2008.
7. *Goudineau Ch.* Gaul // Cambridge Ancient History. Vol. X. The Augustan Empire 43 BC – 69 AD. Cambridge. 1996.
8. *Reddé M.* L'occupation militaire de César à Tibère // Comment les Gaules devinrent romaines, Actes du colloque internationale du Louvre du 14 et 15 septembre 2007. Dir. P. Ouzoulias, L. Tranoy. Paris, 2010.
9. *Strobel K. P.* Vom marginalen Grenzraum zum Kernraum Europas. Das römische Heer als Motor der neustrukturierung historischer Landschaften und Wirtschaftsräume // The Impact of the Roman Army (200 BC – AD 476) Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects. Leiden, 2007.
10. *Wells P. C.* Barbarians Speak: How The Conquered Peoples Shaped Roman Europe. Princeton, 2001.

ИМПЕРАТОРСКИЙ КУЛЬТ И РОЖДЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОГО ДИТЯ В ЧАСТНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАКТИКАХ РИМСКОГО ЕГИПТА

С. А. Качан

Независимый исследователь, г. Москва, Россия, sergey-md@list.ru

В данном исследовании рассматривается ритуал рождения божественного дитя в частных религиозных ассоциациях в Римском Египте. Эти идеи отражаются в тексте «Литургии Митры», в котором образ Гелиоса-Митры функционально представляет императора, а мист, стремящийся переродиться через образ Гелиоса, перенимает черты бога-ребенка Харпократа. В частных ассоциациях почитался дух Ка/τύχη римского правителя, отождествленного с богом-ребенком. Поклонение императору в образе божественного дитя сопровождалось ритуальными танцами, а также мирскими делами – судопроизводством.

Ключевые слова: императорский культ; бог-ребенок; Ка/τύχη; частные религиозные ассоциации; Римский Египет; Хатхор; Митра-Гелиос; Харпократ.

THE IMPERIAL CULT AND THE BIRTH OF A DIVINE CHILD IN THE PRIVATE RELIGIOUS PRACTICES OF ROMAN EGYPT

S. Kachan

Independent researcher, Moscow, Russia, sergey-md@list.ru

In this study the author examines the ritual of giving birth to a divine child in private religious associations in Roman Egypt. These ideas are reflected in the text "Mithras Liturgy", in which the image of Helios-Mithras functionally represents the emperor, and the myst, who seeks to be reborn through the image of Helios, takes on the features of the child god – Harpocrates. In private associations, the spirit of Ka/τύχη of the Roman ruler, identified with the child god, was revered. The worship of the emperor in the guise of a divine child was accompanied by ritual dances, as well as worldly affairs – legal proceedings.

Keywords: imperial cult; child god; Ka/τύχη; private religious associations; Roman Egypt; Hathor; Mithras-Helios; Harpokrates.

В Египте римского времени происходит постепенный переход культовых действий из храмовых центров, которые стали испытывать серьезные финансовые трудности и сильно зависили от щедрости императора, в частные религиозные ассоциации – synodoi [18]. Одно из центральных мест в храмовой культовой практике греко-римского времени занимал ритуал рождения божественного дитя, с которым отождествлялся земной правтель, в малом храме маммизи. Этот ритуал

также мог исполняться в частных религиозных ассоциациях. Итак, в данном исследовании будут рассмотрены следующие проблемы: какие религиозные представления, связанные с рождением божественного дитя, отразились в культовых действиях в честь императора в частных synodoi и какие ритуальные практики сопровождали отождествление римского правителя и божественного дитя в sacra privata.

Идеи рождения божественного дитя могли отражаться в тексте мистерий, который получил название «Литургия Митры», – источнике, созданном в начале IV века, формировавшемся около 200 лет и отражающем эллинистические и египетские религиозные представления [9, p. 9]. Целью написания мистерий (μυστήρια) было проинструктировать, как получить бессмертие, поднявшись в небо (ὅπως ἐγὼ μόνος αἰετὸς οὐρανὸν βαίνω καὶ κατοπτεύω πάντα – «таким образом, я один, как орел, поднимаюсь в небо и лицезрею весь (мир)»), став ребенком (μόνῳ δὲ τέκνῳ ἀθανασίαν ἀξιῶ – единственным ребенком удостоен я бессмертия») и соединившись с солярным божеством Митрой-Гелиосом (PGM IV. 475–485). Образ молящегося человека, поднимающегося в небо, вызывает в памяти мистерии, посвященные богине Исиде, в ходе которых мист Луций посвятил себя богине, претерпев ритуальную смерть ночью, а на утро предстал перед статуей богини в обновленном образе (Apul. Met. XI). Ритуальная смерть и перерождение Луция в ходе мистерий уходит корнями в египетские религиозные представления. В Книге Амдуата шестой и седьмой часы путешествия солнечной барки в Загробном мире происходят основные события, когда достигается единение образов Ра и Осириса, а также победа над Апофисом – главного противника солярного божества. Вот именно в этом контексте гласит воззвание: «Освещается тьма на земле...когда Ра освещает тьму». Это представление коррелируется с идеей рождения в Дуате в 6 часу бога Ра, в результате появления на свет которого освещается Загробный мир. Сочетание представлений о победе над Апофисом, соединение образов Осириса и Ра с идеей рождения бога Ра оказало воздействие, по мнению Я.Бергмана, на образ ритуально умирающего и возрождающегося Луция из «Метаморфоз» Апулея [8, p. 683]. В греко-римское время бог Гелиос провозглашается «молодым утром и старым вечером, который путешествует через подземную сферу и поднимается, дыша огнем» (PGM I. 33–34), а в 6 часу его загробного путешествия одерживает «блистательную победу» (PGM IV. 1670–1671). Таким образом, идея загробного путешествия солярного божества могла оказать воздействие на образ молящегося из «Литургии Митры», который стремиться получить бессмертие, переродившись. Он утверждает, что был рожден в мире без света (PGM IV. 496–497) и стремится соединиться с солярным божеством (PGM IV. 539–546).

В условиях усилившегося религиозного синкретизма на образы, отраженные в «Литургии Митры», могли оказать идеи рождения божественного дитя из храмов маммизи. Так, в стремлении оказаться с солярным божеством молящийся воспринимает образ Харпократа (Хор-ребенок): (Σὺ δὲ εὐθέως ἐπίθες δεξιὸν δάκτυλον ἐπὶ τὸ στόμα καὶ λέγε: Σιγή, σιγή, σιγή, σύμβολον θεοῦ ζῶντος ἀφθάρτου) «Ты же тотчас приложи правый палец ко рту и говори: "Тишина, тишина, тишина, живущий символ неуничтожимого бога"» (PGM IV. 556–560). Харпократ в греко-римское время изображался в образе ребенка с приставленным ко рту пальцем на частных культовых объектах – изображения, тесно связанные, как с миром людей, так и с миром мертвых [24, p. 32–33. Fig. 7]. В храме Дендеры Харпократ-Харсомтус представлен в образе ребенка, выходящим из лотоса, с пальцем, приставленным ко рту [22, pl. 9]. Статуэтка Харпократа из ГМИИ им А.С. Пушкина (Инв. № I, 1a 2865) изображает бога сидящим на троне в виде обнаженного

младенца, палец правой руки касается рта, на голове (справа) – локон юности. Его корона состоит из двух бутонов лотоса, между которыми помещен солнечный диск и два высоких пера. Статуэтки Харпократа с горшком (Инв. № I, 1а 7921) и Харпократа с рогом изобилия (Инв. №№ I, 1а 2864 и I, 1а 6928) показывают мальчика в двойной короне и с двумя бутонами лотоса по бокам, при этом корона поставлена на цветочный венок [3, с. 60–61]. Итак, образ молящегося из «Литургии Митры» отождествляется с Харпократом, который изображался в образе ребенка с приставленным ко рту пальцем с царскими атрибутами.

Молящийся стремится соединиться с солярным божеством, которго он привествует: (Κύριε, χαῖρε, μεγαλοδύναμε, μεγαλοκράτωρ, βασιλεῦ, μέγιστε θεῶν, Ἥλιε, ὁ κύριος τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, θεὲ θεῶν, ἰσχύει σου ἡ πνοή, ἰσχύει σου ἡ δύναμις, κύριε. Ἐάν σοι δόξῃ, ἄγγειλόν με τῷ μεγίστῳ θεῷ, τῷ σε γεννήσαντι καὶ ποιήσαντι) «Приветствую (тебя), о господин, великий мощью, великий властью, царь, величайший бог, Гелиос, господин неба и земли, бог богов, могущество – твое дыхание, могущество – твоя мощь, о господин. Если ты желаешь, объяви меня величайшему богу, который тебя создал и породил на свет (PGM IV. 640–645). В этом тексте солярное божество Гелиос представлен как вселенское верховное бог, который господствует над всем миром. Но при этом объявляется, что он является сыном божественного отца, «который тебя создал и породил на свет». Образ солярного божества из «Литургии Митры» способствует перерождению обращающегося к нему: (σήμερον τούτου ὑπο σου μεταγεννηθέντος, ἐκ τοσούτων μυριάδων ἀπαθανατιστεὶς ἐν ταύτῃ τῇ ὥρᾳ κατὰ δόκησιν θεοῦ ὑπερβάλλοντος ἀγαθοῦ) «(поскольку) сегодня из тебя (т.е. Гелиоса) он (т.е. молящийся) впоследствии родился, из многочисленных мириад он перешел в этот момент к (числу) бессмертных по решению благого бога» (PGM IV. 646–650). Молящийся человек, перерожденный богом Гелиосом, воспринимает образ божественного дитя и на этом основании становится подобен богу, получая бессмертие. Отождествление бога-отца и бога-сына отражается в храмах Египта греко-римского времени: «Идет Хароёрис-Шу…Создал он наследника, чтобы был господин Обеих Земель, Па-неб-тауи, господин юный, (похожий) в Ка и имени его (т.е. бога-отца) и находящийся впереди бога превосходного, который воплощается в этом сыне, мужчине, чей образ (схож образу) отца его (бога) Шу, что подобно возобновлению молодости Ра» (Дом рождения в Ком-Омбо) [14, pl. 45]. Взаимосвязь и схожесть образов бога-отца и бога-сына отражается в храмах греко-римского времени, которые становятся фактором легитимизации власти божественного дитя и законности его нахождения на престоле.

В «Литургии Митры» решение о перерождении молящегося принимает солярное божество, которое объявляется «благим богом» (θεοῦ ἀγαθοῦ) и «величайшим богом» (μέγιστε θεῶν). Эти термины находят параллели в египетских выражениях «благой, хороший бог» и «великий бог», соответственно. Первый термин был эпитетом и характеристикой Осириса (WB P. 362. 3), а также наименованием земных царей (WB P. 361. 10), начиная с IV династии. Второй термин был частью титулатуры верховного солнечного божества Амона-Ра и царей IV–VI династий. Термин «благой, хороший бог», приписываемый образу Осириса и царя, означал их проявление как «младшего солнца», которое противопоставлялось «старшему солнцу» – великому богу. Младшее солнце-царь правит на земле, старшее солнце – в мире богов. Начиная с эпохи Древнего Царства на Осириса переносят «двусолнечность», именуя «благой, хороший бог» и «великий бог». «В сложном образе Осириса соединились два представления: он одновременно является и старшим и младшим солнцем», что являлось стремлением египтян

перенести представление о «соправительстве двух Солнц» в Загробный мир, где правит царь Осирис [2, p. 13–14]. Итак, в Осирисе соединялись идеи об этом боге как персонификации «младшего и старшего солнца». Данное представление повлияло на образ солярного Гелиоса из «Литургии Митры», образ которого соединяет черты Ра и Осириса. Они уничтожают извечного врага Апофиса, устанавливают справедливый порядок вещей и способствуют перерождению взывающих к ним. При этом молящийся становится функционально на место божественного дитя, которого фактически объявляют сыном божественного отца Гелиоса-Ра-Осириса и который через образ бога-отца перерождается, получая бессмертие.

Для образа Гелиоса характерны такие эпитеты как «великий мощью» (μεγαλοδύναμε), господин земли и неба (ὁ κύριος τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς), бог богов (θεὲ θεῶν), «царь» (βασιλεῦ). Эти черты солярного божества находят параллель в образе императора. В Хоровом имени императора, в котором отражается элементы египетской царской идеологии, прославляющие римского правителя как египетского фараона, завоевателя земель сильной рукой, защитника Египта [20, p. 14], император назван «мощный дланью», «великий мощью». В Хоровом имени римский правитель именуется как «владыка владык» – эпитет, характеризующий императора как иностранного правителя и связывающий его с образом Александра Великого, который так же носил этот эпитет [10, p. 283]. Но в то же время термин «владыка владык» прославлял верховное положение императора среди других правителей: он, подобно верховному богу, являющемуся «богом богов», объявляется властителем других правителей на земле. Римский император назывался властителем земли и моря. Так, население Миры из Ликии высекли посвятительную надпись, которая обращена Октавиану Августу: (Καίσαρα αὐτοκράτορα γῆς καὶ θαλάσσης, τὸν εὐεργέτην καὶ σωτῆρα τοῦ σύνπαντος κόσμου) «Цезарю, императору земли и моря, благодетелю и спасителю всего мира» (EJ №72) [7, p. 57. 35]. Такое именование императора было актуально для самих римских правителей, стремившихся предстать в качестве всеобщих благодетелей, так и для их подданых, получивших возможность пользоваться плодами Pax Romana [5, с. 144], а также демонстрировало в образе римского правителя вселенский характер. Итак, Митра-Гелиос в «Литургии» становится небесным прототипом римского императора, отождествленного с Хором. Римский правитель мог изображаться с иконографическими чертами Митры. Так, император Аврелиан изображался на монетах с лучистой короной Митры [11, p. 197. Fig. 141].

Присутствие молящегося перед солярным божеством в образе бога-ребенка напоминает древнеегипетскую концепцию, согласно которой момент восшествия на престол Египта нового царя воспринмалось как начало новой, благой эпохи после кризисного периода, вызванного смертью отца – Осириса. Восходящий на трон царь стоит перед верховным богом Амоном-Ра, который передает ему свою власть, как, например, в коронационном гимне Рамсеса IV: «О прекрасный день! Небо и земля в радости, ибо ты стал благим владыкой Египта… Высокий Нил поднялся от своего истока, чтобы освежить сердца людей. Сын Ра – Рамсес, да будет он жив, невредим и здоров, получил должность своего отца. Обе земли целиком говорят ему: "Прекрасен Хор на троне отца своего Амона-Ра, бога, который руководит им, этого властителя, покоряющего любую страну!"» [1, с. 218].

Похожая идея отражается в сообщении Светония, который говорит о пребывании Веспасиана в александрийском Серапионе: «Здесь он (Веспасиан) один, без спутников, отправился в храм Сераписа, чтобы гаданием узнать, прочна ли его власть; и когда после долгой молитвы он обернулся, то увидел, что ему по

обычаю подносит лепешки, ветки и венки (verbenas coronasque et panificia) вольноотпущенник Басилид» (Seut. Vesp. 7.1). В данном отрывке Веспасиан, подобно Александру Македонскому (Arr. III.1; Strabo XVII. 43), пытается узнать через оракула о будущем своей власти, стремясь через imitatio Alexandri провести параллель между собой и македонским завоевателем и пропагандировать свое равенство с Александром Великим [23, S. 116]. По мнению Ф. Дершена преподношение лепешек, веток и венков означало, что Веспасиан был коронован по египетскому ритуалу [15, p. 264], а сами эти дары находили свою параллель в египетских культовых объектах, характерных для процедуры коронации царя: венки – корона Верхнего и Нижнего Египта, хлеба – преподношение знака жизни – Анх, и ветки – букеты [15, p. 276]. Ш. Пфайффер указывает на то, что эти дары были предназначены для бога Сараписа, а император, функционально находясь на месте этого бога, получил эти преподношения [23, S. 118]. Но в то же время, данный отрывок может отражать не только коронационные мотивы, но идею предстояния правителя в образе «юного Хора» [25, p. 96–97], который получает свою власть из рук солярного бога-отца – Гелиоса-Сараписа.

Перерождение молящегося в «Литургии Митры» сочеталось с появлением семи «Судеб небес»: (ταῦτα εἰπὼν ὄψῃ θύρας ἀνοιγομένας καὶ ἐρχομένας ἐκ τοῦ βάθους ζʹ παρθένους ἐν βυσσίνοις, ἀσπίδων πρόσωπα ἐχούσας. αὗται καλοῦνται οὐρανοῦ Τύχαι, κρατοῦσαι χρύσεα βραβεῖα. ταῦτα ἰδὼν ἀσπάζου οὕτως χαίρετε, αἱ ζʹ Τύχαι τοῦ οὐρανοῦ, σεμναὶ καὶ ἀγαθαὶ παρθένοι, ἱεραὶ καὶ ὁμοδίαιτοι τοῦ μινιμιρροφορ, αἱ ἁγιώταται φυλάκισσαι τῶν τεσσάρων στυλισκων. χαῖρε, ἡ πρώτη, χρεψενθαης, χαῖρε, ἡ βʹ, μενεσχεης, χαῖρε, ἡ γʹ, μεχραν, χαῖρε, ἡ δʹ, αραρμαχης, χαῖρε, ἡ εʹ, εχομμιη, χαῖρε, ἡ ςʹ, τιχνονδαης, χαῖρε, ἡ ζʹ, Ἐρού, ρομβριης) «Поэтому, сказав (это), увидишь ты открытые двери и выходящих из глубины 7 девственниц, обладающих змеиным обликом, (в одеждах) из тончайшего полотна. Они называются Судьбами Небес, держащие золотые жезлы. Поэтому, увидев (их), приветствуй (их) таким образом: “Приветствую, о Семь Судеб Небес, чтимые и прекрасные девственницы, священные и спутницы minimirrophor’a, наиболее священные хранительницы четырех столпов. Приветствую тебя, первая Chrepsenthaes! Приветствую тебя, вторая Meneschees! Приветствую тебя, третья Mechran! Приветствую тебя, четвертая Ararmaches! Приветствую тебя, пятая Echommie! Приветствую тебя, шестая Nichnondaes! Приветствую тебя, седьмая Erou, Rombries“». (PGM IV. 662–674) [27, p. 51].

В этом тексте семь «Судеб Небес» – это египетские Семь Хатхор [16, S. 71–72], которые выступали в качестве богинь-предсказательниц [19] и, согласно сказке «Обреченный царевич» (P.Harris 500), определяли судьбу новорожденного царя [6, с. 78]. Эти богини, являющиеся персонификациями Хатхор, непосредственно участвовали в рождении бога-ребенка. Так, в храмовой сцене из Арманта времени правления Клеопатры VII и ее соправителя Птолемея XVI Цезариона представлены богини – Семь Хатхор [13, p. 415–416. 3]: их имена (слева направо) – «Великая, рождающая, дает она золото» (держит в обеих руках знак жизни), «Рождающая, дающая жизнь» (стоит, наклонившись и протянув вперед руки, помогает роженнице), «Сияющая» (стоит, наклонившись, и держит правой рукой за правую руку богиню, рождающую бога-ребенка, левой – поддерживает ее), «Богиня, мать Ра» (сидит, подняв руки вверх, производит на свет божественное дитя), «Юная, рождающая сладосного» (сидит лицом напротив роженницы, помогает появится на свет богу-ребенку), «кормилица» (наблюдает за процессом рождения, держит левой рукой последнюю богиню за правую руку), «девушка» (кормит грудью бога-ребенка) [21, Bd. 60a]. Появление на свет божественного дитя сопровождается

танцами и весельем. Об этом говорится в тексте из Эдфу, который приписывается одной из Семи Хатхор: «Речение слов: «Приходим мы, ребенок, госпожа, владычица, Хатхор Великая, госпожа Дендеры, ликуем мы перед Ка (твоим), радуемся мы перед ребенком рожденным, танцуем мы перед ребенком, (который) в Доме кормилицы» [12, p. 33].

Образ семь «Судеб небес» (αἱ ζʹ Τύχαι τοῦ οὐρανοῦ), которые «обладают змеиным обликом» (ἀσπίδων πρόσωπα ἐχούσας) находят параллель в образе Хатхор, выступающей как богиня-мать: «Хатхор, великая, госпожа Омбоса, рождающая Ра, госпожа небес, змея-урей (на челе) Ра) [14, pl. 667]. Необходимо отметить, что слово «жезлы» (βραβεῖα), которые носят семь «Судеб небес», является однокоренным слову «судья» (βρᾶβεύς) [4, с. 305], что намекает на судейскую функцию этих богинь. Наименование богинь «судьбы» (Τύχαι) находят параллель в образе Хатхор, которая объявляется «путь к Ка его в имени ее Хатхор» [14, pl. 792]. В римское время дух Ка правителя был египетским эквивалентом genius/τύχη, а в египетских храмах греко-римского времени провозглашалось тождество духов Ка бога-отца и бога-сына, божественной матерью которого выступала Исида/Хатхор.

Эти идеи отражались в культовой практике в египетской хоре. В 163/164 г. жрецы храма Афины-Тоерис (египетская Таурет) выбрали в Оксиринхе священную девственницу для участия в процессии, которая почитала тюхе императора [26, p. 442]. Согласно тексту греческого папируса (P.Mert. II. 73), который был написан (παρὰ Ταọφρυφ̣νιος ἱερᾶς παρθένου διὰ ̣ἱερέως Ἀθηνᾶς Θοήριδος κ̣αὶ Ἴσιδο̣ς κ̣αὶ Σαράπιδος καὶ τῶν συννάων θεῶν) «от Таофрионис, священной девственницы, жрецу Афины-Таерис и Исиды, и Сараписа и богов, которые находятся в этом храме», жрица, после ее избрания коллегией жрецов, должна была участвовать в процессии, почитавшей тюхе императоров: (κεχειρισμένη ὑπ̣ὸ τοῦ πλ̣ήθους τῶ̣ν ἱερ̣έων κ̣ωμασίας ὑπὲρ τῆς τύχη̣ς τῶν κ̣υρίω̣ν ἡμῶν Ἀντωνείου καὶ Οὐήρου…) «(Поскольку) я была выбрана большинством жрецов (для участия) в процессии ради тюхе господ наших…». Но не могла выпонять свои обязанности вследствии болезни [28, p. 61–62. 35.]. В Охсиринхе располагался императорский храм – Себастион (P. Mert I. 18), в котором не только поклонялись богам-августам, но и вершилось правосудие [17, p. 131–132].

Итак, в Римском Египте рождение божественного дитя, который отождедтствлялся с императором, отмечалось не только в храмах, но и в частных религиозных ассоциациях. Идея рождения бога-ребенка отражалось в «Литургии Митры», где образ вселенского Митры-Гелиоса соответствовал образу императора, отождествленного с Хором, а молящися, ритуально перерождаясь, воспринимал черты бога-ребенка – Харпократа, и, в этой связи, также отождествлялся с римским правителем. Рождение божественного дитя спровождалось танцами, почитанием духа Ка/ genius/τύχη правителя, а также мирским делами – судопроизводством.

Библиографические ссылки

1. *Ассман, Я.* Египет. Теология и благочестие ранней цивлизации. М. : Присцельс, 1999.

2. *Берлев, О. Д.* Два царя – два солнца. К мировоззрению древних египтян // Discovering Egypt from the Neva: The Egyptological Legacy of Oleg D. Berlev. Berlin, 2003. P. 1–18.

3. *Васильева, О. А., Малых, С. Е.* Харпократ с царскими атрибутами и Харпократ-Эрос: египетские терракотовые статуэтки из собрания ГМИИ им А.С. Пушкина // Вестник института востоковедения РАН. 2020. № 4 (14). С. 55–71.

4. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1 / Под ред. С.И. Соболевского. М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.

5. *Махлаюк, А. В.* Римский император как правитель вселенной в политическом дискурсе греческих надписей // Древние цивилизации: социум и человек. Доклады конференций Российской ассоциации

антиковедов с международным участием. ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 4–6 октября 2018. Ярославль : Филигрань, 2018. С. 139–149.
6. Сказки и повести Древнего Египта. Пер. и комм. И.Г. Лившица. М. : Наука, 1979.
7. *Ando C.* Imperial ideology and provincial loyalty in the Roman Empire. Berkeley, Los Angeles, London : University of California Press, 2000.
8. *Bergman J.* Per omnia vectus elementa remeavi. Réflexions sur l'arrière-plan égyptien du voyage de salut d'un myste isiaque // La soteriologia dei culti orientali nell' Impero Romano: Atti del Colloquio internazionale su La soteriologia dei culti orientali nell' Impero Romano, Roma, 24–28 Settembre, 1979. Leiden: Brill, 1982. P. 671–708.
9. *Betz H. D.* The "Mithras Liturgy". Text, Translation, and Commetary. Tübingen : Mohr Siebeck, 2003.
10. *Bosch-Puche F.* The Egyptian Royal Titularies of the Roman Emperors: A Local Version of the Imitatio Alexandri? // Chronique d'Égypte. 2015. Vol. 90. P. 276–305.
11. *Bowden H.* Mystery Cults of the Ancient World. Princenton, Oxford: Princeton University Press, 2010.
12. *Chassinat É.* Le mammisi d'Edfou. Vol. 2. Caire: Institute francais d'archéologie orientale, 1939.
13. *Daumas F.* Les mammisis des temples égyptiens. Paris: Les Belles Lettres, 1958.
14. *De Morgan J., Bouriant U., Legrain G.* Catalogue des monuments et inscriptions de l'Egypte antique. Première série, Haute Egypte. Vol. II–III. Kom Ombos. Vienne : Adolphe Holzhausen. 1902.
15. *Derchain Ph.* La visite de Vespasien au Sérapéum d'Alexandrie // Chronique d'Égypte. 1953. Vol. 28. P. 261–279.
16. *Dieterich A.* Eine Mitrasliturgie. Leipzig, Berlin : Teubner, 1910.
17. *Dundas G. S.* Pharaoh, Basileus and Imperator: The Roman Imperial Cult in Egypt. PhD Thesis. Los Angeles, 1994.
18. *Frankfurter D.* Religion in Roman Egypt: Assimilation and Resistance. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1998.
19. *Helck W.* Hathoren, sieben // Lexikon der Ägyptologie. Bd. II. Wiesbaden : Otto Harrassiwitz, 1977. S. 1033.
20. *Herklotz F.* Aegypto capta. Augustus and the Annexation of Egypt // The Oxford Handbook of Roman Egypt. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 11–21.
21. *Lepsius K. R.* Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien.Vol. IX. Abth. IV. Berlin, 1849–1858.
22. *Mariette A.* Dendérah: Description général du grand temple de cette ville. Vol III. Paris : Librairie A. Franck, 1871.
23. *Pfeiffer S.* Der römische Kaiser und das Land am Nil: Kaiserverehrung und Kaiserkult in Alexandria und Ägypten von Augustus bis Caracalla (30 v. Chr.–217 n. Chr.). Stuttgart : Steiner Verlag, 2010.
24. *Riggs C.* The Beautiful Burial in Roman Egypt: Art, Identity and Funerary Religion. Oxford : Oxford University Press, 2005.
25. *Tacács S. A.* Isis and Sarapis in the Roman World. Religion in the Greco-Roman World. Leiden : Brill, 1995.
26. *Tallet G., Zivie-Coche C.* Imported Cults // The Oxford Handbook of Roman Egypt / Ed. by C. Riggs. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 436–456.
27. The Greek Magical Papyri in Translation including the Demotic Spells. Vol. 1. London, Chicago : University of Chicago Press,1986.
28. Women and Society in Greek and Roman Egypt: A Sourcebook / Ed. by J. Rowlandson. Cambridge : Cambridge University Press, 1998.

РЭЛІГІЙНАЯ ПАЛІТЫКА СЕПТЫМІЯ СЕВЕРА Ў ПРАЦАХ ДЫЁНА КАСІЯ І ГЕРАДЫЯНА

С. М. Смірноў

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, г. Мінск, Беларусь, viales89@gmail.com

Дадзены артыкул прысвечаны разгляду асноўных асаблівасцей рэлігійнай палітыкі Септымія Севера ў працах рымскіх гісторыкаў Дыяна Касія і Герадыяна. Рэлігійная палітыка рымскага імператара заключалася ў прагматычным балансе паміж сінкрэтычнымі тэндэнцыямі і рымскімі традыцыямі ў духоўным жыцці Рымскай імперыі.

Ключавыя словы: Рымская імперыя; рэлігійны сінкрэтызм; Септымій Север; рымская рэлігія; рымскія гісторыкі.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СЕПТИМИЯ СЕВЕРА В ТРУДАХ ДИОНА КАССИЯ И ГЕРОДИАНА

С. Н. Смирнов

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, viales89@gmail.com

Данная статья посвящена рассмотрению основных черт религиозной политики Септимия Севера в трудах римских историков Диона Кассия и Геродиана. Религиозная политика римского императора заключалась в прагматическом балансе между синкретическими тенденциями и римскими традициями в духовной жизни Римской империи.

Ключевые слова: Римская империя; религиозный синкретизм; Септимий Север; римская религия; римские историки.

RELIGIOUS POLICY OF SEPTIMIUS SEVERUS IN THE WORKS OF DION CASSIUS AND HERODIAN

S. Smirnou

Belarusian State University, Minsk, Belarus, viales89@gmail.com

This article is devoted to the analysis of the main features of the religious policy of Septimius Severus in the works of the Roman historians Dion Cassius and Herodian. The religious policy of the Roman emperor was a pragmatic balance between syncretism and Roman traditions in the spiritual culture of the Roman Empire.

Keywords: Roman Empire; religious syncretism; Septimius Sever; Roman religion; Roman historians.

У сусветнай гістарычнай навуцы даўно зацвердзіўся падыход, які разглядае гісторыю рэлігійнага жыцця Рымскай імперыі II–III ст. н. э., як перыяд распаўсюджвання праяў рэлігійнага сінкрэтызму і арыенталізацыі рымскай рэлігіі. Дадзены падыход атрымаў абгрунтаванне ў працы бельгійскага гісторыка рымскай рэлігіі Ф. Кюмона, які ацэньваў перыяд кіравання дынастыі Севераў, як час згасання традыцыйнай рымскай рэлігіі, абнаўлення духоўнага жыцця імперыі пад уплывам культаў і рэлігійна-спекулятыўнай філасофіі [4, с. 251–252; 13, p. 203]. Класічны падыход дагэтуль не губляе сваёй навуковай значнасці, але ён не адлюстроўвае аб’ектыўна складаную карціну рэлігійнай сітуацыі ў Рымскай імперыі, якая прадстаўляла сабой супярэчлівае спалучэнне і ўзаемную сувязь рэлігійнага сінкрэтызму і традыцыяналізму. Працы Дыёна Касія і Герадыяна дазваляюць даследчыкам выявіць пэўныя асаблівасці рэлігійнай палітыкі Септымія Севера, а таксама даць характарыстыку рэакцыі палітычнай і інтэлектуальнай эліты Старажытнага Рыму на дзеянні рымскага імператара [3; 2]. Акрамя гэтага, можна меркаваць аб сутнасці ўзаемадзеяння сінкрэтызму і традыцыі ў рэлігійнай прапагандзе заснавальніка дынастыі Севераў.

Рымскі гісторык Дыён Касій расказвае, што Септымій Север узвёў храм у гонар Пертынакса, які быў пазбаўлены ўлады падчас змовы рымскіх прэтарыянцаў (Cass. Dio LXXV 4. 1) [3, с. 231]. Новы імператар арганізаваў і ўзначаліў урачыстую цырымонію пахавання і абагаўлення памерлага імператара (Cass. Dio LXXV 4–5.) [3, с. 231–234]. Абагаўлёны Пертынакс атрымаў калегію жрацоў, у якой служыў сын памерлага імператара (SHA Pert., XV 1–5., Sev., VII 8–9) [1, с. 79–80, 89]. Герадыян згадвае ў сваёй працы, што пасля свайго ўваходу ў Рым, Септымій Север здзейсніў ахвярапрынашэнні вярхоўнаму богу рымскага пантэону Юпітэру Капіталійскаму, а таксама прыняў імя Пертынакса ад рымскага сената (Herodian II 14. 2–4) [2, с. 130–131]. Сведчанні рымскіх гісторыкаў паказваюць значнасць рымскіх традыцый для палітыкі Септымія Севера і пазітыўную рэакцыю рымскай эліты на дзеянні імператара. Але наступныя падзеі прадэманстравалі неадназначны характар стасункаў паміж Северам і рымскім сенатам. Дыён Касій апісвае значнае здзіўленне рымскіх сенатараў, калі Септымій Север абвясціў сябе сынам Марка Аўрэлія і братам Комада, які затым атрымаў статус абагаўленага імператара (Cass. Dio LXXVI 7. 4) [3, с. 251]. А. М. Штаерман выказала слушную думку, што абагаўленне Пертынакса і Комада адлюстроўвае палітычныя манеўры Септымія Севера, які спачатку шукаў падтрымкі рымскага сената ў барацьбе супраць Песцынія Нігера і Клодзія Альбіна, а потым пасля перамогі над апошнім працягнуў палітыку Комада ў дачыненні сената [5, с. 333]. Абагаўленне Пертынакса, а затым Комада былі мэтанакіраванымі крокамі Севера па ўмацаванні прэстыжу новай дынастыі і свяшчэннага статусу імператарскай улады. Заўважна, што рэлігійная палітыка імператара спрыяла фармаванню пазітыўнага прапагандысцкага вобразу новай кіроўнай дынастыі, якая пасля грамадзянскай вайны аднаўляе ў імперыі спакой і парадак, а таксама захоўвае ідэалагічную пераемнасць з мінулай дынастыяй Антанінаў.

Згодна з Герадыянам, Септымій Север правёў секулярныя гульні (ludi saeculares) у 204 г. н. э., падчас якіх адбыліся ўрачыстыя ахвярапрынашэнні і начныя містэрыі (Herodian III 8. 9) [2, с. 150]. Але Дыён Касій не прыгадвае гэтыя падзеі, толькі дае апісанне гульняў у гонар дзесяцігоддзя кіравання імператара Севера (Cass. Dio LXXVII 1. 1–5) [3, с. 262–263]. Падзеі 204 году не атрымалі асвятлення ў працы Дыёна Касія. Сучасныя даследчыкі Э. Скот і С. Данінг тлумачаць гэта тым, што рымскі гісторык спецыяльна разглядае падзеі 202 г. н. э., калі адзначалася дзесяцігоддзе кіравання імператара, і 204 г. н. э., як адно цэлае ў палітычнай прапагандзе Септымія Севера [8, p. 104–105; 15]. Дыён Касій такім чынам імкнуўся паказаць ілюзорнасць палітычных поспехаў і марнатраўства рымскага імператара [15].

Acta Severiana – эпіграфічны помнік, у якім апісваецца падрыхтоўка і правядзенне секулярных гульняў 204 г. н. э. дазваляе меркаваць аб важнасці дадзенага рэлігійнага і палітычнага мерапрыемства для Септымія Севера і яго сям’і [7, p. 287–338]. Згодна з Acta severiana імператар, яго жонка, Юлія Домна, і сыны, Каракала і Гета, прымалі ўдзел у арганізацыі і правядзенні секулярных гульняў [14, p. 41–63]. Па звестках Герадыяна, вяшчальнікі рымскага імператара запрашалі жыхароў Рыма і Італіі паўдзельнічаць ва ўрачыстасцях (Herodian III 8. 9) [2, с. 150]. Гэта дазваляе сцвярджаць, што секулярныя гульні Септымія Севера мелі агульнаімперскі характар. Хаця такая думка патрабуе пэўнага абгрунтавання эпіграфічным матэрыялам, які можа ўказаць на ўдзел жыхароў рымскіх правінцый ў гэтых гульнях. Разам з гэтым, аналіз эпіграфікі дазволіць выявіць рэакцыю насельніцтва на палітычную і рэлігійную прапаганду рымскага імператара. Бясспрэчна, што секулярныя гульні мусілі дэманстраваць палітычнае і рэлігійнае

адзінства імперыі пад кіраўніцтвам сям'і імператара. Гэтыя гульні мусілі пашырыць уплыў шанавання імператара і яго сям'і сярод жыхароў Рыма і рымскіх правінцый.

Урачыстасць секулярных гульняў адбывалася ў канцы траўня і пачатку чэрвеня, згодна з Acta Severiana [7, p. 287–338; 14, p. 63–89]. Першыя рытуалы праходзілі на Марсавым полі ў начы з 31 траўня на 1 чэрвеня, падчас якіх імператар, яго сыны, калегія квіндэцэмвіраў (quindecemviri sacris) і вясталкі прынялі ўдзел ва ўступнай малітве за дабрабыт Рыма (Acta Severiana 121–122) [7, p. 305]. Пасля гэта былі здзейснены ахвярапрынашэнні ў гонар грэчаскіх Мойр (Acta Severiana 138). Потым ішлі тэатральныя прадстаўленні і рытуальная трапеза 110 рымскіх матрон, якіх узначаліла Юлія Домна, у гонар Дыяны і Юноны (Acta Severiana 178–179) [7, p. 311]. Рытуалы ў першую ноч ўрачыстасці мусілі паспрыяць бяспецы Рыма і ўлагодзіць багоў. Правядзенне гэтых рытуалаў дэманстравала, што імператар і яго сям'я ўзначальваюць рымскую грамаду і імперыю перад абліччам рымскіх багоў. Рытуалы першага дня ўрачыстасці былі прысвечаны вярхоўнаму богу Юпітэру Капіталійскаму, якому Септымій Север здзейсніў ахвярапрынашэнне (Acta Severiana 157–163) [7, p.309]. Галоўным боствам наступнага дня секулярных гульняў была багіня Юнона, якая ўваходзіла ў склад традыцыйнай капіталійскай трыяды. У гонар гэтай багіні былі здзейснены ахвярапрынашэнні, у якіх удзельнічаў імператар, яго сыны і калегія квіндэцэмвіраў (Acta Severiana 180–181) [7, p. 311]. Потым у Капіталійскім храме Юлія Домна і рымскія матроны з вясталкамі правялі ўрачыстую малітву багіне Юноне (Acta Severiana 184) [7, p. 313]. Начныя рытуалы і ахвярапрынашэнні трэцяга дня секулярных гульняў былі прысвечаны рымскай багіні зямлі – Тэлус [14, p. 112]. Удзень падчас трэцяга дня секулярных гульняў шанавалі Апалона і Дыяну (Acta Severiana 225, 231–233) [7, p. 321–323]. Завяршалі ўрачыстасць рытуальная песня і траянскі гульні [14, p. 140–165]. Acta Severiana сведчыць, што секулярныя гульні 204 г. н. э. былі прысвечаны шанаванню Лібера і Геракла, культ якіх у рымскай Афрыцы набліжаўся з культамі мясцовых пунічных боставаў [6, p. 146–155]. Септымій Север, згодна з Дыёнам Касіем, пабудаваў храм у гонар гэтых багоў у Лепціс-Магне, але рымскі гісторык ацэньвае дадзены крок, як чарговае марнатраўства імператара (Cass. Dio LXXVII 16. 3) [3, c. 277]. Зварот да культу Лібера і Геракла магло сведчыць, аб намеры рымскага імператара атрымаць прыхільнасць розных слаёў рымскага грамадства, якое шанавала гэтых багоў.

Спалучэнне рэлігійнага сінкрэтызму і рымскіх традыцый можна заўважыць у палітычнай прапагандзе Септымія Севера. На манетах гэтага імператара прысутнічаюць не толькі традыцыйныя рымскія багі, але сустракаюцца выявы егіпецкай Ісіды, Dea Caelestis, якая была рымскай адаптацыяй пунічнай багіні Таніт (RIC. IV. I. Septimius Severus. №. 25, 27a, 33–35, 49, 193, 272, 570, 577) [12, p. 319–366; 16]. Рымскія гісторыкі апісваюць сімпатыі Септымія Севера да багоў з усходніх правінцый імперыі. Г. Хальсберг выказвае думку, што падчас кіравання Септымія Севера ў Рыме была заснавана калегія жрацоў салярнага бога Эмесы, якая потым прыняла ўдзел у рэлігійнай рэформе імператара Элагабала [10, p. 77]. Эпіграфічны матэрыял пацвярджае гэтую думку, бо згадвае жраца гэтай калегіі Юлія Бальбіла (CIL VI, 1027; 2270) [9]. Верагодна, дадзеная калегія ўзнікла пад уплывам Юліі Домны і яе родзічаў, якія паходзілі з роду вярхоўных жрацоў сірыйскай Эмесы [11, p. 6–23]. У Рымскай гісторыі Дыёна Касія згадваецца паважлівае стаўленне Септымія Севера да культу апамейскага Баала або Бела, які меў значную папулярнасць сярод жыхароў рымскай Сірыі (Cass. Dio LXXIX 8. 5) [3, c. 312]. Зборнік біяграфій рымскіх імператараў сведчыць, што Север шанаваў егіпецкага бога Сераціса, калі наведваў Александрыю (SHA Sev., XVII 4) [1, c. 93].

Дыён Касій апісвае, што падчас наведвання Палестыны Север здзейсніў ахвярапрынашэнні духу Пампея, а ў Егіпце ўшанаваў Аляксандра Македонскага, грабніцу якога закрыў для наведвальнікаў (Cass. Dio LXXVI 13. 1–2) [3, с. 256]. Рымскі гісторык прыгадвае вялікую цікавасць Септымія Севера да кніг з нейкімі таемнымі ведамі, якія знаходзіліся ў егіпецкіх свяцілішчах, а таксама веру імператара ў астралагічныя прадказанні (Cass. Dio LXXVI 13. 2; LXXVII 11. 1) [3, с. 256, 272].

Рэлігійная палітыка Септымія Севера ў асвятленні рымскіх гісторыкаў з'яўляецца комплексам мер, якія былі накіраваны на ўмацаванне прэстыжу новай дынастыі пасля грамадзянскай вайны, на падкрэсліванне пераемнасці Севераў з дынастыяй Антанінаў. Дадзеная палітыка дэманстравала, што імператар і яго сям'я паважаюць традыцыі рымскай рэлігіі. Рымскія традыцыі мусілі кансалідаваць жыхароў імперыі пад уладай імператарскай сям'і. Сям'я імператара выступала пасрэднікамі паміж багамі і Рымам, праз рытуалы секулярных гульняў імкнулася гарантаваць бяспеку і спакой у Рымскай імперыі. Рымскія гісторыкі заўважалі прыхільнасць дынастыі Севераў да культу ўсходніх боствать, але гэтая прыхільнасць не выклікае негатыўнай ацэнкі ў асяродку палітычнай і інтэлектуальнай эліты імперыі. Рымскія эліты негатыўна ставіліся да рэлігійнай рэформы Элагабала, які парушыў палітычную лінію першых прадстаўнікоў дынастыі Севераў у сферы рэлігіі. Галоўная асаблівасць рэлігійнай палітыкі Септымія Севера – гэта прагматычны баланс паміж рэлігійным традыцыяналізмам і сінкрэтызмам у імперыі. Такая палітыка мусіла кансалідаваць рымскае грамадства пасля грамадзянскай вайны, а таксама ўмацаваць уладу новай дынастыі. Рымскі імператар надаваў значную ўвагу культам традыцыйных рымскіх багоў і культам багоў з усходніх правінцый Рымскай імперыі, а таксама падтрымліваў культ абагаўленых імператараў. Заснавальнік дынастыі Севераў не мог ігнараваць пашырэнне рэлігійнага сінкрэтызму ў духоўнай культуры імперыі, але заўважаў кансерватыўныя настроі рымскай палітычнай эліты. Спалучэнне традыцыі і сінкрэтызму ў рэлігійнай палітыцы Септымія Севера дазваляла ўмацаваць уладу і ўзвысіць прэстыж новай дынастыі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Властелины Рима: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. СПб. : Алетейя, 2001.
2. *Геродиан* История императорской власти после Марка. СПб. : Алетейя, 1995.
3. *Кассий Дион* Римская история. Книги LXIV–LXXX. – СПб. : Филфак СПбГУ, 2011.
4. *Кюмон Ф.* Восточные религии в римском язычестве. СПб. : Евразиия, 2002.
5. *Штаерман Е. М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М. : АН СССР, 1957.
6. *Birley A. R.* Septimius Severus. The African Emperor. L. : Routledge, 2002.
7. Die Inschriften zu den Ludi saeculares. Acta ludorum saecularium. – Berlin, Boston : De Gruyter, 2020.
8. *Dunnig S.* Roman Ludi saeculares from the Republic to Empire. Toronto : University of Toronto, 2016.
9. Epigraphik-Datebank [risorsa elettronico] – Modalità d'acceso: http://www.manfredclauss.de/gb/index.html – Data d'acceso: 01.11.2021
10. *Halsberge G. H.* The cult of Sol Invictus. Leiden : Brill, 1972.
11. *Levick B.* Julia Domna. Syrian Empress. N. Y. : Routledge, 2007.
12. *Lichtenberger A.* Severus Pius Augustus. Leiden, Boston : Brill, 2011.
13. *Momigliano A.* Manuale di storia romana. Torina : UTET, 2011.
14. *Rantala J.* The Ludi saeculares of Septimius Severus. The ideologies of a new Roman Empire. N. Y. : Routledge, 2017.
15. *Scott A. G.* Cassius Dio on Septimius Severus' decennalia and Ludi saeculares // Histos. 2017. № 11. P. 154–161.
16. The Roman Imperial Coinage: in 10 v. L. : Spink&Son, 1936–1994. Vol IV. Part 1.

ИСТОЧНИКИ «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» ЗАХАРИИ МИТИЛЕНСКОГО

Я. А. Дронова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, 803014@bsu.edu.ru

Статья посвящена анализу исторических источников, которые использовал Захария Митиленский при составлении «Церковной истории». Он работал с документами от высшего государственного уровня, такими как папские послания и императорские указы, до народных легенд и устных преданий, подлинность которых вызывает большие сомнения. Многие из них лишь частично отражены в тексте работы. Тем не менее, изучение этой проблемы необходимо для понимания массива информации, доступной автору, что неизбежно наложило отпечаток на содержание его текста.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя; Ранняя Византия; Захария Митиленский; Церковная история.

SOURCES FOR THE «CHURCH HISTORY» BY ZACHARIAS OF MYTILENE

Y. Dronova

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, 803014@bsu.edu.ru

The article is devoted to the analysis of historical sources used by Zacharias of Mytilene when compiling his «Church History». He worked with documents from the highest state level, such as papal epistles and imperial decrees, to folk legends and oral traditions, the authenticity of which is highly questionable. Many of them are only partially reflected in the text of the work. Nevertheless, the study of this problem is necessary to understand the array of information available to the author, which inevitably left an imprint on the content of his text.

Keywords: Late Roman Empire; Early Byzantium; Zacharias of Mytilene; Church history.

«Церковная история» Захарии Ритора или Схоластика, а позднее в соответствии с халкидонской верой, епископа Митиленского на острове Лесбос, является древнейшим памятником сирийской церковной историографии.

Согласно одной из выдвинутых версий, оригинал его был написан по-сирийски [1, с. 195] (отсюда и более распространенной название – «сирийская хроника»), однако в тексте источника имеется прямое указание на то, что изначально «Церковная история» была написана на греческом языке [2, p. 38]. Подлинный текст рассматриваемого сочинения не сохранился, и мы имеем только сирийский перевод, воспроизводящий оригинал с произвольными изменениями. Оригинал хроники был доведен до 491 года [3, с. 107]. Он является, как можно понять из слов Захарии, логическим продолжением «Церковной истории» Сократа Схоластика. Сирийская переработка, помимо исправлений и сокращений, продолжила оригинальный текст до 569 года [2, p. 16]. Имя переписчика осталось неизвестным, и в историографии он обозначается как Псевдо-Захария. Поскольку дошедший до нас текст является плодом именно его трудов, в историографии может встречаться такое название источника, как «Хроника» Псевдо-Захарии.

Несмотря на то, что природа произведений Захарии все еще является предметом споров, нет сомнений в том, что «Церковную историю» (жанр был создан Евсевием Кесарийским в начале IV в.), написал именно Захария. В то время

как для Евсевия большая часть его работ, охватывающих период от апостолов до его собственных дней, посвящена церкви, в отличие от империи, задача стала более сложной после обращения Константина и установления все более христианизированной империи: границы жанра становились все более размытыми, поскольку светские и церковные дела становились все более тесно переплетенными.

При Феодосии II (408–450) три церковных историка составили работы, охватывающие период после обращения Константина. Сократ, Созомен и Феодорит рассматривали церковные дела от Константина до Феодосия II, но обычно предпочитали завершать свои сочинения несколько раньше того времени, когда они писали. Их решение, вероятно, было мотивировано хотя бы частично спорами, которые все еще бушевали в то время, результат которых оставался неопределенным; в таких обстоятельствах было бы благоразумно передать такие вопросы возможному преемнику по сочинению.

Захария, чья работа датируется началом правления Анастасия, то есть (вероятно) между 492 и 495 гг., таким образом, был частью продолжающейся традиции, и, как его предшественники в начале века, он продолжал их тексты там, где они прерывались, или, точнее, в промежутке нескольких лет после завершения их работы. Поскольку сочинение Сократа охватывает события до 438 г., рассказ Захарии открывается Халкидонским собором 451 г., но есть достаточно общепринятое мнение, что труд появился в начале 490-х годов, вскоре после переезда Захарии в Константинополь [5, p. 4]. Работа была посвящена некоему Евпраксию, кувикулярию, известному только из переписки Севера и биографии патриарха Захарии, он поддерживал Севера во время его пребывания в Константинополе (508–511), но умер к тому времени, когда Захария начал писать «Жизнь Севера».

Жанр церковной истории еще только развивался в то время, когда писал Захария. После Евсевия и первого поколения его последователейсохранялась общая традиция, хотя различия между ранее написанными историями Феодорита, Сократа и Созомена ощутимы.

В своем сосредоточении на доктринальных вопросах Захария больше похож на Феодорита, чем на Сократа или Созомена. Так же, как и Феодорит, он почти полностью избегает описания светских событий, даже в период, наиболее близкий к его собственным дням. Как и его предшественники, Захария скуп в рассказах о чудесах, и те, которые связаны с ними, естественно, делают честь антихалкидонянам.

Работа пользовалась успехом, переписывалась и, без сомнения, была задумана как часть кампании, призванной побудить Анастасия продолжать поддержку Энотикона Зенона. Более конкретно, он, возможно, надеялся стимулировать участие александрийцев в церковной политике и противодействовать усилиям, предпринимаемым Константинопольским патриархом Евфимием, чтобы сплотить сторонников Халкидона [6, p. 473].

Но халкидонские события послужили толчком к изменению в стиле написания церковных историй, жанр принял новый оборот. Элементы, составляющие жанр, остаются по большей части прежними, например, частое цитирование документов, список патриархов, но все они теперь были подчинены интересам определенных фракций. Восточная империя была свидетелем ожесточенной борьбы между соперничающими церковными партиями, каждая из которых часто имела своего кандидата на определенный патриархат, а также свои собственные традиции в отношении отдельных лиц и соборов. Следовательно,

историки церкви отражают эти традиции, цитируя документы, подтверждающие их точку зрения, и интерпретируя события таким образом, чтобы подтвердить свою доктринальную позицию [8, p. 16].

Захария кратко объясняет свою цель при составлении своей работы: она состоит в том, чтобы предоставить некоему Евпраксию отчет об истории церкви с 449 г. и далее, с особым упором на патриархов главных престолов, и объяснить, как эти две ереси – несторианство (то есть, халкидонизм) и евтихианство (то есть, строгое монофизитство) – разделили церковь и империю. Посредством своей работы он мог выразить свое осуждение ересей и настоять на важности соблюдения доктрин первых трех Вселенских соборов. Как он указывает, он включает в повествование имена патриархов того периода, а также имена некоторых ведущих христиан, по большей части, как и следовало ожидать, с антихалкидонской стороны, таких как Петр Иберийский, и св. Исаия. С другой стороны, списки патриархов были вставлены Захарией на основании отдельного источника. Его внимание сосредоточено на патриархах Александрии, как и на самом императоре, хотя светские события почти не освещаются.

Весьма вероятно, что первоначальный труд Захарии был разделен на три части, а не на четыре ныне имеющиеся, и основывался на временах правления императоров. Таким образом, первая часть посвящена правлению Маркиана, вторая – правлению Льва, а третья – узурпации Василиска и правлению Зенона [4, с. 147]. Захария, очевидно, считал правомерным вмешательство императора в дела доктрины, благосклонно сообщая об инициативах Василиска и Зенона; и, хотя он по большей части не одобрял вмешательства Маркиана и Льва, он старается не критиковать их открыто, отмечая печаль первого по поводу страданий египтян от рук Протерия и обвиняя советников Льва, таких как патриарх Анатолий, за их неспособность принять меры против Халкидона.

Работа Захарии была единственным непрерывным описанием церковных событий, включающим в свой состав значительное число документов [2, с. 16]. Их количество достигает двух десятков, принимая во внимание сохранившийся текст Захарии, его фрагменты в «Хронике» Михаила Сирийца и упоминания в работе Евагрия [7, с. 39].

В историографии была подробно рассмотрена методика Евагрия использовать Захарию для того, чтобы опровергнуть его утверждения. Евагрий как бы чувствовал, что его предшественник писал «без объективности» и, где возможно, цитировал другие документы, чтобы опровергнуть его утверждения. Его возражения против описания Захарией событий часто помогают дать представление о том, какие документы были включены в оригинальную версию работы Захарии, прежде чем она была сокращена и переведена на сирийский [6, p. 475].

Некоторые ученые пришли к совершенно иной оценке работы, описывая сочинение Захарии как «не совсем историю», а скорее «мемуары». Такой точке зрения можно придать лишь малое значение, учитывая богатство представленной в тексте исторической информации. Захария почти наверняка имел доступ к собраниям документов из Александрии, пример которых сохранился как Codex Vaticanus Gr. 1431, египетская компиляция 480-х годов, которая также продвигает умеренную линию, одобренную патриархом Петром Монгом; последние три документа в коллекции (перед приложением) – это энциклика Василиска, его Антиэнцикликон и Энотикон Зенона; два из этих документов воспроизведены Захарией.

Таким образом, мы видим, что Захария имел в своем распоряжении коллекции документов и корреспонденции, которые позволяли ему цитировать

письма от или к патриархам Александрии. Все сочинение было составлено из трёх частей во времена Петра Монга и предназначалось для выражения доктринальной позиции александрийской школы. Первую её часть составляли различные постановления, письма и документы самого Петра, которые и легли в основу работы Захарии. Другая часть – упомянутый выше Ватиканский Кодекс. А последней составляющей библиотеки могла являться сфабрикованная переписка Монга с константинопольским епископом Акакием.

«Церковная история» Тимофея Элура, составленная в 470-х годах, несомненно, также послужила достаточным материалом для историка, который, не колеблясь, включил в нее обширные цитаты из переписки патриарха [9, p. 416]. Однако, поскольку он писал свою работу в Константинополе, он, вероятно, также имел доступ к некоторым документам императорской корреспонденции (между Папой Львом и императором Львом в 5 главе IV книги, между папой Симпликием и Зеноном). Можно предположить, что здесь он воспользовался услугами своего заказчика Евпраксия, который и обеспечил ему свободный доступ к необходимым документам. Учитывая, что Захария пережил события, по крайней мере, последней части рассматриваемого им периода, неудивительно найти в его работе свидетельства и устных источников. Действительно, в своей биографии Севера Антиохийского он фактически упоминает о том, что собирал информацию для своих биографий Исайи и других около 490 г. Несомненно, такие источники, как Исайя, Петр Иберский и Иоанн Руф, могли бы дополнить информацию, которую он получил из своих документальных источников; вероятно, например, что история о самарянине, исцеленном от слепоты кровью антихалкидонян, возникла в устной традиции, подобно многим историям, собранным Иоанном Руфом в его «Плерофориях» [10, p. 463].

Сам автор, говоря об источниках своей информации, говорит следующее: «Теперь, начиная вторую книгу этого трактата, я рассказываю, как можно короче, не растягивая повествование и не утомляя читателя или слушателя, то, что я смог узнать из записей, актов или писем, истина которых была тщательно проверена» (Zach. II). Еще один пласт данных, который Захария, безусловно, использовал в своей работе – это «Церковные истории» Феодорита Кирского, Евсевия Кесарийского и Сократа Схоластика, которые он подверг критике. Со слов автора мы можем понять, что он был знаком не только с этими источниками, но также им проводилась работа по сбору их разрозненных фрагментов и объединение их в одну книгу.

Свою работу Захария предназначал для широкой читательской аудитории, то есть, для таких людей как он сам. Этот слой скромных чиновников, многие из которых, вероятно, сделали юридическую карьеру, как и Захария, представлял собой важную часть населения, чье мнение могло оказаться влиятельным [4, p. 132].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что большое количество используемых Захарией источников было призвано повысить степень достоверности «Церковной истории», однако вскоре после выхода рукописи ее подвергли критике из-за его личного субъективного мнения к происходящим событиям. Не стоит забывать и о том, что первоначальные сведения были искажены в результате сирийского перевода.

Но, несмотря на данные обстоятельства, «Церковная история» единственным свидетельством по некоторым событиям истории ранневизантийской Церкви и представляет важные данные, которые невозможно нигде более найти.

Библиографические ссылки

1. *Болотов В. В.* Лекции по истории древней Церкви. Том 1: Введение в церковную историю. СПб., 1907.
2. The Syriac Chronicle known as that of Zachariah of Mitylene. L., 1899.
3. *Пигулевская Н. В.* Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // Вестник древней истории. 1939. № 1.
4. *Blaudeau P.* Alexandrie et Constantinople 451–491. De l’histoire à la géo-ecclésiologie. Rome, 2006.
5. The Chronicle of Pseudo-Zachariah Rhetor. Liverpool, 2011.
6. *Allen P.* Zachariah Scholasticus and the «Historia ecclesiastica» of Evagrius Scholasticus // JThSt. NS. 1980. Vol. 31. P. 471–488.
7. *Bidez J., Parmentier L.,* The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia. L., 1898.
8. Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta. Louvain, 1919–1924.
9. *Greatrex G.* Psevdo-Zacharian of Mytilene the context and nature of his work. Liverpool, 2011.
10. *Kugener M. A.* La compilation historique de Pseudo-Zacharie le Rhéteur // ROC. 1900. Vol. 5. P. 201–214, 461–480.

К ПРОСОПОГРАФИИ РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ: ШЕСТЬ ЗОСИМОВ V ВЕКА

Н. Н. Болгов, А. М. Болгова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, bolgov@bsu.edu.ru, bolgova@bsu.edu.ru

В работе рассматривается проблема идентификации нескольких ранневизантийских litterati – интеллектуалов в области гуманитарного знания, которые носили одно и то же имя Зосим. Наиболее известен из них историк Зосим, автор проязыческого сочинения рубежа V–VI вв., однако о его биографии почти ничего не известно. Более запутанной выглядит ситуация с остальными. Предлагается анализ имеющихся в историографии точек зрения и оценивается степень убедительности предлагаемых гипотез.

Ключевые слова: Ранняя Византия; просопография; Зосим; Газа; Аскалон; Константинополь.

ON THE PROSOPOGRAPHY OF EARLY BYZANTIUM’S INTELLECTUALS: SIX ZOSIMUSES OF THE V CENTURY

N. Bolgov, A. Bolgova

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, bolgov@bsu.edu.ru, bolgova@bsu.edu.ru

The paper deals with the problem of identifying several early Byzantine litterati – intellectuals in the field of humanitarian knowledge, who bore the same name Zosimus. The most famous of them is the historian Zosimus, the author of a pro-pagan work at the turn of the 5th–6th centuries, but almost nothing is known about his biography. The situation with the others looks more confusing. An analysis of the points of view available in historiography is offered and the degree of persuasiveness of the proposed hypotheses is assessed.

Keywords: Early Byzantium; prosopography; Zosimus; Gaza; Ascalon; Constantinople.

В просопографии интеллектуалов Ранней Византии встречается интересный случай – на протяжении V столетия мы встречаем сразу 6 персон с одинаковым именем Зосим, причем 5 из них определенно связаны с регионом юго-восточного

Средиземноморья от Александрии до Бейрута, а трое связаны непосредственно с Газой Палестинской. По поводу их идентификации в историографии предлагались различные решения, но ни одно из них не имеет исчерпывающего характера.

Зосим Александрийский (1). Более или менее определенной выглядит ситуация лишь с александрийским ритором начала V в. Зосимом (Zosimus 1: PLRE II, 1205). Это был ученик Теона Александрийского и издатель работ Афанасия, александрийского софиста IV в. (Ἐκ τῶν Ἀθανασίου τοῦ σοφιστοῦ Ἀλεξανδρείας, ἃ Ζώσιμος ὁ Θέωνος διωρθώσατο μαθητής, τὰ χρησιμώτατα). Что касается Теона, то его идентифицируют с александрийским софистом Элием Теоном IV или V в. Теон являлся автором трактатов «О прогимнасмах», «Искусство», «Риторические гипотезы», «Исследования о строении речи», комментариев к Исократу, Ксенофонту и Демосфену и других работ (Suid. Θ 206).

Зосим комит – историк (6). Наиболее известен историк Зосим (2-я пол. V – начало VI вв.), комит и экс-адвокат фиска (Zosimus 6: PLRE II, 1206), автор «Новой истории» в 6 книгах. О его биографии мало что известно кроме того, что он жил и работал в Константинополе и занимал важные должности на государственной службе, а также был (крипто)язычником.

Одним из важнейших и спорных вопросов является вопрос о связи или отождествлении историка Зосима и иных Зосимов. В попытке реконструировать биографию Зосима-историка ряд авторитетных ученых пытаются связать его с иными Зосимами.

Ф. Пашу [1, p. VII–XX] и П. Афанассиади [2, p. 350–357] пишут о палестинском происхождении Зосима, используя для доказательства этого предположения отмечаемую ими особую антипатию историка по отношению к арабам (Zos. I. 18, 3), в основе которой можно обнаружить предубеждение жителя палестинского побережья к людям отдаленной глубинки. По контрасту с «внушающими отвращение арабами» Зосим хвалит египтян как законопослушных, учтивых, храбрых и справедливых (Zos. IV. 30, 31). Если его проегипетское пристрастие предполагает плодотворные связи с этой страной, то отсюда логично проистекает мнение о том, что Зосим принадлежал к тому поколению палестинцев, особенно из Газы, кто учился в Александрии и культивировал все виды словесности в своих работах, которые напоминали их александрийский опыт. Впоследствии Зосим историк сделал серьезную карьеру при дворе, став комитом и адвокатом фиска.

Зосим Газский (2). Самая интересная и сложная часть проблемы шести Зосимов относится к идентификации Зосима Газского (2) и Зосима Аскалонского (4). Оба они происходят из одного региона, близки по времени и занятиям. Уже в словаре Суда они сведены к одному лицу: «Зосим, газиец или аскалонец, софист, жил во времена Анастасия василевса. Написал «Риторический лексикон» в алфавитном порядке и комментарии к Демосфену и Лисию» (Suid. Z 169).

При этом надо сразу же отмести идентификацию Зосима-историка (6) с Зосимом Аскалонским (4) или Зосимом из Газы (2). Несмотря на близкое время жизни, их связь считается в историографии крайне сомнительной [3, с. 4-45].

Однако, Суда ошибается в отождествлении двух палестинцев между собой, на что четко указывает позиция составителей PLRE по Зосиму Газскому (Zosimus (Gaza) 2: PLRE II, 1205). Аргументами для этого служат указания иных письменных источников. У Георгия Кедрина (конец XI или начало XII в.) в «Хронике» мы читаем, что Зосим Газский, ритор (Ὁ Γαζαῖος ῥήτωρ) был казнен в правление императора Зенона в 490/491 г. (Cedr. I, p. 622). В таком случае этот автор процветал в середине – 2-й пол. V в. От его сочинений ничего не сохранилось.

Важным вопросом является вопрос о том, когда, где, как и за что мог быть казнен софист Зосим Газский (2)? У Георгия Кедрина убийство соотнесено с репрессиями Зенона против знати на 17-й год его царствования (начиная с 474 г., т. е. 491 год), т.е., в год смерти епископа Петра Белильщика и через год после смерти александрийского патриарха Петра Монга (Cedr. I, p. 619–622). У Кедрина непосредственно читаем, что Зосим, а также префект Аркадий вместе с другими из знати «*претерпели подобное*» (τὰ ὅμοια δὲ πέπονθε) тому, что случилось с магистром Иллом и ученым патрикием Пелагием, которые были убиты по приказу императора Зенона. Пелагий, которого Кедрин прославляет за поэтический дар, был казнён за то, что открыто обличал императора в преступлениях, в частности, в смерти Илла. Перед смертью Пелагий взывал к христианскому Богу (Cedr. I, p. 621).

Сюжет с убийством Пелагия и репрессиями против префекта Аркадия отражен также в «Хронографии» Иоанна Малалы (VI в.) и «Пасхальной хронике» (VII в.), – причем в «Пасхальной хронике» событие датировано 490 г. Однако хронисты связывают гибель Пелагия не с противостоянием императору, а с предсказанием учёного комита Мавриана о том, что бывший силенциарий наследует царство и жену Зенона, а Пелагий как раз был силенциарием, за что и поплатился жизнью. Роль обличителя достаётся префекту Аркадию, обвинявшему Зенона в убийстве Пелагия. Согласно хроникам, Аркадий не был убит, но смог спастись от жестокой смерти, укрывшись в храме св. Софии. Малала также добавляет, что Зенон конфисковал имущество Аркадия (Malal. Chron. XV. 16; Chron. Pasch. a. 490). Сюжет с предсказанием комита (по имени Мариан) перед началом репрессий есть и у Кедрина (Cedr. I, p. 620–621), но конкретных последствий предсказания для отдельного лица не указывается.

Упоминание гибели Зосима Газского (2) в одном контексте с репрессиями против сановников и константинопольской знати (Ζώσιμος ὁ Γαζαῖος ῥήτωρ καὶ Ἀρκάδιος ὁ ἔπαρχος καὶ ἄλλοι τῶν ἐπισήμων) позволяет предположить, что газский ритор был в момент гибели в Константинополе и занимал там важное положение, хотя прямо в источниках он не именуется никак иначе нежели софистом.

Также нельзя исключать, что Зосим (2) был участником только что подавленного восстания Илла и Леонтия [4, с. 58–72], которые были узурпаторами в Антиохии (Malal. Chron. XV.12–14). Интересно, что бежавшие в ходе репрессий александрийские философы нашли приют у некого язычника Антония в Газе, который «сделал Газу намного более святым местом, чем это было прежде» (Damasc. fr. 133). То есть, в конце V в. в Газе еще легально существовало язычество, а Зосим Газский (2) мог быть одним из языческих софистов, поддержавших восстание Илла и Леонтия, за что и поплатился.

Это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что в Константинополе в 490/491 г. мог быть составлен заговор среди образованной знати и сановников, связанный с восстанием Илла, уходя корнями в восточные регионы империи, оплотом которого был языческая интеллигенция Востока. После подавления восстания и казни узурпаторов Леонтия и Илла в 488 г. (Marc. Com. Chron. a. 488)), была раскрыта и разгромлена также константинопольская «ячейка» заговорщиков, в которую был вовлечен и префект Аркадий, а также сенаторская аристократия и интеллектуалы с Востока, в том числе Зосим Газский (2). Разгромом оппозиции обусловлены и репрессии Зенона в последние годы царствования (489–491 гг.).

При этом гадание Зенона у комита Мавриана/Мариана о преемнике царства могло быть устроенным императором публичным представлением, пародией на

языческие гадания перед тем, как разоблачить заговорщиков. Это может быть аргументом в пользу того, что Зосим Газский (2) также был язычником.

При этом повторим, что отождествлять Зосима Газского (2) и Зосима историка (6), несмотря на их общее язычество, нельзя, так как историк успел написать о событиях 498 г., то есть, в 491 г. не был казнен Зеноном. Кроме того, газиец везде именуется софистом, а историк – комитом и экс-адвокатом фиска.

Остается также заметить, что такой признанный специалист по позднеантичной риторике, как Малькольм Хит, ошибается в дате казни Зосима Газского (2), помещая ее в 477 г. без всяких оснований [5, p. 129–160]. Возможно, ученый соотносит гибель Зосима с репрессиями Зенона после свержения узурпатора Василиска (Malal. Chron. XV.5; Theoph. Chron. a. 5969/469), но прямых указаний на это в данных источниках нет, а у Кедрина они есть (с косвенной параллелью в Пасхальной хронике).

Зосим Аскалонский (4) считается в PLRE (Zosimus (Ascalon) 4: PLRE II, 1206) грамматиком конца V – начала VI вв. и схолиастом – автором комментариев на Демосфена и Лисия, а также Λέξις ῥητορική (Риторического словаря) в стихах. Он работал в царствование императора Анастасия (491–518) (Suid. Z 169). Его первая работа представляла собой комментарии на Фукидида и Исократа, она не сохранилась [6, S. 790–794].

Как видим, работа грамматика и схолиаста достаточно сильно отличается от работы софиста. Отличается и время жизни двух Зосимов.

П. Афанассиади допускает отождествление Зосима Аскалонского (2) и историка (6) [2, p. 350–357]. Однако, комментарии к Демосфену и Лисию Зосима Аскалонского (4) очень сложны, насыщены стилистически и совсем не похожи на простой язык «Новой истории» [6, S. 790–794].

Таким образом, Зосим Аскалонский (4) – наиболее самостоятельная фигура среди всех Зосимов, и отождествления его с другими тёзками наименее возможны.

Зосим – адресат Энея Газского (3). Некий Зосим (Zosimus 3: PLRE II, 1205) был адресатом 10-го письма Энея Газского (Aen. Gaz. Ep. 10). Оно адресовано «Зосиму *софисту*» (Ζωσίμῳ σοφιστῇ). В письме Энея речь идет о том, что указанный Зосим отлично подходит для роли опекуна над старым поэтом Павлом, зная поэзию.

По поводу идентификации Зосима (3) можно предложить два решения. Первое – это «особый» Зосим, не совпадающий со всеми прочими.

Второе позволяет сделать предположение об отождествлении его с ритором Зосимом Газским (2), убитым во времена Зенона. Так как годами жизни Энея Газского мы считаем 412/430 – 512/520 гг., при всей сложности определения этих дат [7, c. 221], то эта гипотеза представляется возможной, тем более, что оба интеллектуала – Эней и Зосим – происходили из одного города и принадлежали к одной и той же социокультурной группе. Однако, учитывая возможность карьеры и последующей казни Зосима Газского (2) в столице, приглашение опекать старого поэта Павла следует отнести к молодости нашего героя.

Зосим принкипс. Также у Энея Газского есть другое письмо (Ep. 8), к некому *принкипсу* Зосиму, которого он хвалит за успешное плавание с целью посмотреть мир и повидать друзей и родные места (Aen. Gaz. Ep. 8). Этот Зосим явно занимал государственную должность, а не был лицом свободных профессий, поэтому его сложно считать тем же лицом, что и Зосим (3) из письма 10 Энея.

Но возможно ли отождествление принкипса с Зосимом Газским (2), уже делающим карьеру софиста в столице? Вряд ли, так как Зосим Газский (2) нигде в

иных источниках не упоминается с чином государственной службы. А вот Зосим историк (6) как раз и хронологически, и по чину мог бы подойти на эту роль.

В любом случае, в отличие от составителей PLRE, мы бы отделили этого Зосима от Зосима (3), несмотря на то, что они оба упоминаются в эпистолярии Энея Газского. С интеллектуалами же он связан как корреспондент Прокопия Газского.

Зосим – адресат Прокопия Газского (5). Также в корпусе писем Прокопия Газского упоминается его ученик по имени Зосим (Zosimus 5: PLRE II, 1206), наряду с неким Макарием (Macarius 5: PLRE II, 697). Оба в момент переписки были студентами-юристами, обучались под руководством Вавилы, скорее всего, в знаменитой школе права в Берите (πρός νόμων χάριν ἀπαίροντες), и получили от Прокопия Газского одно письмо (Proc. Gaz. Ep. 153).

В отличие от Энея, годы жизни Прокопия более определенны – это 465 – 527/8 гг. [8, с. 101–107]. Это позволяет предположить, что Зосим юрист (5) – скорее всего, какой-то еще один самостоятельный Зосим, не связанный с предыдущими, поскольку он еще студент, и явно моложе Зосима Газского (2).

Прокопий, вместе с тем, пишет, что оба адресата этого письма ранее учились у него (Прокопия) риторике, а теперь перешли к ученейшему Вавиле изучать законы (Proc. Gaz. Ep. 153). Ситуации, подобные описанным в письме, с переходом из одной школы в другую, в том числе со сменой дисциплины, отражены в сочинении «Жизнь Севира» историка и епископа 2-й пол. V – 1-й трети VI вв. Захарии Схоластика (тоже аскалонита по рождению): получив образование в Александрии (или Газе), некоторые молодые (или уже не очень молодые) люди отправлялись в Беритскую школу права за вторым образованием с целью сделать карьеру на государственной службе (для чего данная школа давала лучшую в империи возможность) (Zach. V. Sev. 62).

Адресат письма 153, ученик Прокопия Газского, перешедший от него в юридическую школу, не может быть историком Зосимом (6) по хронологическим основаниям. Историк написал свою работу между 498 и 501 гг., когда был уже отменен налог хрисаргир, но еще не были отменены танцы пантомимов, а сама его история не отредактирована, что заняло бы вряд ли более года. То есть, скорее всего, историк умер, возможно, в 501 или 502 г. [9, p. 109]. На этот момент Зосим (6) был уже умудренный опытом, состоявшийся адвокат фиска, а никак не студент. Более того, тон письма Прокопия Газского предполагает, что его адресат скорее всего, был христианином (Proc. Gaz. Ep. 153), в то время как историк Зосим (6) был ярым язычником (напр., Zos. II.7; Phot. Bibl. 98; Evagr. HE. III.40–41).

Также отметим, что Ф. Пашу считает Прокопия Газского учителем историка Зосима (6) [1, p. VII–XX], однако прямых источников об этом нет, а последний должен быть его ровесником, принадлежавшим к тому же поколению.

Таким образом, работа по идентификации шести ранневизантийских интеллектуалов по имени Зосим V столетия нуждается в продолжении.

Яснее всего выступает ситуация с Зосимом Александрийским (1), который предстает самой обособленной фигурой, которую трудно связать с другими.

Остальные представляют собой сложный клубок отождествлений и возможных пересечений:

– наиболее самостоятельной фигурой среди прочих выглядит Зосим Аскалонский (4);

– важны палестинские привязки в очень темной биографии Зосима историка (6);

– интересные аспекты можно раскрыть, проецируя гибель Зосима Газского (2) в 491 г. на общественно-политическую ситуацию в Византии конца V в.;

– перспективны новые поиски в отношении принкипса Зосима (Aen. Gaz. Ep. 8), которого, скорее всего, следует признать еще одним — седьмым Зосимом.

Вместе с тем, до полной ясности между всеми этими тёзками и современниками, составляющими своеобразный ряд ранневизантийских интеллектуалов, пока еще достаточно далеко.

Библиографические ссылки

1. *Paschoud F.* Introduction. I. Personnalité de Zosime; détermination de l' époque où il a vécu // Zosime. Histoire Nouvelle. T. I. Livres I–II. Paris, 2000. P. VII–XX.

2. *Athanassiadi P.* Who was Count Zosimus // Damascius. The Philosophical History. Athens, 1999. P. 350–357.

3. *Болгов Н. Н.* Зосим – последний античный историк // Зосим. Новая история. Белгород, 2010. С. 4–45.

4. *Козлов А. С.* Политическая оппозиция к правительству Византии в 476-491 гг.: основные направления и социальное содержание // Античная древность и средние века. 1988. № 24. С. 58–72.

5. *Heath M.* Theon and the history of the progymnasmata // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 2002/3. 43. P. 129–160.

6. *Wissowa G., Kroll W.* Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. X A. Stuttgart, 1972. S. 790–794.

7. *Болгова А. М.* Ранневизантийские портреты. Риторы. Софисты. Философы. Белгород, 2018.

8. *Болгова А. М.* Прокопий Газский: ритор и богослов // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. 2014. С. 101–107.

9. *Treadgold W.* The Early Byzantine Historians. L.; N. Y., 2007.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ADVENTUS SAXONUM И ФОРМИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В АНГЛОСАКСОНСКОЙ АНГЛИИ

И. О. Евтухов

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, Ewtuhow@bsu.by

Автор рассматривает формирование локального пространства англосаксонской Англии, которое началось после англосаксонского завоевания. Он доказывает, что прибывшие племена не использовали сложившуюся на острове римско-бриттскую инфраструктуру. Они формировали окружающее их пространство, исходя из собственных предпочтений. При этом проводилось зонирование пространства (определение его межзональных и внешних границ). Пространство страны включало в себя отдельные территории, имевшие законодательно закрепленный статус: резиденции, укрепления, деревни, дворы. Центром была королевская резиденция. Отдельную систему составляло пространство опёки, обозначенное термином *mundbyrd*.

Ключевые слова: Adventus Saxonum; англо-саксонское завоевание; формирование локального пространства; межзональные границы; пространство опёки (*mundbyrd*).

ADVENTUS SAXONUM AND FORMATION OF LOCAL SPACE IN ANGLO-SAXON ENGLAND

I. Evtukhov

Belarusian State University, Minsk, Belarus, Ewtuhow@bsu.by

The author analyzes the formation of the local space of Anglo-Saxon England, which began after the Anglo-Saxon conquest. He proves that the tribes who arrived did not use the Roman-Britons infrastructure that had developed on the island. They shaped the space around them based on their own preferences. At the same time, zoning of the space was carried out (determination of its interzonal and external boundaries). The country's space included separate territories that had a legally fixed status: residences, fortifications, villages, courtyards. The center was the royal residence. A separate system was the guardianship space, designated by the term *mundbyrd*.

Keywords: Adventus Saxonum; Anglo-Saxon conquest; formation of local space; interzonal boundaries; guardianship space (*mundbyrd*).

Adventus Saxonum. Со ссылкой на «Церковную историю народа англов» [1] Беды Достопочтенного в связи с завоеванием Британии, как правило, называются племена англов, саксов и ютов (I, 15). Однако, тот же историк, в том же сочинении приводит более пространный список племен, принявших участие в завоевании. Беда, рассказывая о миссионерских планах Эгберта, отмечает, что «в Германии многие обитают народы, от которых англов и саксов, которые ныне живут в Британии, род и происхождение выводят… Это фризы, ругины, даны, гунны, древние саксы и боруктуары» (V, 9).

Место высадки определяется с опорой на запись под 449 годом в «Англосаксонской хронике»: Эббсфлит (On heora dagum Hengest 7 Horsa fram Wyrtgeorne gelaþode, Brytta kyninge, gesohton Brytene on ðam stede þe is genemned **Hypwinesfleot**...) [2, p. 28]. Кит Бриггс уточняет, что существовали два места с

одним названием, Эббсфлит, на расстоянии 75 км друг от друга, но оба на кентской территории [3]. В то же время более логичной выглядит высадка на территории будущей Восточной Англии (земли пиктов расположены очень далеко от Кента).

Постановка проблемы и исследовательская гипотеза. Археологические данные, связанные с общей картиной расселения англосаксов, содержит книга известного археолога (будущего директора Британского музея) сэра Давида МакКензи Вильсона «Англосаксы» [4]. Автор приводит тезис своего коллеги Е. Т. Лидса о том, что «местоположение англосаксонских кладбищ... никак не соотносится с системой римских дорог; пришельцы продвигались в глубь страны и селились по долинам рек» и развивает его: «Подобное равнодушие большей части саксов к реалиям римской Британии – ее повседневной жизни, системе коммуникаций и виллам, ее организованной армии и централизованному правлению – является интересной и необъяснимой особенностью их расселения (is an interesting and unexplained feature of their settlement)» [4, p. 41]. В главе «Сельские поселения» Д. М. Вильсон вновь возвращается к данному тезису. Он подчеркивает: «...не может быть никаких сомнений, что идея виллы с ее организованным производством и сельским хозяйством была неприемлима для сакса-индивидуалиста (was anathema to the individualistic Saxon). Англосаксонская экономика, по крайней мере языческого периода, была прочно основана на деревне; римские города и виллы в значительной степени игнорировались (the Roman towns and villas were to a large extent ignored)» [4, p. 71].

Таким образом, своеобразная картина расселения, представленная археологическими памятниками, позволяет сформулировать рабочую гипотезу: англосаксы при расселении не использовали сложившуюся инфраструктуру, потому, что форматировали пространство, исходя из собственных представлений о нем. Первый этап отражен в новой топонимике, второй – в законах и королевских хартиях.

Методы исследования. В статье использованы следующие методы исследования: *кластеризация* (формирование кластеров, связанных с топонимикой, законами и хартиями) и *историко-семантический анализ* объектов, включенных в кластер, *метод классификации* (отнесение объектов пространства к определенной группе на основе заданного признака) и *шкалы оценок* (распределение объектов пространства по степени выраженности общего для них свойства: различные штрафы за нарушение *mund*'а).

Отражение формирования локального пространства в топонимике. Первоочередному формированию подверглось ближайшее (локальное) пространство. Свидетельством начавшегося процесса можно считать появление на карте острова новых (неримских и небриттских) названий. Древнеанглийская топонимика с параллельным переводом на латинский язык была зафиксирована в упоминавшейся «Церковной истории народа англов».

Выборка названий на латинском и древнеанглийском языках выглядит следующим образом:

«...in loco celeberrimo, qui dicitur Degsastán, id est Degsa lapis – в знаменитом месте, которое называется Дегсастан, т. е. “камень Дегсы”» (I, 34). В данном контексте речь идет о битве между королем скоттов Айданом и королем Нортумбрии Этельфридом, имевшей место в 603 г. Тот факт, что место обозначено не по именам участников сражения, позволяет предположить, что название «камень Дегсы» появилось несколькими годами или десятилетиями раньше, т. е. в VI в.

«…in loco, qui lingua Anglorum Denisesburna, id est riuus Denisi, uocatur – в месте, которое на языке англов Денисесбурна, т. е. “ручей Дениса”, называется»

(III, 1). В данном контексте речь идет о битве короля Нортумбрии Освальда и короля бриттов Кэдваллы, произошедшей после 634 г. То, что название не связано ни с одним из участников сражения, позволяет предположить, что топоним появился в VI в.

«…in uico regio, qui dicitur Rendlæs-**ham**, id est **mansio** Rendili – в королевском вике под названием Рендлесхам, или Дом Рендила» (III, 22). Обозначена королевская резиденция, расположенная в месте, не связанном с римской инфраструктурой – место расселения рода или семьи Рендила (древнеанглийский термин ham, обозначающий дом, соотносится с латинским термином mansio, обозначающим местопребывание, дом). Кроме того, когда речь идет о переименования римских поселений, Беда приводит прежнее название. Здесь оно не названо. Значит речь идет не о римском (vicus, -i m), а об англосаксонском поселении (wic).

«…in loco, qui usque hodie lingua Anglorum Augustinaes æc, id est robur Augustini – в место, которое доныне [называется] на языке англов Августинес Ак, т. е. "Августинов Дуб"» (II, 2). Появление топонима связано с деятельностью Августина Кентерберийского, крестителя Кента, и потому может быть уверено отнесено к началу VII в.

«…in loco, qui lingua Anglorum nuncupatur **Maser-felth** – …в месте, которое на языке англов называется Мазерфельт» (III, 9).

«…campo, qui uocatur **Haeth-felth** – на поле, которое называется Хэтфельт» (II, 20).

«Uocatur locus ille lingua Anglorum **Hefen-felth**, quod dici potest latine caelestis campus. – Называется место это на языке англов Хэвенфельд, что можно передать на латыни (как) небесное поле» (III, 2).

Особого внимания заслуживает сектор пространства поле: *felth* (из протогерманского языка – **feld*). В приведенных фрагментах содержатся названия трех полей: Maser-**felth,** Haeth-**felth и** Hefen-**felth**. Слово *maser-* в приводимой источником транскрипции в словарях отсутствует, а перевод названия на латинский язык Беда не предлагает. Композит *heathfelth* переводу поддается: *heath-* – война; слово в целом – поле боя. Традиция, связанная с подготовкой древними германцами поля для битвы зафиксирована во многих латинских источниках. Название поля *hefenfelth* Беда переводит на латинский язык как *caelestis campus*. Кроме того историк указывает на то, что название появилось в древние (дохристианские – ?) времена.

Появление новых поселений, полей с собственными названиями, а также пространственных ориентиров, названия которых связаны с недавней историей англосаксов (Камень Дегсы, Ручей Дениса, Августинов Дуб) может служить свидетельством того, что процесс организации пространства имел место. Причем происходил он путем определения границ данного пространства при помощи ориентиров.

Кресты. Еще одним инструментом организации пространства была практика установления каменных крестов, некоторые из которых были весьма внушительными (высота Рутвельского креста составила 18 футов, или 5,5 м). Возводили их не только англосаксы, но и их соседей – скотты и пикты.

Роль данных крестов дискутируется. Сложность ее определения связана с тем, что во время Реформации множество крестов было разбито, а уцелевшие перемещались верующими на церковные дворы. В любом случае, крест вырывался из окружающей его среды, что затрудняет анализ исполняемой им роли. Возможно

кресты обозначали место для проповеди, а также место, на котором будет стоять новый храм.

Правда Д. Вильсон по этому поводу замечает, что «среди этих крестов попадаются настолько богато (украшенные), что на те средства и за то же время, которое требовалось для их возведения, можно было построить небольшую деревянную церковь» [4, p. 60]. В качестве рабочей гипотезы можно принять следующее предположение – функция крестов состояла в привлечении к этому месту божественной благодати.

Особое место Рима. Наконец, в древнеанглийском восприятии присутствовал сектор, осуществлявший максимально возможную связь с небесным царством – город Рим. Сектор этот актуализировался во 2-й половине VII – начале VIII вв. Именно в это время, как сообщает Беда, ряд англосаксонских королей, по достижении преклонных лет оставляли престол и переезжали в Рим, где принимали монашеский постриг:

IV, 7: «В год от воплощения Господа 670-й, на второй год после прибытия в Британию Теодора, король нортумбрийцев Освиу был поражен болезнью, от которой умер в возрасте пятидесяти восьми лет. К тому времени он стал настолько привержен римским и апостольским обычаям, что дал обет в случае выздоровления от недуга удалиться в Рим и закончить жизнь там, среди святых мест»;

V, 7: «В третий год царствования Альдфрида король западных саксов Кэдвалла, со славой правивший своим народом два года, оставил трон из любви к Господу и отправился в Рим для стяжания вечного Царства... Когда Кэдвалла отправился в Рим, трон унаследовал его родич Ине. После тридцати семи лет правления западными саксами он также оставил королевство наследникам и прибыл в город блаженных апостолов в понтификат Григория, чтобы провести остаток земной жизни в паломничестве по святым местам и быть потом с большей радостью встреченным святыми на небесах. В то время многие англы, знатные и простые, миряне и клирики, мужчины и женщины, стремились сделать то же самое»**;**

V, 19: «В четвертый год царствования Осреда Кенред, с честью правивший некоторое время Мерсийским королевством, отказался от трона ради еще большей чести. Он отправился в Рим во время понтификата Константина, принял постриг и стал монахом в апостольском городе, где оставался до конца жизни, занятый молитвами, постом и благотворительностью».

Отражение формирования локального пространства в законодательных памятниках и королевских хартиях. Второй этап форматирования локального пространства фиксируют законы и хартии о передаче земель. Наибольший интерес для рассмотрения вопросов, связанных с организацией пространства представляют следующие статьи «Законов Этельберта» [5, p. 4–17]:

3. *Gif cyning mannes* ***ham*** *drincæþ, and ðær man lyswæs hwæt gedo, twibote gebete.*	3. Если король пьет в чьем-нибудь доме, и там кто-нибудь совершит какое-нибудь злодеяние – пусть выплатит двойную компенсацию.
5. *Gif in* ***cyninges tune*** *man mannan of slea, L scill gebete.*	5. Если в **королевской усадьбе** кто-либо кого-либо убьет, пусть выплатит 50 шиллингов.
13. *Gif on* ***eorles tune*** *man mannan ofslæhþ, XII scill gebete.*	13. Если кто-либо убьет кого-либо в **усадьбе эрла** – заплатит 12 шиллингов.
17. *Gif man in mannes* ***tún*** *ærest geirneþ, VI scillingum gebete.*	17. Если кто-либо первым ворвется в чью-либо усадьбу – заплатит 6 шиллингов.

27. *Gif friman **edorbrecþe** gedeþ, VI scillingum gebete.*

27. Если свободный человек сделает **пролом в ограде**, пусть уплатит 6 шиллингов.

29. *Gif friman **edor** gegangeð, IIII scillingum gebete.*

29. Если свободный человек ворвется за **ограду** – заплатит 4 шиллинга.

Исходя из данных статей можно выделить три значимых элемента локального пространства: 1) дом (*ham*); 2) усадьба (*tun*); 3) ограда (*edor*).

Первый элемент, дом, хорошо известен по археологическим раскопкам [6, p. 17–66].

Второй элемент, усадьба, является трехуровневым и последовательно соотносится с королем – штраф 50 шиллингов, эрлом – штраф 12 шиллингов, и, возможно, кэрлом. Прямая информация об усадьбе кэрла в законах Этельберта отсутствует. Но указанный в статье 17 штраф в 6 шиллингов не может быть соотнесен ни с королем, ни с эрлом. Остается только один вариант – кэрл. Косвенным доказательством связи штрафа в 6 шиллингов с кэрлом является штраф в 6 шиллингов за нарушение покровительства кэрла. Установление величины штрафа в зависимости от места, занимаемого в обществе владельцем усадьбы, позволяет определить этот сектор как «статусная территория».

Нерушимость третьего элемента, ограды, охраняется законом (физическое повреждение карается штрафом в 6 шиллингов, простое нарушение границы – штрафом в 4 шиллинга). Т. е. имеет место сочетание физической и юридической форм защиты дома.

Законы Этельберта устанавливают особый штраф за нарушение покровительства, определяемого словом *mundbyrd*. В законах *mundbyrd* присутствует в двух вариантах: конунга и кэрла. В первом случае штраф составляет 50 шиллингов, во втором – 6 шиллингов (статьи 8, 15). Ожидаемый *mundbyrd* эрла размером в 12 шиллингов законодательно не зафиксирован, но он, скорее всего, был.

Тот факт, что штрафы за нарушение мира на территории усадьбы и за нарушение покровительства совпадают и выстраиваются в похожие иерархические системы, позволяет высказать предположение, что само покровительство может рассматриваться как социальное пространство, основанное на личных связях между охваченными им объектами.

Более поздние кентские законы королей Хлотаря и Эдрика (685 г.) [5, p. 18–23] также содержат весьма интересную информацию, связанную с форматированием локального пространства.

В статье 5 в качестве обязательного условия присяги приводится следующее: «Каждый из соприсяжников должен быть из той же деревни, что и он = *æt þam tune þe he tohery*». В результате термин *tun* помимо «усадьбы» приобретает еще одно значение социально-юридического характера «деревня». Учитывая, что оба судебника происходят с одной территории, написаны на одном диалекте, но разделены как минимум 80-летней временной дистанцией, можно предположить, что за это время произошло значительное расширение значения слова *tun*, вызванное необходимостью оформить новый сектор пространства.

В статье 7 терминологически определяется место, куда необходимо явиться для решения имущественных споров (речь идет о краденном имуществе и имуществе, приобретенном в Лондоне, но опознанным как краденное): *cyninges sele*. Можно предположить, что этот «зал конунга» находится в его резиденции. Подробное историко-археологическое описание королевской резиденции Йаверинг

содержит сводный отчет о раскопках «Йаверинг: англо-бриттский центр ранней Нортумбрии» [7].

Весьма интересной для анализа древнеанглийского восприятия пространства представляется статья 28 законов Уитреда (695/696 г.) [5, p. 24–31]: «Если **издалека пришедший человек или чужак идет в стороне от дороги** и не кричит, и не трубит в рог, то следует считать его вором: либо его нужно казнить, либо пусть выкупится = *Gif **feorran[-]cumen man oþþe fræmde buton wege gange**, 7 he þonne nawðer ne hryme ne he horn ne blawe, for ðeof he bið to profianne, oþþe to sleanne oþþe to alysenne*».

Как можно видеть статья: 1) определяет дорогу (*weg*) в качестве одного из необходимых маркеров для обозначения «своего» (вторым маркером является крик и звук рога); 2) проводит дифференциацию среди «чужих». В одном случае говорится о человеке, пришедшем издалека (*feorran[-]cumen man*), что позволяет воспринимать последнего как того же кентца, только живущего в другом поселении. Во втором случае речь едет о выходце из чужой страны (*fræmde*).

Таким образом, можно заметить, что: 1. форматирование окружающего пространства привело к его зонированию (ближнее – дальнее), причем внешнюю границу ближнего пространства определяли при помощи ориентиров; 2. зонирование пространства необходимо связано с определением **межзональной и внешней границ**.

Информация из кентских сборников законов хорошо коррелирует с записью законов западных саксов, сделанной между 688 и 695 гг. при короле Инэ [5, p. 36–61].

Статья 20 судебника Инэ почти дословно повторяет статью 28 законов Уитреда. Однако, она содержит одно весьма важное уточнение. Если «чужестранец» определяется таким же словом, *fremde*, то человек, пришедший издалека, определяется иным словом: *feorcund* (человек, *происходящий* (а не *пришедший*) из другого места). Данное уточнение более строго проводит межзональную границу по принципу происхождения в том или ином месте.

Непосредственное отношение к организации локального пространства имеют некоторые англосаксонские хартии.

Особый интерес при этом представляет двойная хартия кентского короля Хлотхера, изданная в мае 679 г. в связи с передачей аббату Беортвальду (*Beorhtwald*) земель на острове Танет и в районе Саррей (*Sturia*) [8, p. 70–71]. По мнению Дороти Уайтлок этот документ является самой ранней хартией, чей оригинал сохранился [9, p. 482].

Обращает на себя внимание формальная сторона оформления передачи земли. Действие производится во имя Христа (*In nomine domini nostri salvatoris Jhesu Christi*) королем (*Ego Hlotharius rex Cantuariorum*) для спасения своей души (*pro remedium animae meae*). Передается земля с полями, пастбищами, лесами, рыбными ловами (*campis pascuis meriscis siluis modicis fonnis piscaris*). Границы территории определяет сам король и его уполномоченные (*juxta notissimos terminos a me demonstratus et procuratoribus meis*). Тот, кто выступит против этого дарения, будет отринут от всех христиан (*quisquis contra hanc donationem venire temptaverit sit ab omni Christianitata separatus*) и лишен тела и крови Христа (*et a corpore et sanguini domini nostri Jhesu Christi suspensus manentem*). Подписана хартия знаком креста королевской рукой (*et pro confirmatione ejus manu propria signum sanctae cruces expraessi*). Совершена в городе Реквульф (*actum in civitate recuulf*). По такой же схеме составлено дарение в районе Саррей.

Таким образом, данная хартия показывает, что границы внутри страны

устанавливаются королем и его уполномоченными, т. е. как можно предположить в свете уже изложенного материала, королем и назначенными им руководителями отдельных территорий. Автор хартии безусловно был христианином, а значит знал о существовании прокуратора Понтия Пилата, и о том, что термином прокуратор обозначался наместник провинции. Можно вполне обоснованно предположить, что в данном случае был заменен какой-то термин англосаксонского права.

Выводы. Исторические источники, относящиеся ко времени переселения англо-саксов в Британию и первых столетий их пребывания на новой родине показывают, что прибывшие племена не использовали сложившуюся на острове римско-бриттскую инфраструктуру. Они формировали окружающее их пространство, исходя из собственных предпочтений.

Первоначальным этапом при этом стало присвоение наиболее заметным элементам ландшафта собственных имен. Основным критерием при этом, как показывает пример «Дуба Августина», была соотносимость элемента со значимой фигурой в истории общества.

Следующим этапом стало зонирование окружающего пространства, определение его межзональных и внешних границ. Безопасность перемещения из одной зоны в другую обеспечивалась маркерами: пространственно-визуальными (дорога) и звуковыми (звук рога или крики). Практически дословное совпадение статей в кентском и уэссекском судебниках указывает на широкое распространение данного явления.

Пространство страны включало в себя отдельные территории, имевшие законодательно закрепленный статус: резиденции, укрепления, деревни, дворы. Центром была королевская резиденция с расположенным в ее пределах залом, в котором конунг реализовывал свою судебную функцию.

Отдельную систему составляло пространство опёки, обозначенное термином *mundbyrd*. Оно распадалось на три уровня: короля, эрла, кэрла.

Библиографические ссылки

1. Baedae opera historica with an English translation by J. E. King. Vol. 1–2. Cambr., Mass., 1930. – XXV, 595 p.; IX, 517 p.
2. *Dumville D., Keynes S.* The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Vol. 5: MS. C. Cambridge, 2001.
3. *Briggs K.* The two Ebbsfleets in Kent // Journ. of the English Place-Name Society. 2012. Vol. 44. P. 5–9.
4. *Wilson D. M.* The Anglo-Saxons. L.: Thames and Hudson, 1960.
5. *Attenborough F. L.* The Laws of the Earliest English Kings. Cambridge : University Press, 1922.
6. *Hamerow H.* Rural Settlements and Society in Anglo-Saxon England. Oxford: OUP, 2012.
7. *Hope-Taylor B.* Yeavering. An Anglo-British centre of early Northumbria. English Heritage, 1977.
8. *Birch W. de G.* Cartularium Saxonicum. A Collection of Charters Relating to Anglo-Saxon History. Vol.1: A. D. 430–839. Johnson Reprint Corporation, 1885.
9. English Historical Documents c. 500–1042. N. Y., Oxford : University Press, 1955.

ЖИТИЕ ГРИГОРИЯ ВЕЛИКОГО В «МИРИОБИБЛИОНЕ» ПАТРИАРХА ФОТИЯ (COD. 252)

А. А. Логвинова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия,
aleksandra.kostyukovich@mail.ru

Фотий I Константинопольский – самый образованный человек и интеллектуал IX века. Чтобы оценить роль Фотия в византийском возрождении девятого столетия, необходимо рассмотреть хотя

бы в общих чертах его взгляды на мирскую ученость и эллинских авторов. После себя патриарх оставил много сочинений, один из которых «Библиотека». Немаловажным является исследование отдельных кодексов «Библиотеки». Кодекс 252 интересен тем, что его автор остался для нас анонимным. В докладе представлены исторические мнения о Григории Великом, составленные современными учеными и самим Фотием Константинопольским.

Ключевые слова: Фотий I; античное наследие; «Библиотека»; кодекс 252; Григорий Великий.

LIFE OF GREGORY THE GREAT IN "MYRIOBIBLION" BY PHOTIUS OF CONSTANTINOPLE (COD. 252)

A. Logvinova

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, aleksandra.kostyukovich@mail.ru

Photius I of Constantinople is the most educated man and intellectual of the IX century. To assess the role of Photius in the Byzantine renaissance of the ninth century, it is necessary to consider at least in general terms his views on worldly scholarship and Hellenic authors. After himself, the patriarch left many works, one of which is "Library". The study of individual codes of the "Library" is also important. The codex 252 is interesting because its author has remained anonymous for us. The report presents historical opinions about Gregory the Great by modern scholars and Photius of Constantinople himself.

Keywords: Photius I; ancient heritage; "Library"; Codex 252; Gregory the Great.

Патриарх Фотий – важный деятель византийской культуры, неутомимый читатель множества книг античной и византийской традиции [1, с. 130–159].

Для анализа кодекса 252 из «Мириобиблиона» («Библиотеки») обратимся непосредственно к источнику. Фотий пишет, что автор этого прочитанного им сочинения – анонимный, следовательно, нет возможности узнать, по какой причине была прочитана книга и сделана данная запись о Григории Великом; вероятнее всего, это связано с саном Фотия.

Итак, что нам известно из современных исследований о Григории Великом, и о каком Григории идет речь в «Библиотеке»? «*Я читал отрывки из жизни Григория, очень угодного Богу, который, будучи святым епископом города Рима, составил эти четыре книги диалогов, очень полезных для руководства жизнью*» [2, cod. 252].

Действительно, современные исследователи пишут, что преемником Пелагия на Римском престоле стал один из значительных в истории папства иерархов – святитель Григорий Великий или Григорий Двоеслов. Почему «Двоеслов»? Это имя, приписываемое Григорию I, связано с названием одного из его трудов – «Диалоги» или «Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души». В книге, описывающей жития италийских святых, два собеседника — редко вопрошающий субдиакон Петр и пространно отвечающий Григорий [6, с.70].

Само же прозвище «Двоеслов» является неверным переводом греческого Διάλογος, что в оригинале означает «Беседа» (или «Диалог»), хотя в комментариях нередко можно встретить толкование о том, что это прозвище означает «двуязычный», «владеющий двумя языками» (т. е. греческим и латинским).

Итак, Григорий родился в знатной и богатой семье из рода Анициев в Риме в 540 г. Из этого сенатрского рода вышли Римские папы св. Феликс – его прямой предок, а также св. Агапит I – папа Римский с 535 по 536 г. Отец Григория –

Гордиан занимал должность диакона-регионария и управлял одним из семи церковных округов Рима. На тот момент Григорий получил хорошее фундаментальное образование, изучал гуманитарные и точные науки, а также римское право, так как с детства предназначался отцом к государственной службе.

По словам Григория Турского, «он был настолько сведущ в науке грамматики, диалектики и риторики, что считали, что в Риме не было равного ему человека». Но полученное им образование не включало знания греческого языка. Оказавшись впоследствии в Константинополе и проведя там шесть лет, он не овладел греческим языком настолько, чтобы свободно говорить и писать на нем. Он сам говорил о себе, что не знает греческого: «Graecae linguae nescius» [4, с. 283].

Из «Мириобиблиона» Фотия мы узнаем о том, какую жизнь вел Григорий и какие чудеса с ним происходили: «*Этот святой Григорий родился от матери по имени Сильвия, римская Патриция. Он жил в монастыре святого апостола Андрея Первозванного, монастыре под названием «Клиоскаврис», позже он превзошел его в святости; помимо деятельности, которой должен был заниматься благочестивый человек, он читал Писание. Проводя свою жизнь в добродетели, Григорий отличался милостыней. Действительно, среди многих вещей, которые свидетельствовали о его благочестии и снисходительности к бедным, например, одна из самых замечательных из всех, которая иллюстрирует его мирскую любовь к людям и его милосердие. Однажды к нему в дом пришел некто, который сказал, что потерпел кораблекрушение, и он просил милостыню; Григорий тотчас же дал ему шесть золотых. Тот же самый человек вернулся во второй раз в тот же день и сказал ему, что, учитывая его большое несчастье, того, что он получил, было недостаточно, и что он требует большего. Григорий встретил его с той же доброжелательностью и с теми же дарами. Человек появился в третий раз, сказал и потребовал того же, что и во второй раз; Григорий в третий раз не стал отворачиваться от квемандра, а попросил того, кто ранее выполнял эту должность, дать аналогичную сумму. Поскольку у него не осталось денег, он усердно искал, как помочь своему пришлому человеку. Квемандр узнал, что у Григория есть серебряный поднос, на котором его мать посылала вареные овощи, Он еще не был возвращен, и заставил его отдать*» [2, cod. 252]. В ответ на это милосердие, Бог дал Григорию силу творить чудеса.

Пелагий II в 579 г. отправил Григория в Константинополь, с целью защитить Рим от лангобардов (древнегерманское племя, завоевавшее в 568 году северную Италию). Григорий, как представитель Римской церкви обращался к византийской власти с призывами защитить Рим, но империя на тот момент вела ожесточенные войны с персами. Пелагий II в 585 г. отзывает Григория назад в Рим, и умирает в разгар эпидемии чумы. Григорию предстояло занять престол и стать епископом Рима. Испугавшись данной миссии, он бежал в пустынные места и молился Богу. Однако, его нашли и вернули в город. Считается, что в то время чума распространилась по городу за грехи жителей. Григорий организовал покаянную процессию, и согласно преданиям, произошло чудо, благодаря молитвам чума отступила от города.

Также имя Григория Великого связано с возвышением Римской Церкви. Григорий возглавил оборону города от лангобардов [3, с. 614]. Григорий сохранял хорошие отношения с Константинополем и императором Маврикием. Он много сделал для морального воспитания варварских народов, которые завоевали практически всю Западную Европу. В 596 г. Григорий отправляет в Англию миссию, которая состояла из сорока монахов под руководством св. Августина,

настоятеля храма св. Андрея. Узнав об успехах миссии, Григорий спешил сообщить всей империи об обращении нового народа.

Что касается трудов, то после себя Григорий I оставил основательное литературное наследие. Объем его работ сопоставим с тем, что написано его предшественниками. Григорию принадлежат экзегетические труды: толкования на книгу Иова, пророка Иезекииля, на Песнь Песней, сорок бесед на Евангелия, ставшие образами церковной проповеди на Западе. Его «Пастырское правило» («Regula pastoralis») принадлежит к числу лучших трудов такого рода в святоотеческом наследии [8, с. 262].

Самое выдающиеся творение Григория Великого — это «Диалоги (Собеседования) о жизни и чудесах италийских отцов и о бессмертии души, в 4-х книгах», благодаря которому он и получил свое прозвище «Двоеслов». В трех первых из них папа, опираясь на личные воспоминания и на свидетельства современников, рассказывает своему другу Петру о подвигах и чудесах святых VI столетия; при этом вторая книга вся посвящена преп. Бенедикту Нурсийскому, представляя собой самый ранний источник сведений об этом святом.

В четвертой книге автор, опираясь на литературные описания видений, обсуждает тему бессмертия души и загробной участи усопших. «Диалоги» были переведены на греческий папой Захарием в середине VIII в., а два столетия спустя был выполнен их славянский перевод. Именно в этой книге Григорий писал «о некоторых обителях (quibisdum mansionibus)», в которые попадают души спасенных чрез веру, покаяние и добрые дела, но не до конца очистившихся от грехов, не достигших совершенной праведности в земной жизни [5, с. 75–79].

Свои «Собеседования», или «Диалоги», папа Григорий отправил в столицу лангобардов Павию королеве Теодолинде, незадолго до написания этого творения перешедшей из арианства в православие, с очевидным расчетом на распространение присланной книги среди этого народа.

«*Великий Григорий писал на латыни. Среди других многих полезных для души книг – проповеди, чтобы объяснить людям Евангелия. Более того, в нем смешались жизни выдающихся италийских персонажей и рассказы, в которых можно было бы научить спасению; он собрал их в четыре диалога. Но в течение 165 лет те, кто изучал латынь, были разочарованы его полезными работами. Однако Захария, который позже стал преемником этого святого человека, уважаемый в апостольские времена, который, перевел полезные работы на греческий язык, ограниченные единственной областью латинского языка, довольно широко продемонстрировал их полезность всему миру. Он не только начал переводить на греческий язык книги, называемые диалогами, но и другие его работы, которые имеют большую ценность*» [2, cod. 252].

Популярность папы Григория в последующие столетия, в основном на Западе, но также и на Востоке, была так велика, что в позднейшие времена ему были приписаны и труды, ему в действительности не принадлежавшие. Западная традиция с его именем связала церковный распев, получивший название григорианского пения, или григорианского хорала. В действительности он сложился значительно позже – в VIII и IX вв. – и не в Италии, а в королевстве франков. С конца VIII в. в рукописях «Антифонария» в предисловии говорится, что составлен он епископом Григорием, а уже знаменитый автор «Истории лангобардов» Павел Диакон приписывал этот «Антифонарий» Григорию Великому, однако первоначально под «Григорием епископом» могли подразумеваться папы Григорий II или Григорий III, занимавшие Римский престол в VIII в., а в

следующем столетии римский хорал был приписан самому знаменитому из пап, носивших имя Григорий.

Римская традиция со времени Каролингов приписывает Григорию Великому составление Сакраментария, известного с его именем. Современные исследователи единодушно отвергают такую атрибуцию, доказывая, что ядро этого текста сформировалось лишь четверть века спустя после кончины святителя. Однако исследователи находят в Сакраментарии около 80 молитв, текстуально близких к разным местам в творениях святого Григория. Возможно, он действительно является составителем этих молитв [7]. В Православной Церкви во время Великого поста совершается Литургия Преждеосвященных Даров, известная с именем Григория Двоеслова. Но эта атрибуция известна лишь по спискам, начиная с XVI в. В рукописях Евлогиона VIII–XVI вв. она приписывалась свв. Василию Великому, Епифанию Кипрскому, Герману Константинопольскому. Переатрибуция Литургии Преждеосвященных Даров первоначально была, возможно, совершена в греческих церквах Южной Италии, а уже оттуда ее атрибуция Григорию Великому была перенесена на Афон и затем распространилось во всем православном мире.

Св. Григорий был самым влиятельным и масштабным церковным деятелем своей эпохи, выдающимся церковным писателем, хотя, конечно, его нельзя сравнивать ни с такими богословами предшествующих веков, как святители Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов или Григорий Нисский на Востоке, как Августин на Западе, ни с преп. Максимом Исповедником – отцом Церкви VII в. Служению Церкви Григорий I посвятил четырнадцать лет, при этом, не прекращая скорбеть о потере благ мирской жизни. Он страдал из-за морального упадка Церкви, которая была разорена варварскими нашествиями. Последние годы жизни он был прикован к постели, поднимаясь лишь для Божественной литургии. Скончался Григорий 12 марта 604 г. Он оставил в наследство потомкам учреждения и наставления, готовившие Церкви великое будущее на варварском Западе, который постепенно обращался в христианство. Мощи его находятся в соборе св. апостола Петра в Ватикане. Его почитание началось довольно рано, на Западе закрепилось наименование его «Великий».

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что Фотий читал записки о том самом Григории Великом, папе Римском с 590 по 604 г. Вероятнее всего, цель прочтения заключалась в том, что Фотий I сам являлся патриархом и изучал деятельность своих предшественников на патриаршьем престоле, хотя и на Западе.

Библиографические ссылки

1. *Сенина Т. А.* (монахиня Кассия). Эллинизм в Византии IX века. СПб. : Алетейя, 2018.
2. *Photius* Bibliotheque. Vol. I–VIII. Paris, 1959–1977.
3. *Фокин А. Р.* Григорий I Великий // Православная энциклопедия. Т. 12. М., 2006.
4. *Григорий Турский* История франков. М.: Наука, 1987.
5. *Прозоров В. Б.* Григорий I Великий // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М. : Мысль, 2010.
6. *Скотт Б.* История идеи и ее земные воплощения. М. : Альпина нон-фикшн, 2021.
7. Святитель Григорий Великий (Двоеслов). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Dvoeslov/ (дата обращения: 05.10.2021).
8. Житие во святого отца нашего Григория Двоеслова, папы Римского // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского: 12 кн., 2 кн. доп. М. : Моск. Синод. тип. 1903–1916. Т. VII: Март, День 12.

A SHORT NOTE ON THE LEAD SEALS OF A BALDWIN, COUNT

Yauhen Hurynau

"ANIV" Foundation of Development and Support of Armenian Studies, Belarus,
gurinoveugene@gmail.com

This article deals with three Byzantine lead seals belonging to a Baldwin, count. Two of them come from the collection of George Zacos, while one was found in the vicinity of Tarsus in Cilicia. Scholars have attributed these seals to Baldwin of Boulogne, the first count of Edessa, who ruled between 1098 and 1100. The author shows that there are no sufficient grounds for such attributions. These lead seals were struck in Edessa during the reign of the two first counts, Baldwin of Boulogne (1098–1100) and Baldwin of Bourcq (1100–1119), but one cannot with certainty attribute one of them to Baldwin of Boulogne and the other to Baldwin of Bourcq.

Keywords: sigillography; lead seals; Edessa; County of Edessa; Crusader States; Byzantium; Baldwin of Boulogne; Baldwin of Bourcq.

КАРОТКАЯ НАТАТКА АБ СВІНЦОВЫХ ПЯЧАТКАХ ГРАФА БАДУЭНА

Я. Гурынаў

Фонд падтрымкі і развіцця арменазнаўчых даследаванняў "АНІВ", Беларусь,
gurinoveugene@gmail.com

У артыкуле разглядаюцца тры візантыйскія свінцовыя пячаткі, якія належылі графу Бадуэну. Дзве з іх паходзяць з калекцыі Георгія Закаса, а адна была знойдзена ў наваколлі Тарса ў Кілікіі. Навукоўцы атрыбутавалі гэтыя пячаткі Бадуэну Булонскаму, першаму графу Эдэскаму, які кіраваў паміж 1098 і 1100 годам. Аўтар паказвае, што для гэтай атрыбуцыі няма сур'ёзных падстаў. Гэтыя свінцовыя пячаткі былі адціснуты ў Эдэсе падчас кіравання двух першых графаў – Бадуэна Булонскага (1098–1100) і Бадуэна дэ Бурка (1100–1119), аднака нельга ўпэўнена атрыбутаваць адну з іх Бадуэну Булонскаму, а другую – Бадуэна дэ Бурку.

Ключавыя словы: сігілаграфія; свінцовыя пячаткі; Эдэса; графства Эдэскае; дзяржавы крыжаносцаў; Візантыя; Бадуэн Булонскі; Бадуэн дэ Бурк.

КРАТКАЯ ЗАМЕТКА О СВИНЦОВЫХ ПЕЧАТЯХ ГРАФА БОДУЭНА

Е. Гуринов

Фонд поддержки и развития арменоведческих исследований "АНИВ", Беларусь,
gurinoveugene@gmail.com

В статье рассматриваются три византийские свинцовые печати, принадлежавшие графу Бодуэну. Два из них происходят из коллекции Джорджа Закоса, а одна была найдена в окрестностях Тарсуса в Киликии. Ученые атрибутировали эти печати Бодуэну Булонскому, первому графу Эдессы, правившему между 1098 и 1100 годами. Автор показывает, что серьезных оснований для такой атрибуции нет. Эти свинцовые печати были отчеканены в Эдессе во время правления первых двух графов, Бодуэна Булонского (1098–1100) и Бодуэна де Бурка (1100–1119), но одну нельзя с уверенностью отнести к Бодуэну Булонскому, а другую — к Бодуэну де Бурку.

Ключевые слова: сигиллография; стальные печати; Эдесса; Эдесское графство; государства крестоносцев; Византия; Бодуэн Булонский; Бодуэн де Бурк

Lead seals are one of important sources for studying the administrative and social system of the Byzantine Empire as well as for reconstructing the biographies and career paths of Byzantine individuals. Among many thousands of surviving seals, there are three ones belonging to a certain Baldwin, count (see Appendix). These seals are of much interest due to the fact that, although they are struck after the Byzantine manner and bear Greek inscriptions, their owner (or owners) bore the Latin name Baldwin (Gr. Βαλδουίνος, Lat. *Balduinus*) and had the title of count (Gr. κόμης, Lat. *comes*). The present article is aimed at reconsidering the previously proposed attributions of the seals.

Seals nos. 1 and 2 had been prepared for publication by George Zacos but were published in 1984, after his death [24, nos. 368a and 368b, p. 213 and Plate 39]. Zakos did not specifically attribute them but concluded that, although the seals were struck by different *boulloteria*, they look similar to each other.

The first attempt to attribute the two specimens from the Zacos collection was made by Valeriy Stepanenko who, however, uncritically accepted Zacos' conclusion about the similarity between the two seals. Stepanenko concludes that both the seals were struck during the rule of Baldwin of Boulogne in Edessa, "between March and November of 1098". He also stresses that, "taking into account the fact that the count's reign in Edessa was short (from March 1098 to November 1100), the chronological framework for the *molybdobullae* may be somewhat broader. But they can be dated to the period of the count's stay in Edessa" [4, p. 116].

In 1994 Jean-Claude Cheynet published a new seal of Baldwin, count (no. 3) [8, p. 428–429 and Plate VI]. He has shown that it is similar to seal no. 1, but was struck by different *boulloterion*. Since seal no. 3 was found in the vicinity of Tarsus in Cilicia, Cheynet believes that it was struck in the autumn of 1097, when Baldwin of Boulogne established his authority over the city. Krijna Nelly Ciggaar considers all the three seals as those of Baldwin of Boulogne [9, p. 273 note 32].

As can be seen, scholars attribute the seals of Baldwin, count, to Baldwin of Boulogne, the first count of Edessa (1098–1100) and then king of Jerusalem (1100–1118). But how correct is this attribution?

In the *Prosopography of the Byzantine World* we have found the information about 21 persons bearing the name Baldwin [21]. After dropping out those who never bore the title of count, we have three potential candidates to be the owner of the seals: (*1*) Baldwin II of Mons, count of Hainaut (1071–1098), (*2*) Baldwin of Boulogne, the first count of Edessa (1098–1100), and (*3*) Baldwin of Bourcq, the second count of Edessa (1100–1119).

Baldwin II of Mons participated in the First Crusade (1096–1099) in the army of Godfrey of Bouillon. In 1098, after the capture of Antioch, he and Hugh of Vermandois were sent to Emperor Alexios Komnenos for aid, but Baldwin was killed in a Turkish ambush near Nicaea [18, p. 48–49, 186–187]. He therefore seems not to be the issuer of the seals. This narrows the list of potential issuers to two persons: Baldwin of Boulogne and Baldwin of Bourcq. The main problem is that they have not only the same name but also similar biographies: both Baldwins were consequently counts of Edessa and then kings of Jerusalem.

The comparison of seal no. 1 and seal no. 3 allows us to conclude that these seals are similar to each other: they bear on obverse not the Annunciation scene, as Zacos believed, but the figures of the Apostles Peter and Paul, as Cheynet points out. Although I previously agreed with Cheynet's statement that seal no. 3 was struck in Tarsus during the Cilician expedition [1, p. 46–47; see also 3, p. 270], now I find it necessary to contest this conclusion. As is known, in the autumn of 1097 two crusader leaders, Baldwin of Boulogne and Tancred, who both were acting as agents of their relatives, Godfrey of

Bouillon and Bohemond of Taranto respectively, left the main army of the First Crusade and entered Cilicia. Around 21 September the crusaders established themselves in Tarsus. Tancred arrived to Tarsus first and made an alliance with its citizens. Soon after, Baldwin of Boulogne, whose force was larger than that led by Tancred, also arrived to the city and seized it from Tancred. After staying only a few days in Tarsus (*post hec diebus paucis elapsis* [5, III.14, p. 158]), Baldwin continued his march through Cilicia and joined the main crusader army in Marash around 15 October.

It is doubtful whether Baldwin of Boulogne was able, in that situation, to adopt the title of count and acquired his own seal. The fact that the seal published by Cheynet was found in the vicinity of Tarsus can be better explained by the close connections that the County of Edessa had with the two Christian states to which the city of Tarsus belonged at various times: the Frankish Principality of Antioch and the Rubenid Principality in Cilicia.

We should pay more attention to the point of view of Valeriy Stepanenko who believes that the seals from the Zacos collection were struck at Edessa under Baldwin of Boulogne: "from the two counts of Edessa [Baldwin of Boulogne and Baldwin of Bourcq] … the first, Baldwin of Flanders [*sic*], who was to some extent connected with Byzantium in the first stage of his career, is more preferable, but the same cannot be said of his successor, Baldwin of Bourcq. […] In that case, Byzantine appearance of the *molybdobullae* can be fully explained in terms of the Byzantine tradition that had been maintained in the administrative structure of the city [of Edessa] and in its culture during the period" [4, p. 108, 116].

Stepanenko's key argument in support of the identification of Baldwin of Boulogne as the owner of the seals is that the later held the office of duke of Edessa. The office was of Byzantine origin and was given to Baldwin by the citizens in March, 1098 after the murder of the Armenian T'oros, the previous duke and Baldwin's adoptive father. It should be noted, however, that all the counts of Edessa, not only just Baldwin of Boulogne, held the position of duke of Edessa. After accepting the title of Count of Edessa, Baldwin of Boulogne continued to hold the office of duke. The office further passed down from one count to another, and in fact had been transformed into a title. For instance, the office of duke is mentioned in an Armenian inscription cut on the wall near the eastern gates of Edessa in 1122, during the reign of Joscelyn I, the third count of Edessa. This was the display of respect of the Frankish lords for the Edessene traditions of city self-governance in order to ensure the loyalty of the citizens [13, p. 17–19].

Another example of the Byzantine tradition maintained in Edessa, which Valeriy Stepanenko puts forward, is the copper coins minted under its two counts. These coins were struck in Byzantine manner and bear Greek inscriptions. Following Gustave Schlumberger [22, p. 11–12], Stepanenko erroneously attributes the coins actually minted by Baldwin of Bourcq ca. 1110 to Baldwin of Boulogne [4, p. 116; cf. 16, no. 9a, p. 244; 17, p. 34–35; 20, p. 365, no. 8, p. 389 and Plate II]. In fact, no one type of the Edessene coinage can be with certainty attributed to Baldwin of Boulogne. Even the earliest surviving Edessene coppers, designated by John Porteous as Baldwin Class 1, can equally well be attributed to Baldwin of Boulogne or to Baldwin of Bourcq. [16, no. 1, p. 241; 19, no. 1, p. 388]. As Porteous writes, "we cannot tell whether the decision to issue coins was taken by Baldwin I or Baldwin II. Documentary evidence is lacking. The numismatic evidence, so far as it goes, would tend to put the initial date after rather than before 1100, the year when Baldwin I departed to become king of Jerusalem. Yet the decision to institute a coinage accord rather well with what we know of Baldwin I — his thirst for sovereignty and his single-minded intention to acquire and efficiently to administer a state in the Levant. Since Edessa, of all the crusading states, was the least dislocated by the

shocks of the crusade, it is not impossible to envisage the issue of coins there before 1100 [20, p. 363; see also 17, p. 34].” Moreover, all the coins that can be with certainty attributed to Baldwin of Bourcq were also minted in Byzantine style and bear Greek inscriptions [16, nos. 8–16, p. 243–246; 20, nos. 17–12, p. 389–390 and Plate II].

All these examples show that, besides Baldwin of Boulogne, Baldwin of Bourcq was also familiar with the Byzantine tradition and used it for the representation of his power in Edessa. Speaking of the seal with the figures of the Apostles Peter and Paul, it should be noted that we have two specimens (seals nos. 1 and 3) struck by different *boulloteria*. This obviously means that this type of seal was in use long enough if its owner had to commission at least two *boulloteria*. This, in turn, allows us to suggest that the issuer of these seals was rather Baldwin of Bourcq, who ruled in Edessa for nineteen years, than Baldwin of Boulogne, who ruled in Edessa a little over two years.

It is very tempting to attribute the seal with the Annunciation scene (no. 2) to Baldwin of Boulogne. Even so, we cannot accept Stepanenko’s conclusion that this seal was struck “between March and November of 1098”, when Baldwin of Boulogne held the position of duke of Edessa. Since the seal bears the title of count (κόμης), not duke (δούξ), it is more likely that it was issued during the period of Baldwin’s rule as count of Edessa, i.e. from December, 1098 to August, 1100 [1].

Summing up, we can identify two different iconographic subtypes of the seal of Baldwin, count: (*1*) seal with the figures of the Apostles Peter and Paul (nos. 1 and 3) and (*2*) seal with the Annunciation scene (no. 2). These lead seals were struck in Edessa during the reign of the two first counts, Baldwin of Boulogne (1098–1100) and Baldwin of Bourcq (1100–1119). Baldwin of Bourcq seems to be the owner of the seals with the figures of the Apostles Peter and Paul; in that case, Baldwin of Boulogne may have been the owner of the seal with the Annunciation scene. However, this scheme is only a hypothesis. For the moment, we have no sufficient grounds to attribute, with certainty, one of the seals to Baldwin of Boulogne and the other to Baldwin of Bourcq.

Appendix: Lead seals of Baldwin, count

No. 1

D. 33 mm. Published [24, no. 368a, p. 213 and Plate 39].

Obv. Corroded. Full-length figures of Saints Peter and Paul. No sigla visible. Border of dots.

Rev. Inscription of three lines: ΚЄΒΟΗΘ|ЄΙΒΔΛΔ|ΚΟΜΗΤ = Κ(ύρι)ε βοήθει Βαλδ(ουίνῳ) κόμητ(ι) (“Lord aid Baldwin count”). A pellet between two horizontal bars above and below. Border of dots.

The engraver carved a Δ instead of an A (reverse, line 2), making Βδλδουίνῳ instead of Βαλδουίνῳ. Note the ligature of M and H (reverse, line 3).

No. 2

D. 31 mm. Published [24, no. 368b, p. 213 and Plate 39].

Obv. The Annunciation scene. Sigla: ΜΡ – ΘV = Μ(ήτε)ρ Θ(εο)ύ. Border of dots.

Rev. Inscription of four lines: ΚЄΒΟΗ|ΘΗΒΔΓΔ|ΟVΙИΟИ|ΚΟΜΙΤ = Κ(ύρι)ε βοήθ(ει) Βαγδουίνον κόμιτ(α) ("Lord aid Baldwin count"). A pellet between two horizontal bars above and below. Border of dots.

The engraver carved a Δ instead of an Α and a Γ instead of a Λ (reverse, line 2), making Βδγδουίνον instead of Βαλδουίνον. The replacement of the letter Λ with Γ might be a result of the influence of the Armenian language. Note mirrored letters N (reverse, line 3).

No. 3

D. 26 mm. Found in the vicinity of Tarsus, preserving in the Museum of Tarsus (inv. no. 976-57-15). Published [8, no. 61, p. 428–429 and Plate VI].

Obv. Full-length figures of Saints Peter and Paul. Inscription in column at left: □|Π|Є|Τ = (Ὁ ἅγιος) Πέτ(ρος). Inscription in column at right: □|Π|Α|V|Λ = (Ὁ ἅγιος) Παύ(λος). Border of dots.

Rev. Inscription of three lines: ΚЄΒΟΗ|ΘЄΙΒΔΛΔ|ΚΟΜΗ = Κ(ύρι)ε βοήθει Βαλδ(ουίνῳ) κόμη(τι) ("Lord aid Baldwin count"). A pellet between two horizontal bars above and below. Border of dots.

The engraver carved a Δ instead of an Α (reverse, line 2), making Βδλδουίνῳ instead of Βαλδουίνῳ. Note a closed Β (reverse, lines 1 and 2); according to Jean-Claude Cheynet, in the ninth to the twelfth centuries the closed Β was disappeared from Byzantine seals, except those produced in the region around Antioch. Note also the ligature of Μ and Η (reverse, line 3).

References

1. *Гуринов Е. А.* К вопросу об основании графства Эдесского // Веснік БДУ. Серыя 3. Гісторыя. Эканоміка. Права. 2014. № 3. С. 45–50.

2. *Гуринов Е. А.* Матримониальная политика графов Эдесских // Гуманітарна-эканамічны веснік. 2018. № 3–4. С. 70–79.

3. *Гуринов Е. А., Нечитайлов М. В.* Войска и войны Латинского Востока: графство Эдесское. М., 2018.

4. *Степаненко В. П.* Моливдовулы комита Бодуэна и некоторые вопросы истории Эдессы конца XI в. // Проблемы истории государства и идеологии античности и раннего средневековья. Барнаул, 1988. С. 107–119.

5. *Albert of Aachen* Historia Ierosolimitana: History of the Journey to Jerusalem. Oxford, 2007.
6. *Asbridge T. S.* The Creation of the Principality of Antioch, 1098–1130. Woodbridge, 2000.
7. *Cahen C.* La Syrie du Nord à l'époque des croisades et la principauté franque d'Antioche. Paris, 1940.
8. *Cheynet J.-Cl.* Sceaux byzantins des musées d'Antioche et de Tarse // Travaux et Mémoires. 1994. T. 12. P. 391–478, planches I–XIII.
9. *Ciggaar K. N.* Adaptation to oriental life by rulers in and around Antioch: examples and exempla // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Vol. 1 / edited by K. N. Ciggaar and M. Metcalf. Leuven, 2006. P. 261–282.
10. *De Saulcy F.* Tancrède. Deuxième article : expédition de Tancrède et de Baudouin en Cilicie // Bibliothèque de l'école des chartes. 1843. T. 4. P. 505–524.
11. *France J.* Victory in the East: A Military History of the First Crusade. Cambridge, 1994.
12. *Grousset R.* Histoire des croisades et du royaume franc de Jérusalem. T. 1. Paris, 1934.
13. *Gurinov E.* Some remarks on the office of duke in the Crusader States of the Near East // Initial. A Review of Medieval Studies. 2020. Vol. 8. P. 9–26.
14. *Hagenmeyer H.* Chronologie de la première croisade (1094–1100). Paris, 1902.
15. *MacEvitt C.* The Crusades and the Christian World of the East: Rough Tolerance, Philadelphia, 2008.
16. *Malloy A. G., Preston I. F., Seltman A. J.* Coins of the Crusader States 1908–1291. New York, 1994.
17. *Metcalf D. M.* Coinage of the Crusades and the Latin East in the Ashmolean Museum Oxford. 2nd ed. London, 1995.
18. *Murray A. V.* The Crusader Kingdom of Jerusalem: A Dynastic History 1099–1125. Oxford, 2000.
19. *Nicholson R. L.* Tancred: A Study of His Career and Work in Their Relation to the First Crusade and the Establishment of the Latin States in Syria and Palestine. Chicago, 1940.
20. *Porteous J.* Crusader coinage with Greek or Latin inscriptions // A History of the Crusades / gen. ed. K. M. Setton. Vol. 6. The Impact of the Crusades on Europe / ed. H. W. Hazard, N. P. Zacour. Madison, 1989. P. 354–387, Plates I–XVII.
21. Prosopography of the Byzantine World [Electronic resource]. Mode of access: https://pbw2016.kdl.kcl.ac.uk/. Date of access: 21.08.2021.
22. *Schlumberger G.* Les principautés franques du Levant d'après les plus récentes découvertes de la numismatique, Paris, 1877.
23. *Vandekerckhove D.* Medieval Fortifications in Cilicia: The Armenian Contribution to Military Architecture in the Middle Ages. Leiden; Boston, 2020.
24. *Zacos G.* Byzantine Lead Seals. Vol. 2 / compiled and edited by J. W. Nesbitt. Basel, 1984.

ФИНАНСИРОВАНИЕ НЕМЕЦКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ И ИММАТРИКУЛИРОВАННЫХ В НИХ В ПЕРИОДЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

О. Б. Келлер

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, olga.keller@mail.ru

Доклад посвящён анализу финансового обеспечения немецких университетов, а также имматрикулированных в них студентов в Средние века и Раннее Новое время. Основной целью автора было установить, используя сохранившиеся источники, кто конкретно и каким образом финасировал, во-первых, появлявшиеся в Германии в период Средневековья и Раннего Нового времени университеты (городские Советы, князья и иные); а, во-вторых, кем и как финансировались зачислявшиеся на обучение в немецкие ВУЗы того времени студенты (какие затраты они несли на поездку к месту будущего обучения; какие сборы за имматрикуляцию в университет и суммы за сдачу экзаменов им надлежало платить; как выглядела финансовая составляющая проживания обучающихся, а также расходы на книги, одежду, медицинское обеспечение и т.д.).

Ключевые слова: финансирование университетов; князья и городские Советы; благотворительные фонды; финансирование из пребенды; обеспечение в бурсах или коллегиях; доходы с недвижимости; финансирование с помощью обеспеченных родственников; «смешанные» формы финансирования.

FINANCING GERMAN UNIVERSITIES AND IMMATRICULATED STUDENTS IN THE MIDDLE AGES AND THE EARLY MODERN AGE

O. Keller

Belarusian State University, Minsk, Belarus, olga.keller@mail.ru

The report is devoted to the analysis of the financial support of German universities, as well as students immatriculated in them in the Middle Ages and the Early Modern Age. The main goal of the author was to establish, using the surviving sources, who exactly and how financed, firstly, the universities that appeared in Germany during the Middle Ages and the Early Modern Period (city councils, princes and others); and, secondly, by whom and how the students enrolled in German universities of that time were financed (what costs they incurred for a trip to the place of future study; what fees for immatriculation to the university and the amounts for passing exams they had to pay; what did the financial component of the students' accommodation look like, as well as the costs of books, clothes, medical care, etc.).

Keywords: University Funding; Princes and City Councils; Charitable foundations; financing from prebend; provision in bursas or collegiums; income from real estate; financing with the help of wealthy relatives; "mixed" forms of financing.

ВВЕДЕНИЕ

Говоря о финансировании немецких университетов периодов Средневековья и Раннего Нового времени, а также о финансовой составляющей обучающихся в них, следует отметить, что значимое комплексное исследование подобной проблематики отсутствует. Тем не менее, на сегодняшний день в историографии, и по понятным причинам в немецкоязычной историографии, налицо ряд исследований и статей отдельных аспектов данной темы.

В первую очередь, надлежит уделить должное внимание издаваемому с 1998 г. в издательстве Франц-Штайнер-Ферлаг в Штутгарте «Ежегоднику университетской истории». В нём также публикуются статьи учёных и исследователей, косвенно или напрямую связанные с финансовым обеспечением университетов и зачисленных в них студентов. В настоящее время в Германии издано 20 томов «Ежегодника» [1].

Затем, нельзя не упомянуть изданный в 2005 г. в Базеле сборник «Финансирование университетов и науки в прошлом и настоящем», в котором опубликованы доклады исследователей и учёных и исследователей, сделанные на международной конференции, организованной «Обществом изучения университетской истории и истории науки». Доклады были посвящены самым разным темам: стипендиям светского или духовного, публичного или частного характера; дотациям различных благотворительных фондов и организаций и пр. [2]. Безусловно, есть и другие монографии и статьи, посвящённые детальному изучению финансирования немецких университетов периода Средних веков и Раннего Нового времени, а также разбору и анализу таких столь важных и значимых источников финансирования обучающихся в немецких ВУЗах и университетах, как: благотворительные фонды светского, церковного, городского или частного характера, дающие стипендии; обеспечение из дохода с церковной должности; обеспечение, предоставляемое «бурсами» или «коллегиями»; доходы с владения недвижимостью; финансирование с помощью обеспеченных родственников; обеспечение из иных источников и др.

Но, ещё раз хотелось бы подеркнуть, что комплексного значимого исследования, досконально рассматривающего все воедино собранные аспекты

данной проблематики, пока не имеется.

О ФИНАНСИРОВАНИИ НЕМЕЦКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ ПЕРИОДОВ СРЕДНИХ ВЕКОВ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

При основании университетов в Германии городские Советы и князья исходили из того, что впоследствии немецкие высшие учебные заведения должны были иметь возможность существовать независимо от субсидий из муниципальной или, как правило, пустой княжеской казны [3, S. 60].

Что было необходимо для того, чтобы университеты могли выступать в качестве экономически независимых единиц, таких же, какими в это время являлись монастыри и благотворительные фонды?

Экономическая независимость могла достигаться различными путями: во-первых, за счёт субсидий, данных университетам различными инстанциями, во-вторых, за счёт доходов с какой-нибудь собственной деятельности, в-третьих, за счёт доходов с дарованных университетам прав на что-либо и т.д. [4, S. 74; 5, S. 220]. По сути, речь идёт о гетерогенном виде финансирования немецких университетов периодов Позднего Средневековья. Подобный гетерогенный вид финансирования, основанный на доходах из нескольких источников, объясняет, почему так незначительно выглядели прямые, непосредственные княжеские или городские расходы для университетов по сравнению с другими расходами.

Расходы на университеты редко превышали от 1 % до 2% от общих расходов города или отдельного князя. Так, например, в 1483 г. город Эрфурт потратил только четверть процента своих общих расходов на свой университет. Расходы на Эрфуртский университет составили 340 шокгрошенов (а это примерно 970 гульденов) по сравнению с общим годовым бюджетом города в 137 428 шокгрошенов (это примерно 390 000 гульденов) [5, S. 223]. Расходы города Кёльна в первой четверти XVI в. вариировали от 1,2 % до 2,3% расходов города [6, S. 71]. А в курфюршестве Саксония, где общие расходы несколько труднее оценить количественно, расходы на винный погреб курфюрста в 1471 г. составили порядка 3 800 гульденов, что в шесть раз больше, чем 685 гульденов, ежегодно выделяемых Лейпцигскому университету из княжеской казны, которые и то были увеличены лишь в 1438 г. в сравнении с первоначальными 500 гульденами [7, S. 20]. Если сравнить эту сумму со средним годовым доходом в 50 000 гульденов в год, который поступал к саксонским курфюрстам между 1470 и 1483 гг., то можно утверждать, что саксонские курфюрсты давали университету в Лейпциге не так уж и много, и Лейпцигский университет обходился им довольно дёшево [8, S. 260].

1. ОБЕСПЕЧЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ

1. 1. «ПРЕБЕНДА»-СОБСТВЕННОСТЬ

Центральным элементом финансирования всех университетов было обращение к церковным активам, особенно, к пребендам. Поскольку ни один немецкий город или князь не имели в перспективе планов касательно финансовой альтернативы для университетов [9, S. 18], то для прочного успеха немецких высших учебных заведений было крайне важно привлекать для финансирования преподавательского состава (и, в первую очередь, профессоров) именно церковные пребенды.

Так, например, некоторые современные немецкие учёные полагают, что неудавшееся основание Вюрцбургского университета в 1402 г. тесно взаимосвязано с тем фактом, что по причине сопротивления духовенства епископу не удалось сделать пригодными для использования университетом достаточное количество пребенд [10, S. 31].

Пребенды должны были либо постоянно обеспечивать оплату лекций, либо, по крайней мере, после начального этапа, медленно сокращать и, в конечном итоге, заменять взносы основателя и спонсора [11, S. 364].

Помимо нейтральных с точки зрения затрат на регулярное участие в преподавании членов различных христианских нищенствующих монашеских Орденов, особенно на богословском факультете (к примеру, в Кёльнском и Эрфуртском университетах), а также констатацией наличия в университетах уже дотированных пребендами доцентов-лекторов (например, в Кёльнском университете), особенно на этапе основания высших учебных заведений, можно говорить о **трояком использовании пребенд в немецких университетах периода Средневековья и Раннего Нового времени.**

1. 1. 1. ПРЕБЕНДЫ ЗА ЛЕКЦИИ

1) Первый вариант возник в результате непосредственного наделения профессора «каноникатом» или приходом, для которого университет получал право патронажа или презентации. То есть доход принадлежал конкретному члену университета, который должен был прочитать для него определённую лекцию. Эти пребенды за лекции (лектораты), как правило, резервировались для преподавателей высших факультетов, специально: для богословов. В качестве примера следует назвать Кёльнский университет с изначально 11 каноникатами [11, S. 383], а затем университет Майнца с таким же количеством каноникатов [12, S. 305–317].

В конце XIV в. город Эрфурт резервирует два каноника коллегиальной церкви Девы Марии (Marienstift) для богословского факультета Эрфуртского университета и два каноника коллегиальной церкви Святого Северина (Severistift) для юридического факультета того же Эрфуртского университета с целью последующей оплаты профессорам богословия и канонического права за их лекции. В 1432 г. юридическому факультету Эрфуртского университета был подарен ещё один каноникат, или так называемая «пребенда для синдика» (Syndikalpräbende), обладателю которого вменялось в обязанности читать лекции по римскому праву [13, S. 312; 13, S. 330].

1. 1. 2. ПОЖЕРТВОВАННЫЕ УНИВЕРСИТЕТАМ ЦЕРКВИ И КОЛЛЕГИИ

2) Второй вариант заключался в использовании доходов от инкорпорированных пребенд с целью пожертований для университетских церквей или коллегий, из фондов которых доцентам-лекторам опять же могли бы выплачиваться деньги.

Каким образом функционировал этот второй вариант? С одной стороны, речь идёт о пожертвованиях для университетских церквей (Universitätsstift) с пребендами для каноников, от чего профитировали профессора высших факультетов. С другой стороны, можно говорить о дотациях «коллегиям» (Kollegien), что было выгодно членам этих коллегий, а это, в большинстве своём, профессора «факультетов искусств» (Artistenfakultäten), которые не только проживали в коллегиях, но ещё и дополнительно получали стипендию [14].

Финансирование «университетских церквей» и «коллегий» осуществлялось не только за счёт доходов от церковных пребенд; оно могло осуществляться и за счёт иных дополнительных источников доходов, таких, к примеру, как таможенные пошлины, городские налоги или налоги с земельных владений.

Одновременное наличие «церкви при университетах» и «коллегии» можно констатировать во многих средневековых европейских университетах: были они в Вене, Праге и Гейдельберге [15, S. 211]. При некоторых же из университетов, таких

как Грайфсвальд, Тюбинген или Виттенберг, имелась лишь «университетская церковь» [16, S. 18]; ещё при других, таких как Эрфурт, Лейпциг или Ингольштадт, налицо только одна инстанция – «коллегия» [17].

Подобные институты («университетские церкви» или «коллегии») не всегда существовали в немецких городах с момента основания в них университетов. В частности, в Гейдельберге соответствующий период от основания университета в 1386 г. и до появления при нём в 1413 г. университетской церкви – «Церкви Святого Духа» (Heiliggeiststift) – составил порядка двадцати лет, а при университете в Ростоке, основанном в 1419 г., университетская монастырская церковь и вообще появилась лишь после 1487–1491 гг. [18, S. 33].

Важно отметить, что первые две возможности: лекторальные пребенды, с одной стороны, и коллегии, а также университетские церкви, с другой, зачастую могли комбинироваться.

1. 1. 3. ПОЛНОЕ СЛИЯНИЕ КАПИТАЛОВ

3) Третьим вариантом была полное слияние капиталов, или так называемая «полная капитализация пребенд». Все доходы от включенных в общий состав пребенд объединялись и дополнялись другими доходами с церковной либо иной собственности.

Следует подчеркнуть, что полная капитализация пребенд служила не столько основанию или учреждению духовных корпораций (пожертвованной церкви или коллегии), сколько представляла собой ядро (основу) университетского имущества, из которого, в свою очередь, выплачивались зарплаты профессорам.

Подобный вид финансирования был характерен для университетов, основанных после 1450 г. Он уже давал возможность платить мирянам, то есть профессорам светского статуса. Это позволяло решать ряд проблем, таких, как, к примеру, возникшую во второй половине XV в. в Гейдельбергском университете, когда курфюрст Фридрих I в 1475 г. поддержал передачу лекций по медицине и «привязанную к ней пребенду в Церкви Святого Духа» мирянину [19, S. 446–448].

Вышеупомянутый третий вариант «полной капитализации пребенд» зафиксированы во Фрайбургском университете, основанном в 1460 г.; в Ингольштадтском университете, основанном, основанном в 1472 г.; а также в Тюбингенском университете, основанном в 1477 г. [3, S. 65].

1. 2. ПРОМЕЖУТОЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИЗ РАЗНЫХ ИСТОЧНИКОВ И КРЕДИТЫ

По причине того, что с пребендами, как с источником финансирования, иногда возникали определённые трудности, а именно:

во-первых, после основания университетов они не всегда были доступны;

во-вторых, на пребенды могла претендовать третья сторона;

в-третьих, речь, в большинстве случаев, велась, о доходах в натуральном виде; и, наконец,

в-четвёртых, зафиксированные на пергаменте достоверные доходы с пребенд становились собственностью университета постепенно, что, вне всякого сомнения, в переходные моменты вызывало ряд проблем, особенно у только что основанных университетов; последним, безусловно, требовалось промежуточное обеспечние со стороны учредителя, либо кредиты.

Так, князьям в Гейдельберге и Лейпциге пришлось помогать университетам точно также, как и позднее основателю Виттенбергского университета. А муниципальной (городской) кассе в Трире также, как затем в Ростоке. Во Фрайбурге в Брайзгау предотвратить надвигающийся финансовый кризис местному

университету помог княжеский заём в размере 1 000 гульденов, а также любезно предоставленное ему (спонсированное) здание [19, S. 27].

Но не только город и князья помогали университетам в их становлении. Есть примеры, когда и сами профессора или зажиточные горожане стремились им помочь.

Тут обязательно следует упомянуть случай, когда Гейдельбергскому университету в 1390 г. было пожертвовано целое состояние. А во Фрайбурге в период с 1482 по 1486 гг. университету был предоставлена ссуда [20, S. 10].

Но более всего впечатляет случай, когда бургомистр города Грайфсвальда по имени Генрих Рубенов, не только пожертвовал «коллегии» пребенды, здание, а также книги юридическому факультету, но и выкупил предназначенные в качестве последующих дотаций для университета земли герцога Вратислава IX Померанского, что, в принципе, дало университету шанс на будущее существование [21, S. 194; S. 224–228].

1. 2. 1. ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ УНИВЕРСИТЕТОВ ГОРОДОМ

В дополнение к вознаграждению доцентов-лекторов в виде пребенд или из доходов фондов, существовало также вознаграждение преподавателей университетов городом, выраженное в муниципальных профессорских должностях. С их помощью город обеспечивал своё влияние и отбор лекторов. Такой вариант можно обнаружить налицо в Кёльне, Ростоке, Трире, а также в Эрфурте [3, S. 71].

1. 2. 2. КОМБИНИРОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ФИНАНСИРОВАНИЯ

Характерной чертой финансирования университетов, особенно не вновь основанных, а тех, которые уже существовали, являлось комбинирование различных возможностей. Зачастую священнослужители монашеских нищенствующих Орденов, с лекторальными пребендами за лекции, должностями в коллегиях и приходами преподавали в высших учебных заведениях Германии наряду с профессорами, которые получали свою заработную плату непосредственно из городской (муниципальной) или княжеской казны [3, S. 72].

****

Нельзя не отметить, что, безусловно, реконструировать общий бюджет любого немецкого университета периодов Позднего Средневековья и Раннего Нового времени достаточно сложно. Поэтому, вне всякого сомнения, нам надо сегодня с благодарностью довольствоваться хотя бы теми источниками, которые сохранились и доступны для работы с ними в наши дни.

2. ФИНАНСОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЗАЧИСЛЕННЫХ НА ОБУЧЕНИЕ В ВУЗЫ ГЕРМАНИИ ПЕРИОДОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

2. 1. ФОНДЫ И СТИПЕНДИИ

Приоритетную роль в области финансирования обучающихся в средневековых немецких ВУЗах надлежит отдать стипендиям и стипендиальным фондам. В большинстве своём, немецкие учёные проводили исследования о стипендиях регионального характера, например, о стипендиях, предоставляемых ганзейскими городами [22], или о стипендиях, предоставляемых благотворительными фондами Кёльна [23] и пр. Причём нельзя не упомянуть, что в них стипендиальные фонды представлены не только как материальная основа, но и как катализатор воспитания социальной элиты.

Рассмотрению стипендиальных фондов, как феномена социальной истории,

посвятил целый ряд своих работ Михаэль Боргольт [24; 25]. Именно он высказывает точку зрения о том, что университеты в Средние века представляли собой основы благочестивой литургической памяти, а также основы «духовного спасения». Это значит, что намерение основателя благотворительного фонда служило, в первую очередь, спасению его собственной души; а после смерти основателя фонда была налицо социальная коллективная система, хранившая о нём память.

В контексте рассмотрения университетов и иных высших учебных заведений дающая импульсы воля основателя фонда означает не только увековечение памяти о нём, но также и длительное значимое влияние последнего на фонды или коллегии относительно рекомендаций о вакансиях, финансах или литургии.

Одна из центральных монографий по данной проблематике посвящена анализу фондов в городе Нюрнберг и принадлежит перу Бернхарда Эбнета [26]. По данным только что упомянутого Бернхарда Эбнета, в немецкоязычных регионах в период с XV по XX ст. насчитывалось от 4000 до 6000 всевозможных благотворительных фондов. Причём уместно подразделять эти фонды на: 1) светские, 2) духовные, 3) городские и 4) частные.

Следующий момент: в XV в. в различных областях и сферах жизни людей (в органах городского управления, в медицинских структурах и пр.) появляется потребность в кадрах с адекватной квалификацией [27]. Так, например, на работу в органы городского управления вендских ганзейских городов предпочитали брать юристов с научной степенью. А при приёме на работу на должность городского писаря или нотариуса городского Совета требовалась степень магистра. Причём, зачастую, различные значимые позиции предполагали квалификацию человека именно в области юриспруденции, то есть от него могла даже требоваться степень защищённого доктора наук [28]. И в других исторических регионах Германии была налицо подобная ситуация [29].

Поэтому, наверное, правомерно утверждать, что обучение в университетах и высших учебных заведениях Германии уже в Средние века представляло собой залог будущей карьеры. В доуниверситетское время, когда образование почти повсеместно находилось под эгидой влиятельных школ при монастырях или соборах, оно не играло значимой роли для улучшения шансов по «карьерной лестнице» [30]. По окончании же обучения в университетах выпускники средневековых немецких высших учебных заведений стали чувствовать себя как бы самостоятельной группой, членами нового социального сословия с претензиями занимать ведущие позиции [31]. Ну а практическое применение приобретённых ими знаний, действительно, соответствовало потребностям тогдашнего общества в условиях увеличении спроса на подобных специалистов. Стипендии, таким образом, являлись выражением растущего спроса на квалификацию [32, S. 508].

2. 2. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ ИЗ ПРАВА НА ДОХОД С ЦЕРКОВНОЙ ДОЛЖНОСТИ (ИЗ «ПРЕБЕНДА»-СОБСТВЕННОСТИ)

Длительное время «пребенда» являлась одним из самых важных источников финансирования посетителей и слушателей университетов в период Средневековья, поэтому находилась в центре любых усилий последних по получению финансовой безопасности для их учёбы.

Принадлежность к классу клериков позволяла абсолютно всем священнослужителям получать престижные синекуры, хотя нельзя не упомянуть, что изначально это касалось именно низшего слоя духовенства. Иной посетитель университета имел к ним доступ редко, или, иными словами, почти не имел.

Пребенды благотворительных фондов и соборов «резервировались», в основном, для дворян или стипендиатов. Причём, крайне важно отметить и тот факт, что между церковной пребендой, окончанием учёбы в университете и последующей карьерой в духовной области существовала определённая связь [33]. В течение XV в. привлекательные рабочие места в соборных капитулах, коллегиальных и приходских церквях требовали обязательного наличия (получения) учёной степени. Эти наблюдения не ограничиваются конкретным регионом. Они могли наблюдаться во всех регионах империи [34; 35; 36].

Исследователь Томас Виллих смог показать на примере Магдебургского соборного капитула, что, например, в монастыре служили, прежде всего, юридически образованные низшие дворянские, а во многих случаях даже буржуазные священнослужители. Эта оценка «академизации» коллегиальной церкви коррелирует с растущей «деклерикализацией» университетов в XV в. [37].

Гонка кандидатов, имевших в качестве финансирования «пребенду», начиналась сразу же после получения первой учёной степени. Именно обладатели учёных степеней принадлежали тогда к предпочтительной группе кандидатов для получения (занимания) церковных должностей.

2. 3. ОБЕСПЕЧЕНИЕ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМОЕ «БУРСАМИ» ИЛИ «КОЛЛЕГИЯМИ»

В качестве неотъемлемой части жизни в средневековых немецких университетах необходимо назвать жилые сообщества для преподавателей, магистров и учёных, то есть «бурсы» или появившиеся на пожертвования сильных мира сего «коллегии» для профессоров и стипендиатов. Они приобрели особенно важное значение на «факультетах искусств» средневековых университетов и существенно повлияли на развитие сиих факультетов по парижскому образцу [38, S. 531]. Подавляющее большинство артистов (художников) проживало в бурсах, где они все вместе спорили, ели, спали, праздновали и т.д.

Бурсы были социальными пространствами, в которых разворачивалась сеть отношений, а учёные подлежали правилам социального «построения сообщества». Одарённые обеспеченные учёные считались особенно привлекательными «бурсалями», поскольку они могли внести более широкий вклад в сближение между проживавшими в бурсах и в накопление богатства ректоров бурс [39, S. 131]. Благодаря помощи и содействию благотворительных фондов бурсы часто обеспечивались недвижимостью, стипендиями или пр. [39, S. 132].

2. 4. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИЗ ДОХОДОВ С ВЛАДЕНИЯ НЕДВИЖИМОСТЬЮ

Итак, как уже было рассмотрено выше, имматрикулированные в средневекованные немецкие университеты:

во-первых, могли иметь стипендии,

во-вторых, доход из пребенды,

в-третьих, получить бесплатно место проживания в бурсах или коллегиях.

А как жили остальные посещающие занятия в университете в период Средневековья, у кого не было стипендии, кто не был охвачен церковной синекурой, или кто не жил бесплатно в бурсе?

Был ещё один, четвёртый, способ финансирования дорогостоящих вступительных взносов; экзаменационных расходов; расходов, чтобы добраться к месту обучения; расходов на проживание, на мебель, одежду, бумагу, чернила и книги. И этот способ назывался: семейные активы [40, S. 178]. К сожалению, этому четвёртому источнику финансирования, а именно, семейным активам, которые представляли собой собственность самого разного рода и вида: на землю и

домовладение, пахотные земли, поместья, фермы, сады, луга, мельницы, а также пенсии, – уделяется пока слишком мало систематического внимания.

Для ганзейского патрициата и влиятельных семей членов городского Совета, чьи дети всё больше стремились получить высшее академическое образование и уезжали для этого, поступая в крупные университеты Европы, чтобы получить степень на высших факультетах, было чётко определено, какую часть городских или сельских земель, деревень, пенсий, а также какую долю дохода от аренды они должны были инвестировать в финансирование обучения своих сыновей [41].

Так, на сегодняшний день было проведено специальное социально-топографическое исследование, устанавливающее не только тот факт, что эти влиятельные семьи в богатых ганзейских городах (купцы или члены городского Совета) имели дома в предпочтительных жилых районах, в основном, поблизости от ратуши или рядом с рыночной площадью, но также и то, что владение недвижимостью и ежегодные проценты от владения данной собственностью (к примеру, в качестве наследства и др.) служили источником финансирования обучения в университетах их наследников [42, S. 204].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав различные варианты финансирования немецких университетов периодов Средневековья и Раннего Нового времени, а также разные формы обеспечения обучающихся в них, можно сделать вывод о том, что для самих университетов самой главной финансовой составляющей являлись пребенды. Наряду с тремя формами доходов из инкорпорированных пребенд, можно утверждать, что в то время налицо была мобилизация и иных источников доходов.

В качестве же важных и значимых источников финансирования имматрикулированных и обучающихся в немецких университетах в Средние века и Раннее Новое время надлежит выделить: 1) фонды, предоставляющие стипендии светского, церковного, городского или частного характера; 2) финансирование из «пребенды»; 3) обеспечение в «бурсах» или «коллегиях»; 4) доходы с недвижимости; 5) финансирование с помощью обеспеченных родственников; 6) «смешанные» формы финансирования, где могли пересекаться две или сразу несколько форм финансового обеспечения и др.

Библиографические ссылки

1. *Vom Bruch R., Kintzinger M.* Jahrbuch für Universitätsgeschichte. Bände 1–20. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998–2020.

2. Finanzierung von Universität und Wissenschaft in Vergangenheit und Gegenwart / Hrsg. von Rainer Chr. Schwinges. Basel: Schwabe, 2005.

3. *Hesse Ch.* Pfründen, Herrschaften und Gebühren. Zu Möglichkeiten spätmittelalterlicher Universitätsfinanzierung im Alten Reich // Finanzierung von Universität und Wissenschaft in Vergangenheit und Gegenwart. Basel : Schwabe, 2005. S. 57–86.

4. *Moraw P.* Die wirtschaftlichen Grundlagen der Universität Heidelberg: Mittelalterliche Fundierung und staatliche Finanzierung // Die Geschichte der Universität Heidelberg: Vorträge im Wintersemester 1985/1986. Heidelberg : HVA, 1986. S. 69–89.

5. *Kleineidam E.* Universitas Studii Erffordensis: Überblick über die Geschichte der Universität Erfurt. Band I. Auflage 2. Leipzig : St. Benno-Verlag, 1985.

6. *Meuthen E.* Kölner Universitätsgeschichte. Band 1: Die alte Universität. Köln; Wien : Böhlau, 1988.

7. *Hoyer S.* Die Gründung der Leipziger Universität und Probleme ihrer Frühgeschichte // Karl-Marx-Universität Leipzig 1409–1959. Beiträge zur Universitätsgeschichte. Band 1. Leipzig : Verlag Enzyklopädie, 1959. S. 1–33.

8. *Schirmer U.* Die Finanzen der Kurfürsten und Herzöge von Sachsen zwischen 1485 und 1547 // Landesgeschichte als Herausforderung und Programm. Stuttgart : Steiner, 1997. S. 259–283.

9. *Lorenz S.* Fehlgeschlagen, gescheitert, erfolglos. Vergebliche versuche von Universitätsgründungen in

Regensburg, Lüneburg, Breslau und Pforzheim // Attempto – oder wie stiftet man eine Universität? Die Universitätsgründungen der sogenannten zweiten Gründungswelle im Vergleich. Stuttgart : Steiner, 1999. S. 7–18.
10. *Schubert E.* Motive und Probleme deutscher Universitätsgründungen des 15. Jahrhunderts // Beiträge zu Problemen deutscher Universitätsgründungen der frühen Neuzeit. Nendeln; Liechtenstein : KTO Pr., 1978. S. 13–74.
11. *Keussen H.* Die Stadt Köln als Patronin ihrer Hochschule von deren Gründung bis zum Ausgange des Mittelalters. Tl. 1 // Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst. Trier : Lintz, 1890. S. 344–404.
12. *Steiner J.* Die Artistenfakultät der Universität Mainz 1477–1562. Ein Beitrag zur vergleichenden Universitätsgeschichte. Stuttgart : Steiner, 1989.
13. *Kleineidam E.* Universitas Studii Erffordensis. Band II. Auflage 2. Leipzig : St. Benno-Verlag, 1992.
14. *Seifert A.* Die Universitätskollegien – eine historisch-typologische Übersicht // Stiftungen aus Vergangenheit und Gegenwart. Tübingen : Mohr, 1974.
15. *Nuding M.* Die Universität, der Hof und die Stadt um die Wende zum 15. Jahrhundert: Fragen an die ältesten Heidelberger Rektoratsakten // Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. Bd. 146. 1998. S. 197–248.
16. *Endres G.* Die wirtschaftliche Ausstattung der Universität Wittenberg 1502–1547. Phil. Diss. Leipzig : o. O., 1951.
17. *Seifert A.* Das Ingolstädter Collegium vetus. Die Geschichte eines frühen Lehrstuhltyps in der Artistenfakultät // Historisches Jahrbuch. 1989. S. 33–51.
18. *Asche M.* Von der reichen hansischen Bürgeruniversität zur armen mecklenburgischen Landeshochschule. Das regionale und soziale Besucherprofil der Universitäten Rostock und Bützow in der Frühen Neuzeit (1500–1800). Stuttgart : Steiner, 2000.
19. *Rexroth F.* Städtisches Bürgertum und landesherrliche Universitätsstiftung in Wien und Freiburg // Stadt und Universität. Köln; Weimar; Wien : Böhlau, 1993. S. 13–31.
20. *Pfister E.* Die finanziellen Verhältnisse der Universität Freiburg von der Zeit ihrer Gründung bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. Freiburg : Mohr, 1889.
21. *Schmidt R.* Fundatio et confirmatio universitatis. Von den Anfängen deutscher Universitäten. Goldbach : Keip, 1998.
22. *Stieda W.* Hansestädtische Universitätsstipendien // Zeitschrift des Vereins für Hamburgische Geschichte. Bd. 16. 1911. S. 274–334.
23. *Meuthen E.* Die Kölner Studienstiftungen als historische Phänomen // Bildung stiften: 200 Jahre Kölner Gymnasial- und Stiftungsfonds; Festreden; Jubiläum und Ausstellungseröffnung 2000. Köln : Kölner Gymnasial- und Stiftungsfonds, 2001. S. 20–31.
24. Stiftungen und Stiftungswirklichkeiten. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Berlin : Akad.-Verlag, 2000.
25. *Borgolte M.* Memoria. Zwischenbilanz eines Mittelalterprojekts // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Bd. 46. 1998. S. 197–210.
26. *Ebneth B.* Stipendienstiftungen in Nürnberg. Eine historische Studie zum Funktionszusammenhang der Ausbildungsförderung für Studenten am Beispiel einer Großstadt (15.–20. Jahrhundert). Nürnberg : Korn und Berg, 1994.
27. *Moraw P.* Gelehrte Juristen im Dienst der deutschen Könige des späten Mittelalters (1273–1493) // Die Rolle der Juristen bei der Entstehung des modernen Staates. Berlin : Duncker und Humblot, 1986. S. 77–147.
28. *Wriedt K.* Das gelehrte Personal in der Verwaltung und Diplomatie der Hansestädte // Hansische Geschichtsblätter. Bd 96. 1978. S. 15–37.
29. *Immenhauser B.* Bildungswege – Lebenswege. Universitätsbesucher aus dem Bistum Konstanz im 15. und 16. Jahrhundert. Basel : Schwabe, 2007.
30. *Ehlers J.* Dom und Klosterschulen in Deutschland und Frankreich im 10. und 11. Jahrhundert // Schule und Schüler im Mittelalter. Beiträge zur europäischen Bildungsgeschichte des 9. und 15. Jahrhunderts. Hrsg. von Martin Kintzinger, Sönke Lorenz, Michael Walter. Köln : Böhlau, 1996. S. 29–52.
31. *Verger J.* Les gens de savoir en Europe a la fin du Moyen Age. 1. Ausgabe. Paris: Presses Univ. de France, 1997.
32. *Ebneth B.* Stipendium und Promotion. Studienförderung vor und nach der Reformation // Examen, Titel, Promotionen. Akademisches und staatliches Qualifikationswesen vom 13. bis zum 21. Jahrhundert. Basel : Schwabe, 2007. S. 489–533.
33. *Gramsch R.* Kommunikation als Lebensform. Kuriale in Thüringen vom 13. bis zu 16. Jahrhundert // Kurie und Region. Festschrift für Brigide Schwarz zum 65. Geburtstag. Stuttgart : Steiner, 2005. S. 417–434.

34. *Röpcke A.* Das Eutiner Kollegiatstift im Mittelalter: 1309–1535. Neumünster : Wachholtz, 1977.
35. *Fouquet G.* Das Speyerer Domkapitel im späten Mittelalter (ca. 1350–1540). Adlige Freundschaft, fürstliche Patronage und päpstliche Klientel. Band 1. Mainz : Selbstverlag der Geschichte für Mittelrheinische Kirchengeschichte, 1987.
36. *Hollmann M.* Das Mainzer Domkapitel im späten Mittelalter (1306–1476). Mainz : Selbstverlag der Geschichte für Mittelrheinische Kirchengeschichte, 1990.
37. *Willich Th.* Wege zur Pfründe. Die Besetzung der Magdeburger Domkanonikate zwischen ordentlicher Kollatur und päpstlicher Provision 1295–1464. Tübingen : Niemeyer, 2005.
38. *Schwinges R. Chr.* Sozialgeschichtliche Aspekte spätmittelalterlicher Studentenbursen in Deutschland // Schulen und Studium im sozialen Wandel des hohen und späten Mittelalters. Sigmaringen : Thorbecke, 1986. S. 527–564.
39. *Mühlberger K.* Wiener Studentenbursen und Kodreien im Wandel vom 15. zum 16. Jahrhundert // Aspekte der Bildungs- und Universitätsgeschichte: 16. bis 19. Jahrhundert. Wien : WUV-Universitätsverlag, 1993.
40. *Schwinges R. Chr.* Von Fundationen, Dotationen, Geld und großem Mangel. Zugleich ein Kommentar zu Teil I // Finanzierung von Universität und Wissenschaft in Vergangenheit und Gegenwart. Basel : Schwabe, 2005. S. 175–193.
41. *Schildhauer J.* Hansestädtischer Alltag. Untersuchungen auf der Grundlage des Stralsunder Bürgertestamente vom Anfang des 14. bis zum Ausgang des 16. Jahrhunderts. Weimar : Böhlau, 1992.
42. *Igel K.* Zwischen Bürgerhaus und Frauenhaus. Stadtgestalt, Grundbesitz und Sozialstruktur im spätmittelalterlichen Greifswald. Köln; Weimar; Wien : Böhlau, 2010.

БОРЬБА ЗА ГЕРЦОГСТВО ЛЮКСЕМБУРГ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЪЕВРОПЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1411–1415 гг.

Д. Н. Черкасов

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, dmcminsk@gmail.com

В статье рассматривается политика Антуана Бургундского, герцога Брабанта и Лимбурга, в отношении герцогства Люксембург. Проводится анализ дипломатии Антуана и его военных кампаний против люксембургской феодальной оппозиции, бургундо-богемских и бургундо-имперских отношений, в целом.

Ключевые слова: герцогство Люксембург; Антуан Бургундский; Элизабет де Гёрлиц; Сигизмунд Люксембург.

SCRAMBLE FOR THE DUCHY OF LUXEMBOURG IN THE CONTEXT OF INTER-EUROPEAN RELATIONS IN 1411–1415

D. Cherkasov

Belarusian State University, Minsk, Belarus, dmcminsk@gmail.com

The article examines the policy of Antoine of Burgundy, Duke of Brabant and Limburg, towards the Duchy of Luxembourg. The analysis of the diplomacy of Antoine and his military campaigns against the Luxembourg feudal opposition, Burgundy-Bohemian and Burgundy-imperial relations in general.

Keywords: Duchy of Luxembourg; Antoine of Burgundy; Elisabeth of Görlitz; Sigismund of Luxembourg.

С 1408 г. бургундо-богемские отношения, длительное время находившиеся в состоянии упадка, получили новое развитие. Венцеслав IV, король Богемии (1378–

1419), с 1398 г. поддерживавший во Франции союз с Орлеанским домом, предложил династический унию Антуану Бургундскому, герцогу Брабанта и Лимбурга, младшему брату Жана Бесстрашного, герцога Бургундского. Для этого сложились необходимые условия – претензии имперской власти в лице Рупрехта III Пфальцского, противника короля Богемии, на Брабант и Лимбург (декабрь 1406 г.), смерть Жанны Люксембургской, жены Антуана Бургундского (август 1407 г.), убийство герцога Луи Орлеанского (ноябрь 1407 г.).

В результате, 27 апреля 1409 г. Венцеслав IV утвердил брачный договор Антуана Бургундского и своей племянницы, Элизабет де Гёрлиц, предварительно одобренный герцогами Бургундии и Брабанта (20 июля 1408 г.) [1, p. 219–224; 3, p. 676–682; 4, s. 30–35; 5, p. 325–326]. По условиям договора Венцеслав IV предоставил Элизабет 120 тыс. рейнских флоринов приданого, под гарантии выплаты которых передавались в залог герцогство Люксембург, графство Шини и ландфогство Эльзас (в действительности, ландфогство с 1400 г. находилось под контролем Рупрехта III) [4, S. 30–35]. 16 июля 1409 г. в Брюсселе состоялась свадьба Элизабет и Антуана [3, p. 683]. К этому времени Люксембург и Шини уже были в залоге у Йошта, маркграфа Моравии и Бранденбурга, кузена Венцеслава IV. В связи с их непростыми отношениями, процесс передачи люксембургских владений Антуану и Элизабет затянулся. Кроме того, 15 декабря 1410 г. на собрании в Арлоне знать герцогства отнеслась негативно к передаче Люксембурга иностранцу [10, p. 148–150].

После смерти Йошта Моравского (18 января 1411 г.) Люксембург и Шини вернулись под контроль Венцеслава IV, который 13 августа 1411 г. выполнил оговоренные брачным контрактом условия, подкорректировав их в свою пользу. В этот же день сословия герцогства Люксембург, графства Шини и ландфогства Эльзас были оповещены о произведенной передаче, с призывом соблюдать верность новым хозяевам [10, p. 153].

14 августа Венцеслав IV выдал письмо-патент, подтверждавшее права Элизабет и Антуана на заложенные владения [7, p. 225]. 25 августа 1411 г. были заключены бургундо-богемский и брабанто-богемский союзы, предусмотренные брачным договором, в которых оговаривалась взаимная военная помощь [10, p. 154].

Со 2 января по 20 июля 1412 г. проходила первая поездка Антуана Бургундского и Элизабет де Гёрлиц в Люксембург [10, p. 157]. Остановившись в Бастони, они приняли клятву верности от представителей духовенства, знати и городов герцогства [3, p. 691–692]. Переехав в столицу, 19 января 1412 г. они заявили о передаче им королем Венцеславом IV прав на управление люксембургскими землями [10, p. 158]. 24 января 1412 г., прибыв в Ивуа (сейчас г. Кариньян), Антуан и Элизабет утвердили свободы и привилегии жителей графства Шини [10, p. 159].

Вместе с тем, часть знати, во главе с сенешалем Люксембурга Юаром II д'Отелем, не желая видеть правителем «француза» и опасаясь потери своего влияния, не признала власть герцога Брабантского [3, p. 692]. Они направили в Прагу послов к Венцеславу IV, чтобы получить подтверждение условий передачи в залог Люксембурга и Шини. 2 февраля 1412 г. Венцеслав IV предоставил им письмо-патент, с призывом к духовенству, знати и чиновникам признать герцога и герцогиню Брабантских своими государями на время, пока заложенные земли не будут выкуплены [3, p. 695–696].

Однако позиция короля Богемии была двойственной. Поскольку Юар II д'Отель на протяжении длительного времени был главным проводником политики

чешской короны на землях Люксембурга, Венцеслав IV, рассчитывая сохранить его лояльность, не подверг его опале и преследованию. Кроме того, сенешаль Люксембурга с 1398 г. был верным сторонником Орлеанского дома. В Люксембурге под его контролем находились замки Монмеди, Данвилье и Оршимон, заложенные герцогу Орлеанскому Венцеславом IV в 1401 г.

Со своей стороны, герцог Брабантский начал военные действия против мятежной знати. В начале 1412 г. он осадил замок Отель близ Арлона, применив артиллерию [3, p. 692]. Юар II д'Отель обратился за поддержкой к герцогу Орлеанскому, который в феврале направил ему воинов под командой адмирала Клинье де Бребана. Адмирал вошел в Люксембург, сделав остановку у Монмеди. Узнав об этом, герцог Брабантский оставил часть войск осаждать Отель, а с остальными совершил бросок в 40 км. к Монмеди. Внезапная атака «брабантцев» на лагерь противника принесла успех: большая часть «французов» была убита, ранена или попала в плен. Сам адмирал, находившийся во время нападения в замке, избежал участи своих людей. Поражение союзников у Монмеди заставило сенешаля Люксембурга пойти на переговоры. 11 марта 1412 г. в Арлоне стороны заключили перемирие до 25 июня [3, p. 693–694].

Обеспокоенный успехом герцога Брабантского, в конфликт вмешался Сигизмунд Люксембург, принципиальный противник укрепления в империи Бургундского дома. 8 апреля 1412 г. он направил письмо сословиям Люксембурга и графства Шини, в котором обвинил своего брата, Венцеслава IV, в нарушении прав королевского дома Богемии и призвал жителей не приносить фуа и оммаж герцогу Брабантскому [10, p. 162].

Накануне окончания перемирия, заключенного в Монмеди, герцог Брабантский со значительными силами вновь направился в Люксембург. В Арлоне собрались отряды верных ему люксембургских сеньоров, контингенты архиепископа Трира и герцога Берга. Антуан разделил свои войска на две части, одну из которых повел сам к Данвилье, а другую, под командой Жерара, графа де Сайн, Жана, сеньора де Хайнзберга, и Рупрехта, графа фон Вирнебурга, направил к Монмеди [3, p. 698].

Юар II д'Отель, не получив к этому времени помощи ни от герцога Орлеанского, ни от короля Сигизмунда, согласился передать Монмеди, Данвилье и Оршимон в руки людей герцога Брабантского, которые должны были их держать до окончательного вердикта короля Богемии [3, p. 699]. Договор был подписан сторонами 2 июля 1412 г. в Данвилье [9, p. 202]. В свою очередь, Антуан Бургундский 4 июля 1412 г. объявил амнистию Юару II д'Отелю и его сторонникам [10, p. 164].

В августе 1412 г. герцог Брабантский отправил посольство к Венцеславу IV, чтобы добиться окончательного урегулирования люксембургского вопроса. 19 сентября 1412 г. послы прибыли в Прагу, где были приняты ближайшими советниками короля, а 23 сентября в замке Карлштейн самим Венцеславом IV, который согласился с тем, чтобы сеньории Монмеди, Данвилье и Оршимон контролировали представители герцога Брабантского [3, p. 700–702]. Также он призвал жителей герцогства Люксембург принести клятву верности Элизабет и Антуану, как владельцам заложенного герцогства, обещая освободить их от клятвы, которая была дана ему, как герцогу Люксембурга [3, p. 705].

В письмах от 18 октября, данных послам герцога Брабантского, Венцеслав IV подтверждал передачу в залог герцогства Люксембург; призывал жителей герцогства подчиняться новым правителям; предписал подданным герцогства игнорировать любые письма, которые будут противоречить правам герцога и

герцогини Брабантских; требовал от знати, чиновников и магистратов городов герцогства Люксембург, принести оммаж и клятву верности Элизабет и Антуану [10, p. 167–168].

Вернувшись в Брабант к началу декабря 1412 г., послы привезли письма короля Богемии, которые было решено представить знати и городам Люксембурга на съезде в Арлоне. Однако Юар II д'Отель и его сторонники, которые имели на руках письма короля Сигизмунда против герцога Брабантского, и на этот раз отказались приносить фуа и оммаж Антуану Бургундскому и его жене. Более того, некоторые сеньоры, такие, как Годфруа де Бранденбург, Фридрих, сеньор де Клерво, Бернард, сеньор де Буршейд, направили вызов городам Люксембурга и стали нападать на тех, кто признавал власть герцога Брабантского [3, p. 710–711].

В этой связи, в конце июня–августе 1413 г. герцог Брабантский предпринял третью военную компанию против люксембургской оппозиции [10, p. 174]. Войдя в герцогство со значительными силами, он осадил, захватил и разрушил замок Терве, принадлежавший братьям Жану и Гийому д'Орле. В июле 1413 г. сдался гарнизон замка Холенфельц, а в начале августа – замка Штирпених, принадлежавших Юару II д'Отелю [10, p. 178].

При второй осаде замка Отель, артиллерия и осадные машины герцога Брабантского разрушили ворота, часть башен и стен замка, после чего он был взят штурмом и разрушен, а все его защитники перебиты. Затем осаде подвергся замок Линстер, принадлежавший Гийому д'Орле. После применения артиллерии капитан замка капитулировал, и герцог Брабантский поставил там гарнизон во главе со своим шателеном. То же произошло при осаде замка Мерси [3, p. 713].

После разрушения Мерси, войска герцога Брабантского подошли к замку Клерво, который принадлежал Фридриху де Бранденбургу, осадили его и взяли после нескольких приступов. Еще до завершения осады, Юар II д'Отель и его союзники вступили в переговоры с представителями герцога Брабантского. В результате, 24 августа 1413 г. был заключен договор о перемирии до 11 ноября, когда в Клерво должна была состояться конференция представителей двух сторон. К 21 октября обе стороны должны были прибыть ко двору Венцеслава IV для вынесения им решения по существующим противоречиям [3, p. 714].

Поражение феодальной оппозиции в ходе трех военных компаний 1412–1413 гг. стало следствием решительных действий герцога Брабантского и, в первую очередь, убедительной эффективности его артиллерии. Высокоразвитое литейное дело в Нидерландах позволило герцогу аккумулировать значительный артиллерийский парк, который в марте 1412 г. состоял из 2 больших орудий, одной «вёглэр» (длинное и узкое орудие, заряжавшееся из казенной части), и 60 малых орудий. Еще 2 большие пушки прислал архиепископ Трира, часть орудий предоставили брабантский магнат, Жан де Шонворст, и город Люксембург. При осаде замка Отель, летом 1413 г., была использована тяжелая бомбарда, одолженная у графа Эно и Голландии, называвшаяся «Черная Маргрет». 2 орудия из г. Юи предоставил епископ Льежа, еще одну большую бомбарду доставили из Маастрихта [6, p. 294].

Военные компании потребовали немалых финансовых затрат. Штаты Брабанта, чтобы покрыть расходы на войну в Люксембурге, 18 мая 1412 г. предоставили своему герцогу 28 тыс. крон, 25 сентября 1414 г. – 150 тыс. крон. Но этого было недостаточно и Антуану пришлось заложить брабантской и рейнской знати ряд своих сеньорий [8, p. 347].

После заключения договора в Клерво, Юар II д'Отель и его сторонники обратились за поддержкой к Сигизмунду Люксембургу, который в акте от

7 сентября 1413 г., в качестве наследника короны Богемии и Люксембурга, призвал всех жителей герцогства оказывать помощь и содействие Юару II д'Отелю [10, p. 180–181]. В ответ, актом от 20 октября 1413 г. Венцеслав IV снова приказал всем подданным земель Люксембурга принести оммаж Антуану Бургундскому и его жене. В этот же день отдельным актом он приказал всем графам, баронам, рыцарям, оруженосцам и другим подданным, как романских, так и немецких земель не выполнять приказы, направленные против герцога Брабантского [10, p. 182].

Города Люксембурга поддержали Венцеслава IV. В письме королю Сигизмунду от 10 ноября 1413 г. они заявили о своей поддержке герцога и герцогини Брабантских, призвав прийти к соглашению с ними. Во втором письме, составленном в тот же день, магистрат г. Люксембург, выступая от имени всех городов земли, жаловался Венцеславу IV на грабежи мятежной знати и просил его вмешаться [10, p. 183].

В исполнение договора в Клерво, герцог Брабанта направил новое посольство к королю Богемии, которое предстало перед Венцеславом IV 21 октября 1413 г. Мятежных сеньоров представлял сын Юара II д'Отеля, который, однако, не предъявил верительных грамот [10, p. 181]. Поэтому перемирие, которое должно было завершиться 11 ноября, было продлено Венцеславом IV до 25 июля 1414 г. [10, p. 183].

В переговоры с королем Сигизмундом о правах на Люксембург вступила Элизабет де Гёрлиц, которая 18 января 1414 г. направила к своему дяде посольство [10, p. 185]. По этому вопросу Сигизмунд планировал провести дебаты, о чем в мае 1414 г. был извещен Антуан Бургундский. К этому времени в брабанто-имперских отношениях накопился ряд проблем. Из письма герцогу Брабантскому, написанного 14 июня 1414 г. графом Савойи, выполнявшим роль посредника, понятно, что Сигизмунда беспокоили не только проблемы наследовании Люксембурга, но и вопрос о законности наследования Антуаном герцогств Брабанта и Лимбурга, гарантии вдовьей доли Элизабет де Гёрлиц, отказ Антуана от принесения клятвы верности Сигизмунду, как королю Римлян [10, p. 190].

В письме от 3 июля 1414 г. граф Савойи передал приглашение Антуану Бургундскому и его жене прибыть в Шпайер для переговоров. Об этом, в письме от 6 июля своей племяннице, Сигизмунд сообщал лично [10, p. 190]. Элизабет ответила дяде 29 июля, уведомив, что они с мужем не смогут приехать в Шпайер: герцог из-за дел во Франции, а она – из-за болезни, и что их будут представлять послы [10, p. 191]. Но переговоры в Шпайере не состоялись.

В августе 1414 г. герцог Брабантский направил посольство к Сигизмунду в Кобленц, куда также поехали представители знати и городов Люксембурга. 15 августа послы герцога прибыли в Кобленц, где на следующий день получили аудиенцию у Сигизмунда, которая закончилась безрезультатно. Так и не прояснив ситуацию, 20 августа послы покинули Кобленц, вернувшись к 25 августа в Антверпен [10, p. 192]. Сигизмунд желал личной встречи с Антуаном Бургундским.

В начале 1415 г. Антуан направил к Сигизмунду, находившемуся тогда в Констанце, новое посольство во главе с Фридрихом, графом де Саарверденом, и Жаном де Ринсхем [3, p. 732–733]. Сигизмунд принял послов герцога Брабантского и передал о желании личной встречи с его братом, герцогом Бургундским, в июне в Савойе. 5 апреля послы получили охранные грамоты на обратный путь [10, p. 202].

Видимо, граф де Саарверден сумел найти общий язык с Сигизмундом, поскольку 12 июня 1415 г. герцог Брабантский дал полномочия очередному посольству, которое направил к Сигизмунду для переговоров и для принесения фуа и оммажа от своего имени. 15 июня послы направились в Нарбонн, где находился

Сигизмунд, были приняты им 29 августа, а 28 сентября вернулись обратно в Лувен [10, p. 204]. После их прибытия герцог Антуан 8 октября 1415 г. из Лувена направил письмо Сигизмунду с изъявлением готовности прибыть лично [10, p. 206].

Однако, встрече не суждено было состояться. В июле 1415 г. возобновилась война между Англией и Францией. Герцог Брабантский выступил на помощь французам, настигшим англичан у местечка Азенкур, но успел только к исходу сражения, в котором погиб 25 октября 1415 г. (скорее всего попал в плен и был убит во время резни в английском лагере) [2, p. 275–277]. В результате, герцогства Брабант и Лимбург перешли к его несовершеннолетнему сыну Жану IV, в то время, как герцогство Люксембург осталось в залоге у Элизабет де Гёрлиц.

Таким образом, в период 1411–1415 гг. герцогство Люксембург стало объектом внутриполитической борьбы между феодальной оппозицией, не желавшей признавать власть иностранного принца из династии Валуа, и Антуаном Бургундским, действовавшим в рамках политики экспансии Бургундского дома на франко-имперском пограничье. В результате, события в Люксембурге оказались тесно вплетены в систему межъевропейской дипломатии, в контексте противоречий внутри Люксембургского дома (Венцеслав IV – Сигизмунд), бургундо-имперских, брабанто-богемских отношений, конфликта бургиньонов и арманьяков во Франции.

В ходе трех военных компаний 1412–1413 гг. Антуану Бургундскому, опираяь на экономические и военные ресурсы Брабанта, удалось установить контроль над территорией Люксембурга, заставить признать свою власть большинство местной знати. Вместе с тем, поддержка мятежной оппозиции со стороны короля Сигизмунда и двойственная позиция Венцеслава Богемского, позволила ей продолжать борьбу на дипломатическом поле, оспаривая владельческие права герцога Брабантского на люксембургские земли. В 1415 г., начавшая выходить из тупика ситуация, была разрешена в результате гибели Антуана Бургундского в битве при Азенкуре, после чего герцогство Люксембург вернулось под контроль местной династии.

Библиографические ссылки

1. *Bertholet J.* Histoire ecclésiastique et civile du duché de Luxembourg et du comté de Chiny : en 8 t. Luxembourg : A. Chevalier, 1743. T. 7.

2. *Boffa S.* Antoine de Bourgogne et le contingent brabançon à la bataille d'Azincourt (1415) // Revue belge de philologie et d'histoire. 1994. T. 72 (2). P. 255–284.

3. Chronique des ducs de Brabante, par Edmond de Dinter : en 3 t. Bruxelles : M. Hayez, 1857. T. 3.

4. Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae. Brünn : Mährischen Landesausschusses, 1903. Bd.14.

5. Corpus universel diplomatique du droit des gens; par Mr. J. Dumon, baron de Carels-Croon : en 8 t. Amsterdam : Chez P. Brunel, R. et G. Wetstein, les Janssons Wacsberge et l'Honoré Chatelain; La Haye: Chez P. Husson et Ch. Levrier, 1726. T. 2. Pt. 1.

6. *Depreter M.* Le prince face à l'artillerie communale dans les Pays-Bas au début du XVe siècle : Flandre, Brabant, Hainaut // Autour d'Azincourt : une société face à la guerre (v. 1370 – v. 1420). Sous dir. A. Marchandisse, B. Schnerb. Villeneuve d'Ascq : Revue du Nord, 2017. P. 285–304.

7. *Gachard L. P.* Liste des documents concernant le duché de Luxembourg qui existent dans la trésorerie des chartes de l'Empire, aux archives de cour et d'État, à Vienne, et dans la trésorerie des chartes de la couronne de Bohême, à Prague // Compte-rendu des séances de la commission royale d'histoire. Bruxelles : Hayez, 1864. Série 3. T. 6. P. 223–228.

8. *Mund S.* Antoine de Bourgogne, prince français et duc de Brabant (1404–1415) // Revue belge de philologie et d'histoire. 1998. T. 76 (2). P. 319–355.

9. *Wurth-Paquet Fr.-X.* Chartes de la famille de Reinach déposées aux archives du Gran-duché de Luxembourg // Publications de la Section historique de l'Institut royale grand-ducale de Luxembourg. Année 1879. Luxembourg : V. Buck, 1879. T. 30. P. 1–796.

10. *Wurth-Paquet Fr.-X.* Table chronologique des chartes et diplômes relatifs a l'histoire de l'ancien pays

de Luxembourg. Règne de Wenceslas II, roi de Romaims et de Bohême, duc de Luxembourg et Comte de Chiny. 8 décembre 1383 – 16 août 1419 // Publications de la Section historique de l'Institut constitué sous le protectorat de Sa Majeste le Roi Grand-Duc. Année 1869–1870. Luxembourg : V. Buck, 1870. Ser. 2. T. 25. P. 1–238.

БРЕТОНСКИЙ КРИЗИС 1488–1492 ГГ. И НАЧАЛО ИТАЛЬЯНСКИХ ВОЙН

Д. В. Мазарчук

Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь, bande_nere@mail.ru

Статья посвящена международным аспектам Бретонского кризиса – попытки Бретани отстоять свою независимость от центрального французского правительства. Рассмотрены основные аспекты английского участия в Бретонском кризисе; прослежена эволюция подходов английского правительства: проект прямого военного вмешательства на стороне самостоятельной Бретани, благожелательный для Франции нейтралитет, военная и дипломатическая поддержка самостоятельной Бретани и попытки организации там английского плацдарма, масштабная военная экспедиция на территорию Франции. Сделаны выводы о значении Бретонского кризиса как узла противоречий, на базе которых сформировались основные стратегии участников будущих Итальянских войн. Показано содержание английской стратегии: игра на противоречиях двух «великих держав».

Ключевые слова: международные отношения; история дипломатии; Англия; Франция; Бретань; Итальянские войны; Этапльский договор.

BRETON CRISIS OF 1488–1492 AND THE BEGINNING OF ITALIAN WARS

D. Mazarchuk

Graduate School of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus, bande_nere@mail.ru

The article is devoted to the international aspects of the Breton crisis – Bretagne's attempts to defend its independence from the central French government. The main aspects of the England's participation in the Breton crisis are considered; the evolution of the approaches of the England's government is traced: a project of direct military intervention on the side of independent Bretagne, favorable neutrality for France, military and diplomatic support of independent Bretagne and attempts to organize an English Pale there, a large-scale military expedition inside the French territory. Conclusions are made about the significance of the Breton crisis as a knot of contradictions, on the basis of which the main strategies of the participants in the future Italian wars were formed. The content of the English strategy is shown: a game on the contradictions of the two «great powers».

Keywords: international relations; diplomatic history; England; France; Bretagne; Italian wars; treaty of Etaples.

Итальянские войны 1494–1559 гг. представляют собой значимое событие в истории международных отношений. В это время на территории Апеннинского полуострова шло противостояние «великих держав», которые не только вели между собой вооружённую борьбу за отдельные области Италии (Неаполь, Милан), но соперничали за роль ведущей западноевропейской силы. На протяжении нескольких десятилетий политические рокировки сопровождались сложными переговорами и запутанными альянсами, поэтому период Итальянских войн был крайне продуктивным для развития не только военного искусства, но и дипломатии.

Традиционно большое внимание в историографии уделяется начальным этапам Итальянских войн, прежде всего походу короля Карла VIII на Неаполь (1494–95 гг.). Именно это событие послужило катализатором начала более чем двухсотлетней борьбы Франции и комплексной политии дома Габсбургов за гегемонию в Западной Европе. Несмотря на признание важнейшего значения событий конца XV в. в историографии, как правило, упускается роль Англии в разгорающемся общеевропейском конфликте [6, p. 24–25]. Между тем, как отметил Ю. Е. Ивонин, именно участие Англии (равно как и Священной Римской империи) позволяет называть Итальянские войны первым общеевропейским конфликтом [20, с. 40].

Очевидно, что если поводы для начала системных конфликтов могли дать династические либо территориальных притязания, то их содержанием была исключительно борьба за гегемонию в масштабах зарождающейся капиталистической мир-экономики. Полагаем, что ключевым маркером для выделения исторических причинно-следственных связей общеевропейского конфликта является формирование основного круга его участников. Речь идёт не о сумме политических акторов, связанных конъюнктурой субъективных и объективных интересов. Мы говорим о более сложной и вместе с тем не всегда осознаваемой связи, определяющей логику межгосударственных отношений в рамках общеевропейского конфликта.

Один из исторических конфликтов, непосредственно предшествовавший началу Итальянских войн, был связан с борьбой за влияние на герцогство Бретонское.

После гибели в 1477 г. Карла Смелого и последующего раздела «бургундского наследства» Бретань оставалась крупнейшим самостоятельным княжеством в пределах Французского королевства. Специфика её пограничного географического положения вела к тому, что «в 1480-х годах Бретань была обречена на поиски компрометирующих её союзников за пределами королевства» [21, с. 100].

На протяжении 1485–1492 гг. установление контроля над герцогством было предметом неустанной заботы французского правительства. На первой стадии регентша Анна де Божё осуществляла поддержку профранцузских кругов среди бретонской элиты, в итоге завершившуюся прямым военным вмешательством. После смерти в августе 1488 г. последнего герцога из дома Дрё-Монфоров началась вторая стадия конфликта, связанная с попытками навязать юной герцогине Анне брак с французским королём Карлом VIII. Завершение конфликта было оформлено браком Анны и Карла (6 декабря 1491 г.) и Этапльскими миром между Англией и Францией (3 ноября 1492 г.).

Начало конфликта в Бретани связано с участием герцога в мятеже высшей французской знати против центрального правительства (т. н. Безумная война). С самого начала конфликт содержал внешнеполитический аспект: английский король Ричард III намеревался оказать герцогу военную помощь. В этих условиях объявленный новым королём из династии Тюдоров нейтралитет даже несмотря на поддержку мятежников извне фактически нарушал баланс сил в пользу французского правительства [6, p. 17].

В целом на первой стадии Бретонского кризиса официальной линией поведения английского короля Генриха VII было посредничество в установлении мира между герцогом Бретонским и французским правительством [5, p. 380–382; 13, p. 232–235]. Единственным активным вмешательством англичан в Бретонский кризис на первой стадии стала снаряжённая лордом Скейлсом военная экспедиция,

частный характер которой подчёркивал сам Генрих VII в своём письме французскому собрату (от 27 мая 1488 г.) [4, p. 238].

Военная победа французов и последовавшая вскоре после этого смерть герцога Бретонского изменили содержание конфликта. Теперь основная борьба велась между двумя основными претендентами на руку юной герцогини Анны – бургундским герцогом Максимилианом и французским королём Карлом VIII.

В этих условиях английская внешняя политика вернулась к традиционной линии изоляции династии Валуа путём установления альянсов с Бретанью и Бургундией (теперь – бургундских владений рода Габсбургов) [5, p. 379; 6, p. 16; 8, p. 887].

Помимо Англии и Священной Римской империи (в лице наследника Максимилиана Габсбурга) ещё одним участником конфликта стали испанские королевства, правители которых преследовали цель добиться от Франции уступки спорных областей Руссильона и Сердани [2, p. 50–51; 3; 15, s. 264–265].

На протяжении второй стадии Бретонского кризиса Англия, Испания и эрцгерцог Максимилиан дважды создавали направленные против Франции коалиции, роль связующего звена в которых играла Бретань [16, p. 415; 17, p. 85].

Основанием для английского участия в конфликте являлся подписанный 10 февраля 1489 г. в Редоне англо-бретонский договор [10, p. 199–202]. В первую очередь, договор закрепил обещание в случае необходимости английской помощи герцогине Анне в составе 6 тысяч солдат. Оплату на их содержания брала на себя герцогиня. Кроме того, Анна обязалась испрашивать у Генриха VII согласия на свой брак и на союзы с другими государями. Эти статьи прямо оспаривали сеньориальные права французского короля. В качестве гарантии исполнения бретонским правительством обязательств предусматривалась возможность передачи английскому королю по его выбору двух городов в Бретани из приведённого списка. Их укрепления и гражданская администрация должна была перейти под английский контроль, все налоги – идти в английскую казну [см.: 7, p. 349].

Именно Англия являлась наиболее активным участником антифранцузских коалиций. При этом Генрих VII какое-то время поддерживал «собственного» претендента на руку герцогини Анны – гасконского аристократа Алэна д'Альбре. Несколько раз (весна 1488, лето 1490, весна 1491 г.) английские военные контингенты высаживались в Бретани и активно действовали там против французов и их сторонников. По мнению Дж. Каррина, военная кампания в Бретани могла рассматриваться английским королём как первый шаг на пути возвращения утраченных ранее территорий на континенте [5, p. 389].

Однако военная удача оказалась на стороне французов. После капитуляции бретонских войск и вынужденного брака герцогини Анны с французским королём коалиция фактически распалась. Несмотря на это Генрих VII объявил о своих притязания на французский трон и приступил к подготовке армии и флота. В своём выступлении перед Парламентом в октябре 1491 г. король провёл разграничение между прежней помощью Бретани и планируемой кампанией: «Целью той войны была защита прав другого, цель этой – восстановление нашего собственного права» [19, с. 62].

Вторжение на континент осенью 1492 г. следовало традиционному для Плантагенетов курсу на восстановления англо-французской монархии, и даже прямо являлось повторением экспедиции Эдуарда IV (1475 г.). Планы и действия английских войск говорят о том, что целью кампании был захват Булони – стратегически важного опорного пункта у морского побережья (при Эдуарде IV –

захват Амьена). Присоединение Булони расширило бы пределы английского Пэйла на континенте, создав удобный плацдарм для последующего вторжения в Нормандию.

Присутствие в английской армии самого короля свидетельствует в пользу серьёзности этих намерений [6, p. 21–22]. Кроме того, численность английского экспедиционного корпуса (1600 кавалеристов и 25 тыс. пехотинцев) превышала войска Эдуарда III и Генриха V, с успехом действовавшие на континенте во время Столетней войны [1, p. 229; 18, p. 84].

Впрочем, осознав, что Булонь хорошо укреплена и кампания затягивается, Генрих VII поддержал стремление Карла VIII к миру, который был заключён в кратчайшие сроки. По условиям соглашения в Этапле между двумя королевствами были установлены «мир, перемирие и хорошая дружба» [11, p. 51–54; 14, p. 629–630]. Проведя в кампании немногим больше месяца, английская армия отступила в Кале и вскоре вернулась на родной остров.

Примирение Карла VIII с прочими внешними участниками борьбы за «бретонское наследство» было оформлено другими межгосударственными соглашениями, которые могут расцениваться как уступки со стороны Франции. В итоге, Барселонский мир с Испанией и Санлисский мир с империей, а также Этапльский мирный договор с Англией создали условия, благоприятные для вторжения французской армии на Апеннинский полуостров летом 1494 г. [22, с. 68–69]. Именно с экспедиции Карла VIII на Неаполь берут начало Итальянские войны, основной круг участников которых сформировался в предшествующих конфликтах. Таким образом, Бретонский кризис явился тем узлом противоречий, который подготовил формирование противостоящего Франции блока держав – Испании и империи. Династические союзы Габсбургов и Трастамара лишь закрепили биполярную систему расстановки сил в Западной Европе. После объединения владений этих двух семей в руках Карла Габсбурга французскому государству пришлось столкнуться с сильнейшим препятствием на пути к европейской гегемонии.

Что касается тюдоровской Англии, то для неё участие в Бретонском конфликте явилось закономерным шагом на пути утверждения Генриха VII среди прочих христианских государей. Англия продемонстрировала свои возможности как реальной военной силы, а значит и как полноценного участника дипломатических пертурбаций. Не случайно по замечанию ряда историков военные действия в 1492 г. вывели Англию на арену межгосударственных отношений, продемонстрировав то, что островное королевство является частью Европы [9, p. 25; 12, p. 49]. Внешним признаком такой «реабилитации» английской монархии после окончания Столетней войны и сложностей утверждения на троне новой династии Тюдоров стала договорённость о браке между наследником Генриха VII и испанской инфантой Катериной Арагонской (1489 г.).

С одной стороны, Этапльский мирный договор 1492 г. завершил длительную историю «анжуйского наследства» на континенте – притязаний английских монархов на континентальные владения в Гийени, Нормандии и т. д. С другой стороны, посредством активного участия в конфликте вокруг Бретани Англия обозначила свою роль как участника (хоть и второстепенного) будущего общеевропейского конфликта.

Правление второго короля из династии Тюдоров показало, насколько умело английское правительство использовало противоречия и конфликты между Валуа и Габсбургами (до 1516 г. – Трастамара) для реализации собственных интересов. В целом участие Англии в Итальянских войнах свелось даже не к маневрированию

между двумя основными их участниками, а к умелому манипулированию ими. Условия для реализации подобной политики были заложены в период Бретонского конфликта 1485–92 гг., который с полным основанием можно назвать предтечей Итальянских войн 1494–1559 гг.

Библиографические ссылки

1. *Bridge J. S. C.* A History of France from the Death of Louis XI. – Vol. 1. Reign of Charles VIII. Regency of Anne of Beaujeu. 1483–1493. Oxford : Clarendon Press, 1921.
2. *Busch W.* England under the Tudors: King Henry VII (1485–1509). N. Y. : Burt Franklin, 1895.
3. *Calmette J.* La politique espanole dans da crise de l'indépendance bretonne (1488–1492) // Revue historique. 1914. T. 117. P. 168–182.
4. Correspondance de Charles VIII et ses conseillers avec Louis II de La Trémoille pendant le Guerre de Bretagne / Ed. L. de la Trémoille. P. : Grimaud, 1875.
5. *Currin J. M.* «The King's Army into the Partes of Bretaigne»: Henry VII and the Breton Wars, 1489–90 // War in History. 2000. Vol. 7. P. 379–412.
6. *Currin J. M.* England's International Relations 1485–1509: Continuities amidst Change // Tudor England and Its Neighbours. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2005. P. 14–43.
7. *Currin J. M.* Henry VII and the Treaty of Redon (1489): Plantagenet Ambitions and Early Tudor Foreign Policy // History. 1996. Vol. 81. P. 343–358.
8. *Currin J. M.* Persuasions to Peace: The Luxembourg–Marigny–Gaguin Embassy and the State of Anglo-French Relations, 1489–90 // English Historical Review. 1998. Vol. 113. P. 882–904.
9. *Elton G. R.* England under the Tudors. 3rd ed. N. Y. : Routledge, 1991.
10. Foedera, conventiones, literæ, et cujuscunque generis acta publica, inter reges Angliæ et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates… / Ed. T. Rymer. 3a ed. T. 5.3. Hagae : Johannes Neaulm, 1741.
11. Foedera, conventiones, literæ, et cujuscunque generis acta publica, inter reges Angliæ et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates… / Ed. T. Rymer. 3a ed. T. 5.4. Hagae : Johannes Neaulm, 1741.
12. *Giry-Deloison C.* France and England at Peace, 1475–1513 // Contending Kingdoms: France and England, 1420–1700. Aldershot : Ashgate, 2008. P. 43–60.
13. *Giry-Deloison C.* Henry VII et la Bretagne: aspects politiques et diplomatiques // Bretagne: Terre d'Europe. Brest : Société archéologique du Finistère, 1992. P. 223–242.
14. *Godefroy Th.* Histoire de Charles VIII, roy de France, par Guillaume de Jaligny, André de la Vigne et autres Historiens de ce temps-là. P. : Sebastien Mabre-Cramoisy, 1684.
15. *Kubiaczyk F.* Między wojną a dyplomacją. Ferdynand Katolicki i polityka zagraniczna Hiszpanii w latach 1492–1516. Kraków : UNIVERSITAS, 2010.
16. *Potter D. L.* Redon, Treaty of (1489) // Historical Dictionary of Tudor England, 1485–1603. Westport, Conn. : Greenwood, 1991. P. 415–416.
17. *Temperley G.* Henry VII. – L. : Constable and Company, 1917.
18. *Trim D. J. B.* «Knights of Christ»? Chivalric Culture in England, c.1400–c.1550 // Cross, Crown and Community: Religion, Government and Culture in Early Modern England, 1400–1800. Bern : Peter Lang, 2004. P. 77–112.
19. *Бэкон Ф.* История правления короля Генриха VII. М.: Наука, 1990.
20. *Ивонин Ю. Е.* Международные отношения в Западной и Центральной Европе XVI в. Очерки. Смоленск : СГПУ, 2001.
21. Ле Руа Ладюри Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460–1610. М. : Международные отношения, 2004.
22. *Мазарчук Д. В.* Первая Итальянская война и межгосударственные отношения в Западной Европе в конце XV в. Минск : Беларуская навука, 2021.

ЭВАЛЮЦЫЯ ВЫВУЧЭННЯ АСОБЫ ФРАНЦЫСКА АСІЗСКАГА Ў ГІСТАРЫЯГРАФІІ КАНЦА XIX – ПАЧАТКУ XXI СТАГОДДЗЯЎ

А. А. Рахоўская

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, г. Мінск, Беларусь, elenarahovskaya99@mail.ru

У артыкуле на прыкладзе некалькіх гістарычных прац разглядаецца трансфармацыя падыходаў даследчыкаў да вывучэння біяграфіі Святога Францыска Асізскага, заснавальніка ордэна францысканцаў, у перыяд з канца XIX ст. да сучаснасці. У якасці крыніц аўтар выкарыстоўвае знакавыя працы для англа- і рускамоўнай францысканскай гістарыяграфіі. Робяцца высновы аб эвалюцыі даследчыскай парадыгмы ад класічнай біяграфіі да вывучэння стварэння і функцыянавання вобраза Францыска ў грамадскай свядомасці з сярэднявечча да нашых дзён.

Ключавыя слова: францысканская гістарыяграфія; Францыск Асізскі; вобраз у гісторыі; біяграфія.

ЭВОЛЮЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ФРАНЦИСКА АССИЗСКОГО В ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Е. А. Раховская

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, elenarahovskaya99@mail.ru

В статье на примере нескольких исторических трудов рассматривается трансформация подходов исследователей к изучению биографии святого Франциска Ассизского, основателя францисканского ордена, в период с конца XIX в. до современности. В качестве источников автор использует знаковые для англо- и русскоязычной францисканской историографии работы. Делаются выводы об эволюции исследовательской парадигмы от классической биографии к изучению создания и функционирования образа Франциска в общественном сознании со времен Средневековья до наших дней.

Ключевые слова: францисканская историография; Франциск Ассизский; образ в истории; биография.

EVOLUTION OF RESEARCH OF THE PERSON OF ST. FRANCIS OF ASSISI IN HISTORIOGRAPHY OF LATE XIX – EARLY XXI CENT.

A. Rahovskaya

Belarusian State University, Minsk, Belarus, elenarahovskaya99@mail.ru

The article examines the transformation of researchers' approaches to studying the biography of St. Francis of Assisi (the founder of the Franciscan Order) in the period from the end of the XIX century to the present, using the example of several historical papers. The author uses prime papers for English- and Russian-speaking Franciscan historiography as sources. The conclusions are drawn on the evolution of the research paradigm from classical biographies to the study of the creation and functioning of the image of St. Francis in the public consciousness from the Middle Ages to the present.

Keywords: Franciscan historiography; Francis of Assisi; image in history; biography.

Францыск Асізскі сёння з’яўляецца адным з самых папулярных святых у масавай культуры. На бытавым узроўні пазнання гісторыі ў Св. Францыску бачаць першавесніка Рэнесанса, рэфарматара, сацыяліста, рамантычнага героя і нават экалагіста. Вобраз Францыска заўсёды быў прыцягальны сваёй неардынарнасцю: пра яго захоплена пісалі гісторыкі, філосафы, рэлігіязнаўцы, публіцысты, ён натхняў мастакоў і музыкантаў. Адсылкі на гісторыю Францыска з’яўляюцца ў творах сучасных пісьменнікаў – італьянскага Джані Д’элія, чэшскага Мілана Кундэры і беларускіх Людмілы Рублеўскай і Дануты Бічэль, і нават у рэп-выканаўцы Oxxxymiron-а. А такая значная асоба для XX ст., як М. Тэтчар сваю першую прамову ў якасці прэм’ер-міністра пачала з цытаты Францыска Асізскага.

Даследванні гісторыі францысканскага ордэна распачаліся с вывучэння асобы Святога Францыска і яго біяграфіі. Сярод прац такога тыпу выразна вылучаюцца два напрамкі. Першы напрамак зарадзіўся адразу пасля смерці святога ў выглядзе агіяграфічнага жанру, прадстаўнікі якога працягвалі прытрымлівацца рэлігійных прынцыпаў і ў XX ст. Напрыклад, у XX ст у межах агіяграфічнай традыцыі жыццяапісання Францыска з’явіліся працы М. Сціко і Ф. Рэаці [1; 2].

Прадстаўнікі ж другога напрамку імкнуліся пазбавіцца ад ранейшых стэрэатыпаў у інтэрпрэтацыі поглядаў на Францыска. Асаблівае месца сярод такіх прац заняло сачыненне пратэстанцкага пастара Поля Сабацье «Жыццё Францыска Асізскага», выдадзенае ў 1893 г. і перакладзенае ў 1895 г. на рускую мову [3]. Праца выклікала неадназначную рэакцыю грамадства, з аднаго боку, за яе Сабацье быў намініраваны на Нобелеўскую прэмію па літаратуры, а з другога, яна трапіла ў Індэкс забароненых кніг. Сабацье ўпершыню пры напісанні біяграфіі Францыска Асізскага надаў асаблівую ўвагу крыніцазнаўчаму боку даследавання і стварыў падрабязную класіфікацыю крыніц, на падставе якіх будаваў сваю працу. У прадмове да сваёй кнігі Сабацье выступіў з крытыкай пазітывісцкіх падыходаў да гісторыі, падкрэсліў немагчымасць поўнай дакладнасці гістарычных твораў, бо ў любым выпадку на іх адбіваецца аўтарскае «я». І тут жа выклаў сваё бачанне місіі гісторыка, напрыклад, гэтую працу Сабацье напісаў, каб чытач палюбіў Св. Францыска, гэтая акалічнасць і абумовіла тэндэнцыёзнасць вобраза Францыска ў дадзеным даследаванні (Францыск у Сабацье пакутнік, а яго жыццё – гэта драма асобы, якая знаходзіцца ў супярэчнасцях з грамадствам і самой сабой). Таксама вызначальнай для далейшага лёса жыццяапісанняў Францыска стала выказаная Полем Сабацье незадаволенасць працай сваіх папярэднікаў – «афіцыйных каталіцкіх гісторыкаў», якія, на яго думку, сваімі «ўпрыгожваннямі заставілі забыць сапраўднага Францыска». Гэтая ідэя была падхоплена наступнымі гісторыкамі і доўгі час біёграфы Францыска шукалі «сапраўдную асобу» пад шматлікімі рэлігійнымі інтэрпрытацыямі яго жыцця. Яшчэ адной навацыяй у даследаванні П. Сабацье была спроба прасачыць не толькі рэлігійныя, але і палітычныя аспекты францысканскага руху.

На скрыжаванні агіяграфічнага і навуковага падыходаў змяшчаецца нарыс аб Св. Францыску, напісаны публіцыстам Г.К.Чэстартанам у пачатку XX ст., у якім аўтар паспрабаваў сумясціць рэлігійнасць і рацыяналізм [4]. Мэтай Чэстартана было зрабіць жыццё Францыска зразумелым для «дапытлівага сучаснага чытача», таму ў сваім нарысе ён адлюстраваў шлях Францыска ад жыцця звычайнага чалавека да святасці.

Аўтар вызначыў актуальнасць свайго даследавання ў сацыяльным і маральным, а не рэлігійным плане, кажучы пра тое, што св. Францыск апярэдзіў многае, што ёсць добрага ў сучасным свеце. Аднак Чэстартан стварыў усё ж рамантызаваны вобраз святога, літаратар падкрэсліваў летуценнасць і наіўнасць

Францыска, праводзіў паралелі паміж ім і «высакароднымі рыцарамі». Такім чынам, Чэстартан стварыў «сучаснае жыціе» святога [5, с. 114–115].

У расійскай гістарыяграфіі ўсплёск цікавасці да фігуры Францыска назіраўся ў канецы XIX – пачатаку XX стст. у сувязі з выхадам працы Сабацье. Таму цалкам звычайна, што ў рабоце «Францыск Асізскі. Яго жыццё і грамадская дзейнасць» (1896 г.) рускай журналісткі Эміліі Кірылаўны Піменавай назіраецца ўплыў П. Сабацье. Праца напісана ў біяграфічным жанры і канцэнтруецца на постаці Францыска, яго характары і вытоках яго духоўнасці [6]. Уладзімір Іванавіч Гер'е ў больш навуковым творы «Францыск апостал галечы і любові» (1908 г.) засяроджваецца на аскетызме святога і спрабуе ўпісаць яго фігуру ў гістарычны кантэкст [7].

Вынік шматлікім даследванням аб Францыску ў класічным біяграфічным жанры падвяла праца Жака Ле Гофа «Святы Францыск Асізскі», выдадзеная ўпершыню на італьянскайй мове ў 1967 г., аднак на французскую мову яна была перакладзена толькі ў 1999 г., а на ангельскую ўвогуле ў 2004 г. Ле Гофф імкнуўся з дапамогай культуралагічнай метадалогіі на аснове крытычнага даследавання крыніц і гістарыяграфіі паказаць асобу Францыска ў сацыяльна-культурным кантэксце сярэдневечча [8].

У асобную групу можна вылучыць працы гісторыкаў сярэдзіны XIX – пачатку XX стст., якія разглядалі асобу Францыска ў кантэксце культуры Адраджэння. Навукоўцы, якія працавалі ў дадзеным рэчышчы, бачылі ў Св. Францыску рысы новага чалавека рэнесанснага тыпу. Так, Жуль Мішле ў сярэдзіне XIX ст. выказаў ідэю, згодна з якой пераход ад Сярэднявечча да Адраджэння ўвасабляецца ў Францыску. Гісторык разглядаў святога як асобу, якая ўвабрала ў сябе ўсе сацыяльныя і палітычныя супярэчнасці эпохі. Генрых Тодэ ўвогуле імкнуўся ўказаць на ролю святога Францыска ў працэсе секулярызацыі свядомасці і грамадства ў працы «Францыск Асізскі і пачатак рэнесанснага мастацтва ў Італіі» (1885 г.) [9, с. 52–53]. З гэтай плеяды якасна вылучаецца рускі гісторык Пётр Міхайлвіч Біцылі. У сваіх працах ён прыйшоў да высновы, што хоць «новая культура ў згорнутым выглядзе» ўжо праглядалася ў асобе Св. Францыска Асізскага, але сам святы не думаў ні аб якім «адраджэнні» і не шукаў новага шляху да Бога [9, с. 54].

Адыход ад класічнага жыццяапісання Францыска адлюстраваны ў працы Андрэ Вашэ «Францыск Асізскі: жыццё і па-за труннае жыццё сярэднявечнага святога» (2009 г., у перакладзе на ангельскую 2012 г.) [10]. Даследчык звярнуў увагу на «ласкутнасць» папярэдніх работ, у якіх гісторыкі не звярталі ўвагу на спецыфіку, кантэкст і мэты стварэння выкарыстаных імі агіяграфічных крыніц, з-за чаго, нават насуперак сваім жаданням «адшукаць сапраўднага Францыска», стваралі штучны вобраз Асізскага святога. Сам А. Вашэ ўвогуле ставіць пад сумніў магчымасць знайсці рэальнага Францыска пад усімі наслаеннямі гісторыі. Улічваючы гэтую акалічнасць, Вашэ робіць акцэнт на аналізе сачыненняў самога Францыска для раскрыцця яго асобы, а таксама асобна разглядае яго «замагільнае жыццё» – стварэнне і эвалюцыю вобраза святога ад сярэднявечча да нашых дзён. І такім чынам, аўтар закладае новы вектар у развіцці даслетванняў аб Францыске – даследванне не самога святога, але яго вобраза ў гісторыі.

Таксама з незвычайнага боку разглядаецца жыццё і дзейнасць Францыска ў кнізе прафесара канадскага ўніверсітэта Святога Францыска Ксаверыя Доны Трэмбінскі «Хвароба і ўлада: інваліднасць у жыцці і жыціях Францыска Асізскага». У гэтай працы 2020 г. аўтар падае жыццёвы вопыт святога праз прызму інваліднасці, яна імкнецца праілюстраваць, як хваробы стварылі перашкоды для

Францыска пры ажыццяўленні ўлады ў заснаваным ім ордэне і ўвогуле ў царкоўнай іерархіі [11].

У рускай гістарыяграфіі пераход ад класічнай біяграфіі Францыска да разгляду яго вобраза ў гісторыі зрабіла Энжэ Дусаева. У 2004 г. яна абараніла дысертацыю, дзе разгледзіла фарміраванне вобраза Францыска ў заходнееўрапейскай культуры, аднак толькі на прыкладзе «Вялікай Легенды» Банавентуры і цыкле фрэсак Джота [12].

Развіццё новага напрамаку ў даследваннях аб Францыску Асізскім працягваецца ў манаграфіі А. Каўцовай «Францысканскі ордэн: ад апостальскага руху да вучонай карпарацыі (Францыя, XIII ст.)» (2018 г.) [13]. Галоўная тэма працы – станаўленне ордэна як вучонай супольнасці і эвалюцыя адносін францысканства да навукі. Аднак у першай частцы манаграфіі «Набожная легенда аб Францыску Асізскім» Краўцова не спрабуе знайсці «сапраўднага» Францыска і нават не паказаць яго жыццё ў кантэксце эпохі, а разглядае стварэнне вобраза Францыска як сумы поглядаў аўтараў жыццяў святога. А. Краўцова параўноўвае адлюстраванне адных і тых жа падзей з біяграфіі Францыска ў яго жыццях, створаных рознымі аўтарамі ў розныя часы і на гэтай падставе праводзіць сувязі паміж зменай палітычнай кан’юктуры, тэалагічнымі спорамі ў ордэне і Каталіцкай царкве і трансфармацыямі вобраза святога.

Аднак у той жа час на рускамоўнай прасторы ў 2018 г. у серыі «Жизнь замечательных людей» выдаецца праца Ганны Вятлугінай «Францыск Асізскі», якая стаіць бліжэй да класічнай біяграфічнай парадыгмы, хоць уплыў трактовак А. Вашэ ў ёй таксама відавочны, але толькі на інтэрпрытацыю фактаў біяграфіі святога, а не на мэты даследвання [14]. Так, Г. Вятлугіна ўсё яшчэ разглядае менавіта «зямное жыццё» Францыска ў гістарычным кантэксце сярднявечча, на фоне шырокіх сацыяльных, палітычных і духоўных працэсаў з гісторыі Італіі другой паловы XII–XIII стст. Цікавасць і «свежасць» даследаванню надае зварот аўтаркі да метадаў псіхалогіі, засяроджванне ўвагі на сямейным асяроддзі будучага святога і пошук прычын яго духоўнага павароту менавіта ў дзяцінстве і выхаванні Францыска.

Такім чынам, на працягу XIX–XX стст. даследаванні жыцця Францыска Асізскага адбываліся ў рэчышчы класічнай біяграфіі. Францісканаведы даследвалі аспекты зямной дзейнасці святога, спрабавалі знайсці «сапраўднага» Францыска пад спецыфічнымі агіяграфіцнымі скажэннямі і ўпісаць яго постаць у гістарычны кантэкст эпохі, у якой ён жыў. У XXI ст. назіраецца адыход ад такіх прынцыпаў напісання біяграфій святога, ён шмат у чым абумоўлены вычарпанасцю класічнай біяграфічнай парадыгмы, бо як пісала Дона Трэмбінскі (аўтар жыццяапісання Францыска праз прызму інваліднасці): «Калі я сказала калегам-медыявістам, што пішу кнігу пра святога XIII ст. Францыска Асізскага, большасць застагнала і сказала: “Нам не патрэбна яшчэ адна кніга пра Францыск”» [11].

Сёння істотна новай перспектыўнай тэмай даследаванняў, якая вылучылася з біяграфіі, з’яўляецца так званае «пазатручнае жыццё» Францыска, то бок стварэнне, эвалюцыя і прычыны трансфармацый вобраза святога на працягу ад сярэднявечча да нашых дзён. А разам з гэтым і пашырэнне такога падыходу на даследванні ўсяго францысканскага ордэна, то бок вывучэнне яго рэпрэзентацыі ў грамадскай свядомасці ў розныя гістарычныя перыяды.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Стикко М.* Святой Франциск Ассизский. Милан : Христианская Россия, 1990.

2. *Реати Ф.* Франциск – учитель молитвы. М. : Издательство Францисканцев, 2000.

3. *Сабатье П.* Жизнь Франциска Ассизского. М. : Посредник, 1895.

4. *Честертон Г. К.* Святой Франциск Ассизский // Вечный человек. М.: Эксмо; СПб. : Мидгард, 2004. С. 7–102.
5. *Козырева М. А.* «Святой Франциск Ассизский» Г. К. Честертона. Жанровые особенности // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 113–115.
6. *Пименова Э. К.* Франциск Ассизский. Его жизнь и общественная деятельность // Будда Шакьямуни. Конфуций. Мухаммед. Франциск Ассизский. 2-е изд. Челябинск : Урал, 1998. С. 237–319.
7. *Герье В. И.* Франциск. Апостол нищеты и любви. Биография Святого Франциска Ассизского. Изд. 3-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
8. *Le Goff J.* Saint Francis of Assisi. London & New York: Routlege, 2004.
9. *Курамшина Ю. В.* Франциск Ассизский и истоки Возрождения в творчестве П. М. Бицилли // Культура народов Причерноморья: научный журнал. 2009. № 164. С. 52–54.
10. *Vauchez A.* Francis of Assisi: the life and afterlife of a medieval saint. New Haven & London: Yale University press, 2012.
11. Cameron-McCarron Sh. New book examines Francis of Assisi through the lens of disability studies [Electronic resource] / Shelley Cameron-McCarron // Medievalists.net. – Mode of access: https://www.medievalists.net/2020/12/francis-of-assisi-disability-studies/. – Date of access: 05.10.2021.
12. *Дусаева Э. М.* Формирование образа Франциска Ассизского в Западноевропейской культуре XIII – н. XIV вв. («Legenda maior» Бонавентуры и цикл фресок Джотто в Верхней церкви Ассизи): автореф. дис. …канд. Культурологии: 24.00.01. М., 2004.
13. *Кравцова Е. С.* Францисканский орден: от апостольского движения к ученой корпорации (Франция, XIII в.). М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018.
14. *Ветлугина А. М.* Франциск Ассизский. М. : Молодая гвардия, 2018.

УНИВЕРСИТЕТ И АНГЛИЙСКИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ВЛИЯНИЕ

А. В. Бубенец

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, 62442426z@gmail.com

Средневековое общество положило начало многим уникальным процессам, которые имеют влияние на сегодняшнюю жизнь. Одним з таких явлений становится появление университетской корпорации, чей статус точно не определен по сей день. Однако ни одно из явлений нельзя рассматривать в разрыве существовавшей иерархической структурой, которым наиболее близким являлся город. В статье производится попытка анализа опыта трех английских университетов эпохи Средневековья и уже устоявшихся городских структур.

Ключевые слова: университет; Кембридж; Оксфорд; Нортхэмптон; средневековый город; школяры.

UNIVERSITY AND MEDIEVAL ENGLISH TOWN: INTERACTION AND INFLUENCE

A. Bubieniets

Belarusian State University, Minsk, Belarus, 62442426z@gmail.com

Medieval society initiated many unique processes that have an impact on today's life. One such phenomenon is the emergence of a university corporation, whose status hasn’t been precisely determined to this day. However, none of the phenomena can be considered in discontinuity by the existing hierarchical structure, to which the city was the closest. The article attempts to analyze the experience of three English universities in the Middle Ages and already established urban structures.

Keywords: university; Cambridge; Oxford; Northampton; medieval city; scholars; authorities.

Принятие нового опыта, коими являются университеты, в консервативном, жестко стратифицированном средневековом обществе является сложным, разносторонним процессом, в данном исследовании затронута тема развития отношений города и университетов в Англии в период XII–XV вв.

Но стоит заранее огласить, что обе составляющие процесса не были в вакууме. Во многом города, а именно, муниципальные власти (бейлифы, шерифы) – это королевские назначенцы. Первые же английские университеты испытывали сильное влияние со стороны церкви, как на финансовом и правовом уровнях, так и в вопросах частной жизни [1]. Служители церкви сопровождали жителя средневековья на всех этапах жизни, поэтому неудивительно, что английское образование переняло способность непрерывного взаимодействие с господствующей религиозной культурой в первую очередь. Университетский статус для горожан в определенные моменты казался неоправданным. В университетских документах содержится множество оскорблений, нанесенных магистрам и студентам горожанами, а также привилегий и иммунитетов, полученных от Папы, Короля или Епископа за счет горожан, от того их отношения становятся все более сложными.

Одним из основных представителем английского образования по сей день считается Оксфорд. Информация об обучении в Оксфорде поступает с 1096 года, в то время как о статусе школы ничего неизвестно. В 1167 году король Англии Генрих II запретил английским студентам обучаться в Сорбонне, что привело к их возвращению на родину, а, следовательно, к тому, что по тем или иным причинам вернувшиеся студенты осели в Оксфорде. Это не могло не сказаться на экономической составляющей города, что приводит к его расширению. В то же время, корпорация магистров и школяров приобретает все более светский вид в связи с упадком монастырей XI–XII вв., отходя от монастырского влияния насколько это возможно [2].

Университет, как было показано выше, находился в сферах влияния, и светской, и церковной властей. Одним из поворотных моментов в истории Оксфорда является бегство студента после инцидента в городе 1209 года, а именно, убийства женщины и казни трех невиновных студентов по приказу английского короля. Так университет покинуло множество клерков, источники приводят цифру около 3000, магистров и школяров. «Некоторые из них отправились изучать гуманитарные науки в Кембридж, некоторые – в Рединг, но Оксфорд остался пустым» [3, p. 250]. Так известны письма шерифу Кембриджа в этот период, как от канцлеров и магистров Оксфорда, так и по приказу епископа Эли.

Само возникновение Кембриджского университета является следствием накопившихся недовольств внутри и вне стен Оксфордского университета. Как и с предшественником появление университета способствует расцвету города. В Оксфорде и Кембридже управление общежитиями и залами ежегодно возобновлялось, регулировались они канцлерами, но арендодателями зачастую выступали сами горожане, за что получали плату.

В 1231 году права кембриджских школяров были закреплены хартией Эдуарда III, но в то же время шерифу давалось право наказывать «дерзких и заносчивых школяров», что стало отходом от принципа контроля канцлерских судов [4, с. 12].

Как можно видеть, первые два английских университета образовались в результате миграции школяров, Нортхемптон не стал исключением. В обоих случаях толчок к началу миграции дали внешние по отношению к учащимся силы

(английский король и горожане). Обе волны миграции по тем или иным причинам остановились в городе.

Английский хронист Томас Улсингем фиксирует противоправное действие, школяров близ Оксфорда в адрес Отто, легата Святого престола, который «...был подвергнут нападению школяров, укрывшихся в колокольне». Данный инцидент в дальнейшем привел к переносу школы(университета) по распоряжению того же легата «об отлучении оксфордских школяров от церкви и прекращении занятий». Студенты и магистры выбрали для продолжения своей деятельности два города – «новый город» Солсбери и Нортхэмптон, соответственно [5, p. 59].

Королевский указ повествует о прибытии школяров и мастеров (преподавателей) в город Норхэмптон с согласия жителей города и самого монарха под защиту последнего, а также «… приказываем вам твердо распорядиться, чтобы вы удерживали школяров, когда они приезжают жить в город, упомянутый выше, как рекомендовано нами, и принимайте их обходительно, и поддерживайте их, как сословие школяров требует; не ставить и не допускать, чтобы им оказывалось какое-либо препятствие, нападение или недовольство ими» [6, p. 158]. Данный документ защищает в тоже время права прибывших в город, выделяя их в отдельную группу населения («сословие школяров»).

Таким образом школяры и мастера становятся частью города, проживая в нем, пользуясь приемом горожан, а также и выносит их в отдельную часть города, позволяя им «упражняться и делать то, что касается их» под охраной королевской власти, а не городской [6]. В тоже время горожане обязаны «удерживать» студентов и преподавателей в городе.

Вторая половина XIII в. и начало XIV в. стала эпохой потрясений для трех университетов. Так Роберт Райт упоминает еврейский скандал 1268 года в Оксфорде, что привело к «побоищу» между студентами и горожанами, а также установлению креста на территории университета за деньги еврейской общины. Формирование колледжей к началу Позднего Средневековья все больше переходит в руки духовенства, а статуты, выдаваемые частными лицами все больше носят формальный характер [7].

Однако к середине XIV века Оксфордский университет предъявил много жалоб на антисанитарные правила в городе и в разное время призывал городскую корпорацию осуществить столь необходимые изменения. В 1339 году университету наконец удалось оказать давление на городские власти, заставив шкурников вести торговлю за пределами городских стен. Университет также выступал за регулярную уборку улиц, что является постоянной проблемой, и настаивал на том, чтобы незагрязненную воду следует использовать для выпечки и пивоварения [8]. Условия в городской тюрьме вызвали обеспокоенность, и университет выступил за отдельное помещение в тюрьме для женщин [9].

Особую роль сыграли события 10 февраля 1355 года. Беспорядки начались, когда двое студентов из Оксфордский университет жаловался на качество вина, подаваемого им в таверне Swindlestock, которая располагалась в центре города, что привело к массовым беспорядкам. После восстания в День святой Схоластики королевская хартия передала надзор за уборкой улиц и содержанием мощения канцлеру, которому было дано право наказывать горожан, не выполняющих свои обязанности в этих вопросах [8]. Этот перенос ответственности за благоустройства на университет предполагает, что опыт муниципальной корпорации в уборке и ремонте улиц был в некоторой степени недостаточным.

Таким образом, Оксфорд в правовом статусе отдалился от города, но в то же время под влиянием церкви усилил свою роль в нем.

Иначе дела обстояли в Кембридже. Здесь ожесточенные конфликты были частью жизни ученых и горожан задолго до беспорядочных событий, произошедших в городе в июне во время Крестьянского восстания 1381 года.

В 1260 году горожане присоединились к конфликту, который возник между южными и северными общежитиями, в результате которого дома обеих сторон были разграблены, а некоторые записи университета были сожжены. По завершении дела король создал комиссию для суда над преступниками, и 16 горожан были казнены, а многие другие с обеих сторон были наказаны с разной степенью суровости. Некоторые из преступников скрылись в убежище, и 28 осужденных южных ученых получили помилование от Генриха III. Группа ученых покинула Кембридж, чтобы присоединиться к группам оксфордских ученых в Нортхемптоне, где предпринималась попытка основать новый университет [5].

В апреле 1270 года Генрих III и лорд Эдвард, наследник престола, посетили Кембридж и были так обеспокоены частыми спорами между горожанами и университетом, тем временем число жалоб росло. Решение было принято через передачу городу контрольно-полицейских функций в Кембридже. С 1270 года была учереждена согласованная комиссия для решения конфликтов, состоящая из 10 человек со стороны города и тринадцати школяров университета, стоит отметить, что такая же комиссия существовала и в Оксфорде с 1214 года, но функции ее ограничивались хозяйственными вопросами.

Но самые тяжелые последствия пришлись на Нортхэмптон. Источник сообщает об обороне Нортхемптона Оксфордскими школярами в ходе второй баронской войны 1264 года между силами группы мятежных баронов во главе с Симоном де Монфором.

Школяры имели больший успех, нежели баронские силы «свой собственный флаг, который они высоко держали против короля», что в последующем настолько разозлило короля, что тот поклялся повесить всех повстанцев [10, p. 266]. В дальнейшем успех в боевых столкновениях, как известно, преобладали на стороне монарха.

Многие силы отступили, причина в документе не раскрывается, город был взят, однако выполнить приказ правителя о наказаниях над повстанцами не удалось, из-за того, что в Нортхэмптонском университете обучались многие дети и родственники приверженцев самого короля [10]. Этот факт дал университету еще один год существования.

Необходимо также подключить к рассмотрению данные из Клоуз Роллз, административных отчетов английской королевской канцелярии, из которых можно вынести информацию от 1 февраля 1265 года. Однако конкуренция с усиливающимся Оксфордским университетом вынудила монарха выдать указ об устранении Нортхэмптонского университета, а также «что бы вы не позволили ни одному студенту остаться там иначе чем, было принято до создания указанного университета», основываясь на том, что Оксфордский университет был более древним и уважаемым [11, p. 527].

Таким образом, объединение школяров с горожанами против короля привело к закрытию Нортхемптона. К XV веку два оставшихся университета пришли разными путями к единому результату – усилению контроля. Оксфорд оказался под влиянием церковных лиц, но имел сильное влияние на жизнь города (контроль рынка, поддержание чистоты улиц, продвижение реформ), в то время как Кембридж попал в сферу совместного управления муниципальных властей и церкви.

Библиографические ссылки

1. *Евсеев В. А.* Некоторые аспекты регулирования частной жизни студентов Оксфорда и Кембриджа в XIV–XV вв. // Вестник Ивановского государственного университета. История. Вып. 4. 2016. С. 5–13.
2. *Cobban A. B.* English university life in the Middle Ages. Ohio State University Press,1999.
3. *Magrath J. R.* The Queen's College. Clarendon Press, 1921.
4. *Гусева М. А.* Контрольно-полицейские полномочия городских властей Кембриджа и университета в XIII веке // Вестник САФУ. Сер. Гуманитарные и социальные науки, 2014. № 1. С. 11–14.
5. *Walsingham Th.* Ypodigma Nevstriæ, vel Normanniæ. L., 1574.
6. *Leach A. F.* Educational Chapters and Documents 598 to 1909. Cambridge : at the University Press, 1911.
7. *Rait R. S.* Life in The Medieval University. Cambrige : at the University Press, 1912.
8. *Cobban A. B.* The Medieval Cambridge Colleges: A Quantitative Study of Higher Degrees to c. 1500 // Journal of the History of Education. № 9. 1980. P. 1–12.
9. *Cobban A. B.* The Medieval English Universities: Oxford and Cambridge to c.1500. L.; N. Y. : Routledge,1988.
10. *Knyghton H.* Chronicon. L. : for H.M. Stationery Off., 1889.
11. Close rolls of the reign of Henry III. Preserved in the Public Record Office. A. D. 1227–1231. L. : for H. M. Stationery Off., 1937.

ИСТОРИЯ СЛАВЯН

ЧЕШСКОЕ ВОССТАНИЕ 1547 ГОДА: ПРИЧИНЫ ПОБЕДЫ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ

Н. С. Соколов

Полоцкий государственный университет, г. Полоцк, Беларусь, 17is.sakalou.m@pdu.by

В статье рассматриваются причины победы короля Фердинанда I Габсбурга над сословиями Чешского королевства (панами, рыцарством, мещанами). На основе актовых и нарративных источников были выявлены действия, предпринятые королём и лишившие сословия возможности сопротивляться.

Ключевые слова: восстание; Чешское королевство; сословия.

CZECH UPRISING OF 1547: REASONS OF THE ROYAL VICTORY

M. Sakalou

Polotsk State University, Polatsk, Belarus, 17is.sakalou.m@pdu.by

The article examines the reasons for the victory of King Ferdinand I of Habsburg over the estates of the Czech kingdom (pans, chivalry, bourgeois). On the basis of act and narrative sources, the actions taken by the king were identified and deprived the estate of the ability to resist.

Keywords: uprising; Bohemian kingdom; estates.

В истории Чехии восстание сословий против короля Фердинанда в 1547 г. является важным событием. По итогам противостояния с сословиями королевская власть одержала победу, и не только не была ослаблена, но, напротив, укрепилась. В историографии вопроса исследователей традиционно интересовали причины и последствия восстания. При этом причины победы Фердинанда, которому удалось не просто подавить сопротивление панов, рыцарства и мещанства без вооружённого столкновения, но и укрепить свою власть, изучены недостаточно.

В историографии XIX – первой половины XX века у чешских (К. Тифтрунк, П. Шульц, И. И. Первольф) и российских (М. К. Любавский, А. Л. Погодин) авторов сложилась мнение о том, что причина пассивности сословий в оказании сопротивления королю была вызвана победой войск императора Карла, брата Фердинанда, в Саксонии [6; 7; 8; 11; 12; 14]. Данное представление сохраняется до сих пор [1]. Альтернативная трактовка объясняет поражение восстания различными интересами, которые преследовали сословия, и отсутствием внятной политической программы. Такого мнения придерживались советские и некоторые российские историки (Г. П. Мельников, К. Т. Медведева) [9; 10].

Рассмотрим причины и обстоятельства победы короля более подробно. Фердинанд Габсбург стал королём после гибели Людовика Ягеллона. Фердинанд предъявил претензии на чешский трон, основываясь на праве своей жены Марии Ягеллон, сестры Людовика, а также на ряд династических договоров между Габсбургами и Ягеллонами. Он желал получить трон как наследственный монарх, что шло вразрез с интересами сословий. Сословия хотели от Фердинанда

сохранения всех своих привилегий, справедливого правления, уплаты долгов Ягеллонов, отказа от объявления наследника престола при жизни монарха и переезда в Чехию. Их также беспокоило стремление Фердинанда занять ещё венгерский трон, поскольку Венгрия воевала с турками. Более того, права венгерский престол предъявил род Запойяи. Это могло привести к необходимости финансовой поддержки венгерских амбиций Фердинанда, чего сословия не желали [4, s. 30]. Фердинанд согласился с требованиями и спокойно короновался [2, s. 255]. Однако, затем король нарушил все данные гарантии. Это вызвало трения между королём и сословиями, которые только усиливались с годами. Последним нарушением, с которым сословия уже не готовы были мириться, стал мандат 1547 года о военной поддержки Чехией войны с Шмалькальденской лигой и участии её сил в военных действиях в Саксонии [3, s. 120; 5 s. 40] Это вызвало возмущение всех сословий. Дальнейшие переговоры ник чему не привели, пока Габсбурги не одержали победу в Саксонии.

Паны и шляхта по зову короля, приехали в Литомержиц, где подтвердили свою верность монарху. Восставшими оставались только горожане, в первую очередь жители Праги. Узнав о случившемся, пражане начали вести переговоры с королём. Результатом стало лишение города привилегий, оружия, коммунальных земель и много другого. Такая участь ждала и остальные города. Помимо них, пострадали отдельные представители панского и рыцарского сословий.

Почему королю удалось одержать победу над восстанием? Прежде всего, следует разобраться в намерениях сословий после созыва ополчения и до битвы при Мюльберге. Следует подчеркнуть, что чехи ни в коем случае не собирались реально воевать со своим монархом. На это было несколько причин.

Во-первых, восстание против божьего помазанника(вне зависимости от конфессии) являлось восстанием против самого Бога. В ситуациях, когда дело доходило до таких восстаний, официально восставшие не выступали против монарха, а действовали в защиту своих прав, для восстановления справедливости. Открытые антикоролевские восстания объяснялись участниками как благое дело, либо совершаемое ради возвращения монарха на праведный путь, либо вызванное его тиранией. Но для последнего необходимы были весомые доводы, которыми в данном случае сословия не располагали.

Во-вторых, силовое сопротивление монарху подрывало его легитимность, а вместе с тем ставило под сомнение и все пожалованные и сделанные им привилегии и назначения

В-третьих, с учётом того, что Фердинанд был избран сословиями, то война против него означала признание сословиями своей же некомпетентности в выборе правителя. Помимо этого, сословия, присягнувшие на верность монарху, представлялись не в лучшем свете.

В-четвёртых, война принесла бы большие разорения всем сословиям, что было им не выгодно.

Поэтому созыв ополчения следует рассматривать как демонстрацию угрозы монарху, что было обычным явлением, но не более того [1, s. 137].

Сословия желали надавить на короля и заставить его соблюдать свои обещания. После победы Габсбургов в Саксонии положение короля оказалось более выигрышным, но не настолько, чтобы монарх мог укрепить свою власть политическом и в экономическом отношении. Более того, в этот момент военное столкновение между монархом и сословиями в этот момент было весьма вероятным. Если бы Фердинанд отказался от переговоров и собрался решить дело силой или если бы он сразу объявил о своих требованиях, это спровоцировало бы

чехов на силовой отпор. Однако, силовое решение проблемы, даже если было достаточно сил для него, было не выгодно королю. Он и его династия приобрели бы репутацию тиранов, чего Фердинанд желал избежать. Поэтому, идя с войском в Чехию, он издал один мандат, в котором опровергал своё нарушение сословных привилегий, выражал приверженность их незыблемости, обещал прощение шляхты и тем самым демонстрировал готовность к переговорам [4. s. 319].

Паны и рыцарство приехали к нему и подтвердили свою верность. Выступление против короля они объясняли обязанностью перед своим государем, совершаемое ими в его благо. Они желали, чтобы король подтвердил сохранность всех привилегий [13, с. 48].

Через несколько дней весть об этих событиях дошла до Праги, которую король не извещал о своих намерениях. Пражане сами отправили послов к королю, призывая его быть милостивым и справедливым христианским государем. Тем самым король ставился в ситуацию, при котором есть только один допустимый вариант развития событий: прощение города. Чтобы выйти из неудобного положения, королю потребовалось немало времени. Он неохотно принимал послов от пражан, оставляя их без решения касательно данной ситуации, но не отказывался от переговоров, хоть постоянно их переносил.

Чтобы показать свою решимость, король подвёл к городу войска и нацелил на него артиллерию. Это привело к военным столкновениям между королевскими войсками и простыми жителями. Тем не менее, король старался удерживать свои войска, повторяя пражанам, что не начнёт войну первым.

Королю удалось заполучить в Праге очень важного союзника: члена магистрата Ольджриха. Тот убеждал жителей города составить королю послание, в котором они отдавали бы себя на милость монарха и соглашались признать все грехи, в которых обвинял их король [13, с. 64]. Несмотря на серьёзное недовольство пражан, Ольджрих привёл весомый аргумент: ландграф Гессенский отдал себя на милость и немилость монарха и в итоге был прощён [13, с. 64].

Послание королю было зачитано во время суда, после чего пражане встали на колени. Благодаря тому же Ольджриху, король ввёл в город войска, которые окружили благородных горожан, пришедших на суд монарха. Они были арестованы и содержались в качестве заложников. Под угрозой расправы, которая после сдачи себя на милость монарха стала легитимной, городская верхушка подписала условия примирения и согласилась на передачу писем к саксонскому курфюрсту, на лишение города привилегий (с возможностью их возвращения по усмотрению монарха), на передачу королю коммунальных земель, а также артиллерии, доспехов и оружия, кроме мечей. Выполнив условия Фердинанда, Прага дала пример и остальным городам, с которыми король повторил тоже самое [13, с. 72, 80].

Многие представители панов и рыцарей испугались действий короля и бежали [13, с. 80]. Этим они дали Фердинанду ещё больше оснований для суда и пыток над некоторыми панами и рыцарями. Подсудимых заставляли подписывать бумаги, в которых они признавали все обвинения, соглашались на пожизненное заключение и передачу всего своего имущества королю. Причина, по которой панское и рыцарское сословия не оказали никакого сопротивление королю, заключается в том, что Фердинанд не направил свой гнев на сословия в целом, а расправлялся с отдельными их представителями. В отличие от городского сословия, у панов и рыцарей не могло быть серьёзной сплочённости, поскольку каждый род преследовал свои интересы. Получалось, что пока монарх не угрожал сословию и его положению в целом, казнь отдельных панов и рыцарей было даже

выгодно остальным, поскольку устраняло соперников.

Таким образом, король Фердинанд, использовав тогдашние правила игры, смог из выйти из достаточно серьёзного кризиса и сумел хотя и не победить сословия полностью, укрепить свою власть. Фердинанду удалось представить свои действия законными и тем самым лишить сословия возможности законного отпора.

Библиографические ссылки

1. *Maťa P.* Obranný spolek českých stavů z roku 1547. Poznámky k chronologii, právní terminologii a logice stavovského hnutí // Dějiny – teorie – kritika. 2017. № 1. S. 78–138.
2. Bartošova kronika pražská od léta Páně 1524 do konce léta 1530/ Dle dvou rukopisú eis. veřejné knihovny Pražské, k vydáni upravil J. K. Erben. Nově laciné vydáni. Praga : Nákladem kněhkupectvi Bedřicha Tempského.
3. Sněmy české od leta 1526 až po naši dobu. 1546–1557. Praha : NáklademKrál českého zemského výboru, 1877.
4. Sněmy české od leta 1526 až po naši dobu. 1526–1547. Praha : Nákladem Král českého zemského výboru, 1877.
5. Kronika Mladoboleslavská od mistra Jiřího Bydžovského. Mlada Boleslava : Městská rada mladoboleslavská, 1935.
6. *Tieftrunk K.* Odpor stavův českých proti Ferdinandovi I. V Praze : V kommissí u Františka Řivnáče, 1872.
7. *Šulc P. J.* Krvavý sněm v Praze: Obrázek z dějin domácích. Praha : Hynek, 1930.
8. *Любавский М. К.* История западных славян.М. : Вече, 2018.
9. *Медведева К. Т.* Австрийские Габсбурги и сословия в начале XVII века. М. : Индрик, 2004.
10. *Мельников Г. П.* Чешское восстание 1547 г. и Сикст из Оттерсдорфа как его хронист // Сикст из Оттерсдорфа. Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 год. М. : Наука, 1989. С. 5–44.
11. *Первольф И. И.* Славяне, их взаимные отношения и связи. Очерки истории славян до XVIII века. Изд. 2-е. М. : Ленанд, 2016.
12. *Погодин А. Л.* Краткий очерк истории славян. М. : Едиториал УРСС, 2014.
13. *Сикст из Оттерсдорфа* Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 год. М. : Наука, 1989.
14. *Томек В. В.* История Чешского королевства. СПб. : Издание книгопродавца С. В. Звонарева, 1868.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. К ВОПРОСУ О РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ КОНЦА XVIII ВЕКА

П. П. Хоменко

Институт всемирной истории НАН Украины, Киев, Украина, pashahomenko@ukr.net

В статье освещена внутриполитическая ситуация Речи Посполитой, которая привела ко второму разделу и включению Правобережной Украины в состав Российской империи. Характеризуется роль и влияние России, а также позиция других государств.

Ключевые слова: Речь Посполитая; второй и третий разделы; Правобережье; Украина; присодинение.

ACCESSION OF THE RIGHT-BANK UKRAINE TO THE RUSSIAN EMPIRE. ON THE QUESTION OF RUSSIAN-POLISH RELATIONS AT THE END OF THE 18TH CENTURY

P. Homenko

Institute of World History of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine,
pashahomenko@ukr.net

The article highlights the internal political situation of the Commonwealth, which led to the second section and the inclusion of the Right-Bank Ukraine in the Russian Empire. The role and influence of Russia is characterized, as well as the position of other states.

Keywords: Rzeczpospolita; second and third sections; Right Bank; Ukraine; accession.

Третий раздел Речи Посполитой конца XVIII века – общественно-политическое событие, которое вместе с двумя последними разделами относится к «вечно живым» темам и «болевым точкам» европейской истории. Она создала новую ситуацию в историческом развитии, произвела прямое и непосредственное влияние как на саму Польшу, так и на Правобережье, всю Украину и Европу в целом. Это событие, в конечном счете, стало одной из драматических вех, которая имела своим следствием гибель польского государства на континенте и изменение государственной принадлежности и цивилизационного вектора развития Правобережной Украины. Однако, до сих пор вопрос о мотивах и роли государств-участников в этом разделе, а тем более о его месте в истории великого украинского региона и Украины не освещен комплексно.

В доступной для рядового читателя научной и научно-популярной литературе, отечественных учебниках и учебных пособиях трудно найти понятный и исчерпывающий ответ, какими причинами были вызваны разделы Речи Посполитой и какие государства принимали в них участие, что они собой представляли, чьи политические интересы преследовали, какое место в них занимали Правобережье и вся Украина, какую роль исполнили они в судьбе региона, всей Украины и Европы?

В международной информационной сети Интернет трудно найти что-то существенное и объективное о месте этого события в истории Украины. Там находится только скупая информация о том, что в дело разделов привело вмешательство соседей. По результатам второго раздела Речи Посполитой, утвержденного Гродненским сеймом в 1793 г., от Речи Посполитой к Пруссии отошли вся Великопольша и часть Мазовии, а к России – украинские и белорусские земли.

Анализ показывает, что к проблеме разделов Речи Посполитой обращалось немало украинских, российских, польских и других иностранных историков, внесших заметный вклад в ее историографию. Однако, если в дореволюционной России и советские времена их трактовка носила идеологический характер и переживала известную коррекцию в угоду политической конъюнктуре. Но работы новейшей эпохи в концептуальном плане не особо далеко отошли от идей, которые утвердились в XIX в., а своими корнями входят во времена самых разделов [1, с. 70].

В нынешних условиях идет постепенное научное осмысление событий и явлений конца XVIII века и все более объективнее воспроизводят его характер, суть и значения.

В трактовке об этих событиях представители разных государств и народов смотрят по-разному [4, с. 81]. Поляки их рассматривают сквозь призму потери своей государственности. Россияне, австрийцы и немцы считают разделения геополитической необходимостью, благодаря которой произошел территориальный рост их государств. В украинской интерпретации, не только изменили принадлежность огромной этнической территории, но и вызвали качественно другой вектор общественного развития и цивилизационную направленность Украины. Если в русской и украинской литературе говорится о роли включения, присоединения и вхождения Правобережной Украины в состав России, то в трудах историков украинской диаспоры четко отмечается о ее аннексии Россией в 1793–1795 гг. (И. Лысяк-Рудницкий) или захвата украинских земель (Н. Полонская-Василенко). Уже этот факт сам по себе сидетельствует, что реконструкция разделов Речи Посполитой невозможна на основе однозначного, одномерного подхода.

По-прежнему разделы Речи Посполитой остаются предметом острых дискуссий, сохраняя свою научную актуальность, политическое и цивилизационное значение, служат уроком и являются переходным моментом из прошлого в настоящее и будущее, которое украинский народ стремится построить. Иными словами, нынешние реалии Украины не просто актуализируют научные поиски современного понимания и осмысление событий конца XVIII века, но и выступают одной из глубинных основ ее тщательного изучения и объективного научного воспроизведения.

Осознавая невозможность представить исчерпывающее изложение всей панорамы разделов Речи Посполитой и обусловленных ими общественных трансформаций в рамках одной статьи, необходимо сосредоточить внимание на характеристике причин, которые их обусловили и вызванных ими ключевых событий и тенденций.

Освещение вопроса правильнее было бы начинать с рассмотрения самого термина. События, которые произошли в 1791–1795 гг. в большом центрально - европейском государстве полно представляет термин «разделы Речи Посполитой».

Если говорить о разделах Польши, то без внимания остается судьба украинских, белорусских и других непольских земель, которые прежде всего они касались.

Принципиально и то, что, обращаясь к этим событиям, каждый народ ставит перед собой свои цели и задачи. А они не совпадали и, конечно, до сих пор не совпадают. Совершенно не подходят для объяснения разделов и такие понятия, как «возвращение исконно русских земель», «присоединение» или «воссоединение» украинских земель. Во-первых, аннексированы Россией некоренные польские земли никогда не были русскими. Во-вторых, в ходе разделов Речи Посполитой происходит ее насильственное расчленение и захват сильнейшими государствами силой оружия. В-третьих, характерными признаками России как империи выступали экспансия и инкорпорация: расширение ее территории происходило не ради защиты коренного населения, а для его порабощения и поглощения новых территорий, населенных различными этносами, включенными в ее государственный организм.

Прежде всего, подчеркнем, что значительная часть исследователей (украинских – М. Костомаров, Антонович, М. Грушевский, Д. Дорошенко, Н. Полонская-Василенко, Л. Коваленко, И. Лысяк-Рудницкий, В. Сарбей, В. Смолий,

А. Реент, А. Гуржий, М. Бармак, А. Доник, А. Филинюк, В. Шандра; российских – С. Соловьев, М. Кареев, В. Ключевский, А. Корнилов, Н. Чечулин, Ф. Мартенс, особенно современных – Л. Аржакова, Л. Горызонтов, А. Миллер, Б. Носов, П. Стегний, Г. Санин), в т. ч. иностранных – британец Н. Дэвис, австриец А. Каппелер – разделение и «падение Речи Посполитой» связывали и связывают с обстоятельствами внутренней ситуации (глубоким и длительным внутренним кризисом этого государства, внутренним розладом польского государственного устройства, всевластием и своекорыстием магнатов и шляхты, которые были использованы ее соседями – Австрией, Пруссией и Россией для своих территориальных приобретений [3, с. 165]. Это, в свою очередь, означает, что второй раздел Речи Посполитой зависел «скорее от конъюнктуры внешних контактов» [4, с. 204].

Многие исследователи вину за раздел Речи Посполитой возлагают как на самих поляков, так и на страны-участницы разделов. Однако, большинство ученых придерживается объяснения трех основных факторов этого центрально-европейского государства: а) преобразования царившие в Европе с начала и до конца XVIII века.; б) российским национальным движением, которое проходило под религиозным лозунгом, и в) завоевательные стремления Пруссии. С новой точки зрения, разделы Речи Посполитой были обусловлены по меньшей мере четырьмя группами причин: а) кризисом польской государственности; б) развитием общеевропейской внешнеполитической ситуации, в которой столкнулись сильные и влиятельные государства Европы; в) агрессивной, захватнической политикой России, Австрии и Пруссии; г) боязнью, страхом России перед распространением на ее территорию идей Великой французской революции. Оценивая силовой характер разделов Речи Посполитой, А. Каппелер особенно подчеркивает, что они в истории Европы «является беспрецедентным актом насилия, который пренебрег правовые нормы и расшатал политический строй старой Европы». Пруссия, Россия и Австрия ликвидировали и переделили суверенное, равноправное звено европейской государственной системы.

Отметим, что в истории Украины в целом и ее отдельных регионов в частности, не раз случалось так, что изменения в их развитии обусловливались процессами, которые происходили за ее пределами. Украинский историк М. Грушевский отмечал, что «присоединение» любой территории решался не соображениями о пользе и выгоде этой территории, а также не экономическими или политическими результатами, которые оно может принести местным народам. Вопрос был только о наличии сил государства, способных захватить и удержать новое приобретение [2, с. 53]. Так сложилось, что в конце XVIII века Россия, как империя, расстраивалась за счет присоединения соседних территорий, поглощения и ассимиляции их обществ и коренного населения, силой оружия включила в свой состав Правобережную Украину. Царизм, его ведущие сановники выстроили и реализовывали далеко идущие планы расширения государства с помощью разделов Речи Посполитой и присоединения Правобережья.

Вот почему профессор Л. Коваленко, рассмотрев международные аспекты второго и третьего разделов Речи Посполитой [5, с. 16], поставил вопрос об объективном освещении проблемы. Не отрицая их насильственного характера, В. Смолий отметил, что это произвело позитивное влияние на все украинские земли, ведь большинство их оказалась в составе Российского государства и стала центром притяжения для украинского населения, находившегося в составе Австрийской империи [9, с. 258].

Норманн Дэвис отмечает, что российская экспансионистская политика в отношении Восточной Европы, и в частности Польши, проявлялась в двух вариантах. Военная партия откровенно отстаивала прямые аннексии. Ее спикеры считали, что «российские интересы можно лучше обеспечить, захватывая территории ее соседей в любом возможном случае». Адептом прямой аннексии, по мнению ученого, выступал президент Военной коллегии (1763–1772) и первый генерал-губернатор Белоруссии (1772–1782) С. Чернышев. Другие российские политики в этом плане были более осторожными. В частности, главный советник Екатерины II по внешним делам Н. Панин «придерживался древних и тайных правил русской игры, с помощью которых соперников обезоруживали обещаниями защиты, а жертву не глотали пожадно, а потихоньку пережевывали» [7; 8, с. 90]. Именно граф Н. Панин отстаивал не только мир, но и союз с Фридрихом, доказывая, что без его содействии успех в Речи Посполитой невозможен.

В предложенном в свое время Екатерина II трактовании польской драмы, в том числе и второго и третьего разделов Речи Посполитой, делался упор на то, что Литва, Украина, Беларусь – русские земли или населенные русскими – «русские» территории и самодержавие ни пяди земли древней, историчной Польши не взяла и не хотело присоединять, что населенные поляками земли России были не нужны. Блестящая с дипломатической точки зрения формула прозрачно намекала на то, что политика царизма в отношении польского вопроса в корне отличалась от политического курса правительств Пруссии и Австрии, которые без всяких на то прав захватили польские земли. И именно этот тезис стал хрестоматийным, крепко вошел в официальные документы и историческую научную и учебную литературу без каких-либо ссылок на авторство императрицы.

Но как быть с тем, что еще со времен Петра I Россия рассматривала Речь Посполитую не иначе как сферу своего безраздельного влияния? Н. Дэвис пишет, что почти пятьдесят лет Польско-Литовского государством управляли как российским протекторатом, и то методами, которые в обычной жизни предпочли бы покровительственный рэкет [3, с. 40]. Как понять факт дислокации по меньшей мере в течение четверти века регулярных российских войск в пределах Правобережной Украины, которую в Санкт-Петербурге считали частью Российской империи?

Формально территориальные изменения узаконил Гродненский сейм Речи Посполитой в июле 1793, который под штыками отменил «майскую конституцию» и отписал России «Киевскую, Подолье, большой кусок Волыни и дальшую часть Белоруссии» [1, с. 70]. Что бы легитимизировать присоединения, сформировать мировое общественное мнение о справедливом характере действий России и представить ее защитницей «русских» земель от хаоса и анархии Речи Посполитой, Екатерина II сохранила должность ее короля. Международным документом, который узаконил присоединение украинского региона к России, стал Трактат между императрицей и королем от 22 июля 1793 г. [10].

Территориальная экспансия превратила Россию в одну из крупнейших империй мира и окончательно укрепил концепцию об унитарном, «хорошо упорядоченном» государстве, отмечалась стремлением к централизму как единой форме управления [6, с. 183]. Говоря словами Карамзина, «глубокомысленная политика не удовлетворялась собиранием частей в целое: надо было еще связать их твердо, и единовладьем усилить самодержавие».

В общем, раздел Речи Посполитой были обусловлены комплексом внутренних и внешних факторов и стали следствием сложного переплетения интересов и политических курсов сильнейших государств Европы. Каждая из них

играла свою игру. Одним из инициаторов и архитектором этих разделов выступала Российская империя с ее основным внешнеполитическим вектором, обращенным к юго-западу. Что касается Правобережной Украины, то в период разделов Речи Посполитой она стала играть важную роль в геополитических планах самодержавия как объект и одновременно плацдарм их реализации.

Библиографические ссылки

1. Велика історія України: у 2-х т. К. : Глобус, 1993. Т.2.
2. *Грушевський М. С.* Єдність чи розпад [Росії]? // Грушевський М. С. Твори: у 50 т. Львів, 2002. Т.1.
3. *Дейвіс Н.* Боже ігрище: історія Польщі. К. : Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2008.
4. *Кареев Н. И.* «Падение Польши» в исторической литературе. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1888.
5. *Коваленко Л. А.* Велика французька буржуазна революція і громадсько-політичні рухи на Україні в кінці XVIII ст. К. : Вид- во Київ. ун-ту, 1973.
6. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М. : Книга, 1989. Книга 3: Т. IX–XII.
7. Конвенция между Россией и Пруссией о втором разделе Польши // Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М. : Международные отношения, 2002.
8. *Носов Б. В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. М., 2004.
9. *Смолій В. А.* Возз'єднання Правобережної України з Росією. К. : Наук. думка, 1978.
10. Трактат между ея величеством императрицею Всероссийскою съ одной стороны и его величествомъ королемъ и яснейшею Речью Посполитой Польскими съ другой, подписанный в Гродне июля 11(22) дня 1793 года. СПб., 1793.

СОЙМАВЫЯ ЛІСТЫ 1534 ГОДА ЯК КРЫНІЦА ПА СТРУКТУРЫ ВАЛЬНАГА СОЙМА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА ДА РЭФОРМ 60-Х ГАДОЎ XVI СТАГОДДЗЯ

К. Д. Даўматовіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, г. Мінск, Беларусь, kirill28.02@mail.ru

У гістарыяграфіі адкрытым застаецца пытанне як выглядаў вальны сойм ВКЛ дарэформеннага перыяда (пачатак–сярэдзіна XVI ст.). З гэтым пытаннем звязана пэўная колькасць праблем, перш за ўсё – пытанне гістарычных крыніц, якія так ці інакш могуць сведчыць пра структуру органа. Не меньшай праблемай з'яўляецца фактар стракатага адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу ВКЛ да перыяда 60-х гг. XVI ст., з-за чаго складана выявіць з якой адміністрацыйнай адзінкі (княства, зямлі, ваяводства, староства, павета і інш.) і ў якой колькасці выбіраліся паслы на пасяджэнні вальнага сойма. Адсюль вызначаецца мэта дадзенага артыкула – абазначыць ролю соймавых лістоў 1534 г. як гістарычнай крыніцы у межах разгляда праблемы структуры вальнага сойма ВКЛ да перыяда рэформ 1560-х гг.

Ключавыя слова: Вялікае Княства Літоўскае; вальны сойм; соймавыя лісты; шляхта; структура.

СЕЙМОВЫЕ ЛИСТЫ 1534 Г. КАК ИСТОЧНИК ПО СТРУКТУРЕ ВАЛЬНОГО СЕЙМА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО ДО РЕФОРМ 60-Х ГГ. XVI ВЕКА

К. Д. Довматович

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, kirill28.02@mail.ru

В историографии открытым остаётся вопорс, как выглядел вальный сейм ВКЛ в дореформенный период (начало–середина XVI в.). С этим вопросом сопряжен ряд проблем, прежде

всего – вопрос исторических источников, которые так или иначе могут свидетельствовать о структуре органа. Не меньшую проблему представляет фактор пёстрого административно-территориального деления ВКЛ до 1560-х годов, из-за чего трудно выяснить, от какой административной единицы (княжества, земли, воеводства, староства, уезда и т. д.) и в каком количестве избирались послы на заседания вального сейма. Поэтому цель данной статьи – обозначить роль сеймовых листов 1534 г. как исторического источника в рамках рассмотрения проблем устройства вального сейма ВКЛ до периода реформ 1560-е годы.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское; вальный сейм; сеймовые листы; шляхта; структура.

SEJM'S SHEETS OF 1534 AS A SOURCE ON THE STRUCTURE OF GENERAL SEJM OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE PERIOD BEFORE REFORMS OF THE 1560S

K. Daumatovich

Belarusian State University, Minsk, Belarus, kirill28.02@mail.ru

Current historiography still has question of how the General Sejm of the Grand Duchy of Lithuania looked like until the 60s XVI century (beginning–middle of the XVI century) as an open one. Several problems are associated with this issue, first of all – the question of historical sources, which in one way or another may provide evidence on the structure of Sejm. No less problematic is the factor of the motley administrative-territorial division of the GDL until the 1560s, which makes it difficult to find out from which administrative unit (principality, land, voivodeship, starostvo, county, etc.) and in what number ambassadors were elected to meetings of the General Sejm. Therefore, the purpose of this article is to identify the role of the sejm's sheets of 1534 as a historical source within the framework of considering the problem of the structure of General Sejm of the Grand Duchy of Lithuania before the period of reforms in the 1560s.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania; General Sejm; sejm's sheets; nobility; structure.

Першая трэць XVI ст. для ВКЛ характарызуецца наступнымі рысамі. У знешнепалітычным становішчы ў Вялікага Княства абвастраюцца адносіны з Маскоўскай дзяржавай і Крымскім ханствам, што прыводзіць да шэрагу ваенных канфліктаў. Менавіта гэтыя падзеі сталі штуршком для пэўных пытанняў звязаных з ваеннай арганізацыяй і ўхвалы надзвычайных падаткаў на пасяджэннях сойма [2; 25]. Фактар цесных сувязяў з Польскім Каралеўствам праз персанальную ўнію вельмі істотна ўплываў на ўнутранапалітычнае развіццё, асабліва, шляхецкага саслоўя [1; 18]. Шляхта паступова ўключаецца ў палітычнае жыццё краіны праз удзел на вальных соймах ВКЛ [1; 10]. На гэта таксама паўплывала і тое, што цяжар прынятых рашэнняў на соймах лажыўся на плечы гэтага саслоўя.

Ва ўнутранапалітычным развіцці ВКЛ першай трэці XVI ст. характэрны наступныя рысы. Важную ролю ў палітычнай сістэме адыгрывала кола палітычных эліт, якое, у асноўным, уваходзіла ў склад Паноў-рады. На той момант гэта быў ужо аформленны дзяржаўны орган улады, які яшчэ з XV ст. меў уплыў на вялікага князя літоўскага [12, с. 272–279; 19]. Менавіта ў першай трэці XVI ст. у палітычным жыцці ВКЛ набірае сваю моц агульны пласт землеўладальніцкага саслоўя. Гэта звязана як са знешнім фактарам (*глядзець вышэй*), так і з унутраным. На працягу перыяда канца XIV–XV стст. прымаецца шэраг дакументаў агульнадзяржаўнага і рэгіянальнага ўзроўняў (Судзебнік 1468 г., прывілеі 1387, 1432, 1434, 1447, 1492 гг., а таксама шэраг абласных і прыватных), якія афармляюць сацыяльны статус і

эканамічную глебу ўсіх землеўладальнікаў ВКЛ ад дробных да буйнешых [1]. У сваю чаргу, дадзены фактар дазволіў гэтаму саслоўю на пачатку XVI ст. прэтэндаваць на актыўны ўдзел у палітычным жыцці краіны [1].

Перад тым, як звярнуцца да крыніцы, мы абазначым наступны гістарыяграфічны момант у вывучэнні склада вальнага сойма ВКЛ. Яшчэ У.І. Пічэтам было выдзелена два кола сойма. Да першага кола гісторык адносіў прыватна запрашаных князеў, паноў, дворных і земскіх ураднікоў. Яны, разам з іншымі пасламі, складалі рыцарскае кола (шляхецкае). Да другога кола Уладзімір Іванавіч адносіў Паноў-раду [17, с. 174]. Мы жа дададзім, што на сойме было прадстаўлена і трэцяе кола – асоба вялікага князя літоўскага-караля польскага (у нашым выпадку Жыгімонт Стары). Такім чынам, вальны сойм складаўся з: 1) ужо аформленнай палітычнай эліты (Паны-рада); 2) «палітычнага народу», які толькі праходзіў пэўную стадыю развіцця (дробныя і сярэднія землеўладальнікі, ураднікі, асаблівая персоны); 3) вялікага князя літоўскага-караля польскага.

У 1534 г. паміж ВКЛ і Маскоўскай дзяржавай ў чарговы раз накаляюцца адносіны. Дзве краіны гатовяцца да вайны. Для вырашэння шэрага ваенных патынняў у студзені 1534 г. па ВКЛ расылаюцца соймавыя лісты, якія запрашаюць на ўдзел у працы вальнага сойма ў Вільне. У іх пералічына ў цэлым 63 пункты *«до»* каго яны адрасаваны (асаблівыя імёны, групы людзей) [10, Приложение, с. 22–23]. Ужо дадзеная цыфра можа сведчыць аб *«вальным»* характары сойма. Пазначаючы кола Паноў-рады, якое запрасілі на пасяджэнне 1534 г., то безумоўна вызначаюцца ваяводскія пасады ў наступных гарадах: Вільня, Трокі, Наваградак, Полацк, Віцебск, Кіеў [10, Приложение, с. 22]. Да вышэйшых асоб безумоўна адносяцца духоўныя пасады у складзе трох біскупаў (Віленскага, Луцкага і Жамойцкага) [10, Приложение, с. 22]. Таксама на сойм запрашаюцца падскарбіі земскі і дворны, якія адыгрывалі важную ролю ў фінансавых справах [10, Приложение, с. 22]. Да важных пасад, асабліва для манарха, адносяцца пералічыныя ў соймавых лістах падчашы, чашнік, крайчы, канюшы [10, Приложение, с. 22–23]. Але, калі ўлічыць, што людзі, займаўшыя дворныя пасады, больш былі дабліжаны да вялікага князя ў нефармальных адносінах (паўсядзёнае жыцце), то іх пазіцыя магла вар'іравацца ад асобы манарха да Паноў-рады ці наадварот, падчас прынняця рашэнняў. Таксама запрашалі асоб, якія маглі ўваходзіць у склад Паноў-рады «па традыцыі» свайго статуса ў краіне, як, напрыклад, князь Слуцкі [10, с. 335]. Да такіх статусных асоб, якія на сойм запрашаюцца асобна, можна аднесці пана Віленскага, пана Трокскага, пана Паца і інш. [10, с. 349; 10, Приложение, с. 22–23]. Аднак, трэба адзначыць, што не ўсе асабістыя запрашэнні давалі адразу дарогу ў склад Паноў-рады, некоторыя з князеў і паноў маглі быць радавымі прадстаўнікамі сваіх уладанняў, асабліва, у дарэформены час.

Вызначаючы кола «палітычнага народа» трэба заўважыць, што большая частка паслоў на вальны сойм запрашалася праз мясцовую адміністрацыю (ваявод, харунжых, дзяржаўцаў, стараст і інш.) [10, с. 264–265]. Так, у 1534 г. віленскаму ваяводзе, старасце Бельскаму, канцлеру і Мазырскому пану Альбрэхту Марціновічу Гаштольду акрамя ўдзелу на пасяджэнні трэба было, каб у ягоным ваяводстве і старостве ўсе харунжыя выбралі па два зямяніна «добрых людей» і каб яны адправіліся на вальны сойм у Вільне [10, Приложение, с. 22–23]. Іншае настаўленне адрасавалася полацкому ваяводзе, маршалку Яну Юр'евічу Глебовічу. Ён павінен быў выбраць двух баярыноў «людей добрых» для ўдзелу на вальным сойме. Але самаму ваяводзе трэба было застацца на месцы, што звязана з прыгранічным становішчам Полацка [10, Приложение, с. 23]. Магчыма, што запрашаючы іншых харунжых (Упіцкага, Троцкага павета па Ашмянскаму баку), дзяржаўцаў

(Мсціслаўскага, Магілёўскага, Рэчыцкага) стараст (Луцкага, Уладзіміраўскага, Пінскага, Мінскага), цівуноў (Жамойцкіх, Віленскіх) перад імі ставіліся падобныя задачы па адборы двух паслоў на месцах, але ў крыніцы гэта літаральна не адлюстравана [10, Приложение, с. 22–23]. Асобна запрашаюцца адразу цэлыя групы. Напрыклад, соймавы ліст «до князей и панов, которые именья свои по Троцкому повету по Занемонской стороне и на Подляшьи» або «до панятъ Троцъкихъ» [10, Приложение, с. 23]. На сойм запрашаліся і канкрэтызаваныя групы князеў і паноў («до панов Кухмистровичовъ», «до князей всихъ Друцкихъ», «до князей всихъ Лукомъскихъ», «до князей Свирскихъ», «до князей Кгедроптъскихъ», «до князей Сонкгушковичовъ», «до князей Збаражскихъ», «до князей Жеславскихъ», «до князей Корецъкихъ») [10, Приложение, с. 23]. Таксама ёсць згадка ліста да тэрытарыяльнай адзінкі: «по Виленскому повету по Ошъменской стороне» [10, Приложение, с. 23]. Пры гэтым не вызначаецца колькасць паслоў з групы ці адзінкі. Як запрашаюцца на вальны сойм, усе з павета ці выбіраюцца па два паслы, ў крыніцы не адлюстравана. Трэба адзначыць, што практыка выбрання па два паслы на вальны сойм адбывалася з 1511–1512 гг., але з-за недакладнага адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу ВКЛ гэта не магло быць структураваным элементам вальнага сойма [10, с. 191; 5, с. 506]. У дарэформенны перыяд падобная прыктыка можа разглядацца як паступовы ўплыў польскай палітычнай культуры на парламенцкія стуктуры ВКЛ, якія толькі пачынаюць фарміравацца. Толькі пасля пераўтварэнняў 1560-х гг. з пэўнай доляй дакладнасці можна гаварыць пра канкрэтную працэдуру выбрання паслоў, таму што быў уніфікаваны адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел краіны і зробляны мясцовыя выбарчыя інстытуты (у выглядзе павятовых соймікаў).

Да трэццяга кола вальнага сойма адносіцца персона вялікага князя літоўскага-караля польскага Жыгімонта Старога, які ў 1534 г. адаслаў соймавыя лісты да віленскага ваяводы, канцлера Альбрэхта Гаштольда і да полацкага ваяводы, маршалка Яна Глебовіча [10, Приложение., с. 22–23]. У гэтых лістах вялікі князь для кожнага акрэслівае ўмовы для ўдзелу ў працы сойма (*глядзець вышэй*). Пры гэтым вызначаецца ліст да полацкага ваяводы, які быў павінен застацца на памежжы для агляду «замков нашыхъ украинныхъ», а таксама для хуткай мабілізацыі [10, с. 265; 10, Приложение, с. 23].

Соймавыя лісты 1534 г. могуць у пэўнай ступені паказаць структуру вальнага сойма ВКЛ да рэформ 60-х гг. XVI ст. Пры аналізе гэтай крыніцы вызначаюцца тры элементы вялікакняжацкага сойма. Да першага адносіцца палітычная эліта ў складзе Паноў-рады, у якую ўваходзілі асобы, займаўшыя вышэйшыя свецкія і духоўныя пасады, а таксама шэраг персон, запрашаных «па традыцыі». Другім элементам з'яўляецца «палітычны народ» ВКЛ. Гэта, на той перыяд, найбольш пёстрая па складу частка паслоў на вальным сойме. Да яе адносяцца «люди добрые» (зямяне, баяры), якіх мясцовая адміністрацыя выбірала для ўдзелу ў сойме. Таксама да гэтай групы можна аднесці некаторых нетытулаваных прадстаўнікоў мясцовай адміністрацыі (цівуны) у тым ліку і харунжых. З пэўнай доляй асцярожнасці да «палітычнага народу» на момант 1534 г. можна аднесці кола княжацкіх родаў (Друцкія, Жэслаўскія і інш.), якія на сойме прадстаўляліся цэлай групай («князей», «князей всихъ»), а не «па традыцыі», як, напрыклад, князь Слуцкі. Зразумела, што група князёў з аднаго роду не магла ўваходзіць у склад Паноў-рады. Да трэцяга элемента вальнага сойма адносілася асоба манарха – Жыгімонта Старога, які ад свайго імя адсылаў соймавыя лісты да Альбрэхта Гаштольда і Яна Глебовіча. Такім чынам, прадстаўлены аналіз соймавых лістоў 1534 г. з'яўляецца спробай рэканструкцыі структуры вальнага сойма ВКЛ да рэформ 60-х гг. XVI ст.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Даўматовіч К.* «Залаты век» у палітычным развіцці шляхты Вялікага Княства Літоўскага // Ars Longa. Праграма і зборнік тэзісаў дакладаў IV міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі маладых даследчыкаў Інстытута гісторыі НАН Беларусі «Ars Longa: навуковыя дасягненні і перспектывы», Мінск, 14–16 красавіка 2021 г. Мінск : Беларуская навука, 2021. С. 46–48
2. *Довматович К. Д.* Вопросы организации «земской» обороны и принятие чрезвычайных налогов на сеймах Великого Княжества Литовского первой трети XVI века // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сборник науч. статей по материалам V Междунар. научной конф., УО «ПолесГУ», Пинск 27 ноября 2020 г. Пинск : ПолесГУ, 2020. Вып. 5. С. 667–683.
3. *Довматович К. Д.* Иван Остафьевич Горностай: карьерные взлеты и падения // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2021. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см.
4. *Довнар-Запольский М. В.* Спортные вопросы в истории литовско-русского сейма // М. В. Доўнар-Запольскі. Выбранае. Мінск : Беларуская навука, 2017. С. 380–425.
5. Документы Московского архива Минестерства юстиции. Т. 1. М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1897.
6. *Кареев Н.* Исторический очерк польскага сейма. М. : тип. А. И. Мамонтова, 1888.
7. *Лаппо И. И.* Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев : тип. К. Маттисена, 1911.
8. *Лойка П. А.* Афармленне шляхецкага саслоўя ў Вялікім княстве Літоўскім // Працы гістарычнага факультэта БДУ. Мінск : БДУ, 2010. Вып. 5. С. 102–115.
9. *Лойка П. А.* Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст. Мінск : БДУ, 2002.
10. *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М. : Московский Университет, 1901.
11. *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русскаго государства ко времени издания первого литовскаго Статута: исторический очерк. М. : университетская тип., 1892.
12. *Любавский М. К.* Очерк Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. Минск. : Беларуская навука, 2012.
13. *Любый А.* Великое Княжество Литовское в белорусской историографии XX в. // Acta historica neosoliensia. Banska Bystrica: Vydavatelstvo Mateja Bela, 2020. 23/1. S. 164–178.
14. *Максимейко Н. А.* Сеймы Литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г. Харьков : тип. Адольфа Дарре, 1902.
15. *Падалінскі У. А.* Прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 года: удзел у працы першага вальнага сойма Рэчы Паспалітай. Мінск : А. М. Янушкевіч, 2017.
16. *Падалінскі У.* Палітычная эліта Лідскага павета ў апошняй трэці XVI ст. // Беларускі Гістарычны Агляд. Т. 16. Сш. 1 (30). 2009. С. 3–30.
17. *Пичета В. И.* История белорусского народа. Минск : БГУ, 2003.
18. *Пясецкий Д. В.* Формирование Ягеллонской федерации на базе союза Великое Княжество Литовское – Польша // Материалы Междунар. молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» [Электронный ресурс]. М. : МАКС Пресс, 2021. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
19. *Пятраўкас Р.* Літоўская знаць у канцы XIV–XV ст.: Склад – структура – улада. Смаленск : Інбелкульт, 2014.
20. *Радаман А.* Іерархія ўраднікаў на сойміку Новагародскага павета Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага ў другой палове XVI – першай трэці XVII ст. // Людзі і ўлада Навагрудчыны: гісторыя ўзаемадзеяння (да 500-годдзя надання Навагрудку прывілея на магдэбургскае права): зб. навук. арт. Мінск: Беларуская навука, 2013. С. 162–177.
21. *Радаман А.* Ухвалы соймікаў і шляхецкіх з'ездаў Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага ў сістэме нарматыўнага рэгулявання фінансавання соймавых паслоў у другой палове XVI – пачатку XVII ст. // Вес. БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. Мінск : БДПУ, 2005. № 4 (46). С. 16–21.
22. *Рахуба А.* Вялікае Княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай, 1569–1763 гг. – Мінск : Медысонт, 2008.
23. *Скеп'ян А. А.* Князі Слуцкія. Мінск : Беларусь, 2013. .
24. *Ходзін С. М.* Крыніцазнаўства гісторыі Беларусі: дапаможнік. Мінск : БДУ, 2012.
25. *Цемушаў В. М.* На ўсходняй мяжы Вялікага Княства Літоўскага (сярэдзіна XIV – першая палова XVI ст.). Смаленск : Інбелкульт, 2014.

ОСМЫСЛЕНИЕ ГИБЕЛИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XV – XVII ВЕКА)

П. А. Воробьев

Республиканский институт высшей школы, г. Минск, Беларусь, wmd2013@mail.ru

Статья посвящена восприятию гибели Византийской империи в 1453 г. в письменной традиции Великого княжества Литовского и Московского государства. В результате анализа письменного наследия и современной историографии выявлены подходы к объяснению причин гибели, начиная от обвинений в адрес греков за их нежелание признать главенство папы римского и заканчивая слабостью власти византийских императоров. Особое внимание уделяется «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г.». В сравнительном ключе рассмотрена тема восточнославянской рецепции наследия Византии.

Ключевые слова: гибель Византийской империи; Константинополь; Великое княжество Литовское; Московское государство; греки; наследие Византии.

REFLECTIONS ON THE DEATH OF THE BYZANTINE EMPIRE IN THE WRITTEN TRADITIONS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AND MOSCOVIAN STATE (SECOND HALF OF XV–XVII CC)

P. Vorobyev

National Institute of Higher Education, Minsk, Belarus, wmd2013@mail.ru

The article is devoted to the perception of the death of the Byzantine Empire in 1453 in the written tradition of the Grand Duchy of Lithuania and Moscow State. As a result of the analysis of the written tradition and modern historiography, approaches to explaining the causes of death have been identified, ranging from accusations against the Greeks for their unwillingness to recognize the primacy of the Pope and ending with the weakness of the power of the Byzantine emperors. Particular attention is paid to «The Tale of the Capture of Constantinople by the Turks in 1453». The topic of the East Slavic perception of the Byzantine heritage is considered in a comparative way.

Keywords: the death of the Byzantine Empire; the Constantinople; the Grand Duchy of Lithuania; the Moscow State; the Greeks; the heritage of Byzantium.

Падение Константинополя (Царьграда) под ударами турок в 1453 г., означавшее гибель Византийской империи, является одним из наиболее значимых и знаковых событий всемирной истории. В историографии это событие рассматривается как один из рубежей между Средневековьем и Новым временем. В восточнославянской письменной традиции гибель Империи воспринималась неоднозначно и болезненно. Автор данной статьи ставит перед собой цель выявить разное и общее в двух подходах к осмыслению события 1453 г., свойственных письменной традиции Великого княжества Литовского и Московского государства, показать внутренние противоречия в каждом из подходов. Начнем с анализа традиции Княжества.

Осмысление события 1453 г. в Великом княжестве Литовском. В летописях Великого княжества Литовского сведений о падении Константинополя мало и все они имеют предельно краткий характер, что уже отмечали белорусские

историки [см.: 4, с. 42; 17, с. 213]. Так, в «Хронике Быховца» сообщается, когда пал Царьград и кто его завоевал [8, с. 197]. В «Волынской краткой летописи» падение объясняется «попущением Божиим» [11, с. 122]. Всплеск интереса к событию 1453 г. произошел в конце XVI в., когда в Великом Княжестве Литовском началась острая полемика вокруг Брестской церковной унии 1596 г., растянувшаяся на века.

Католический полемист Петр Скарга (поляк, значительно повлиявший на письменную традицию восточных славян Великого княжества Литовского), а также униатский полемист Лев Кревза падение Константинополя объясняли Божиим наказанием в отношении греков-византийцев за их нежелание признать главенство папы римского, преодолеть церковный раскол, причем такая критика изложена в Декларации унии 1596 г. [15, с. 63; 4, с. 71, 86]. В униатской полемической среде имели место и другие взгляды. Так, перешедший из православия в униатство митрополит Михаил Рагоза падение Константинополя также считал следствием отсутствия единства между христианами, однако обвинять в расколе греков не был склонен [4, с. 80].

Л. Кревза в качестве одной из предпосылок Божиего наказания в отношении греков считал господство византийских императоров в делах Восточной православной церкви. В силу этого господства греческое духовенство зачастую жертвовало своим христианским долгом в пользу имперских целей [15, с. 119]. Вопрос о первичности роли римских епископов и византийских императоров в жизни христианской Церкви периода семи Вселенских соборов был одним из краеугольных при обсуждении Брестской унии. По сравнению с католическими, униатскими и православными полемистами, протестантские писатели в обсуждении унии принимали участие в меньшей степени и отстаивали собственную позицию. Однако в письменной традиции протестантов Великого княжества Литовского и Речи Посполитой (на примере второй половины XVI в.) также присутствует взгляд на падение Империи как на следствие Божиего наказания в отношении греков. Но если в восприятии католических и отчасти униатских полемистов наказание было вызвано нежеланием греков признать главенство папы римского, то в протестантской среде Божие наказание объяснялось отступлением греков от Христа, их корыстолюбием и властолюбием [5, с. 151].

Одним из исключений является сочинение «Апокрисис» протестанта Мартина Броневского, изданное под псевдонимом «Христофор Филалет». Выступая против Брестской унии от имени православной руси, полемист защищает греков. Он опровергает распространенный среди католических полемистов аргумент, согласно которому захват Константинополя турками-мусульманами является свидетельством того, что греки-византийцы неугодны Богу, а их православная вера, в отличие от веры католической, не обладает полнотой Божественной Истины. Христофор Филалет по аналогии с Константинополем напоминает, что папский Рим давно пал под ударами варваров-германцев, однако католики считать свою веру истинной от этого не перестали [18, с. 1572]. Контраргумент Х. Филалета позднее использовал православный полемист Захария Копыстенский [15, с. 63]. Оба полемиста в защиту греков подчеркивали, что по словам Христа Его ученики всегда будут преследуемы [18, с. 1574; 20, с. 63–64; см. также: Евангелие от Матфея 24, 9].

Мнение Х. Филалета и З. Копыстенского созвучно позиции византийского историка Георгия Сфрандзи – современника 1453 г. Сфрандзи в защиту греков отмечал, что в истории народ Божий не раз оказывался политически порабощенным [14, с. 181]. По замечанию белорусского философа Д. А. Смолякова, в представлении католических и униатских полемистов наличие у народа

собственного государства является Божиим даром, признаком Божиего благоволения к народу [15, с. 119]. Но в восприятии православного З. Копыстенского, распад государств исторически естественен и не зависит от признания или не признания народом конкретного государства главенства папы римского. Подтверждением этому являлся ряд современных Копыстенскому протестантских государств, не признававших истинность католичества и главенство папы римского [15, с. 123–124].

Православный полемист Клирик Острожский в защиту греков подчеркивал, что предшествовавшую церковной унии 1596 г. Флорентийскую унию 1439 г. православные делегаты подписали под принуждением, а патриарх Константинопольский Иосиф II ее вовсе не подписывал [6, с. 274–275]. Однако полемист признает, что Флорентийскую унию добровольно подписал император Иоанн VIII, ошибочно рассчитывая через унию получить от католиков военную помощь для борьбы с турками [6, с. 272, 275]. Помощи не последовало. Полемист убежден, что католики даже были рады трудному положению Константинополя [6, с. 275]. В своих размышлениях Клирик опирался на «Апокрисис» Х. Филалета [ср.: 18, с. 1548, 1550, 1558, 1560].

Православные полемисты не только защищали греков как единоверцев. Православная русь Великого княжества Литовского жила в несколько схожих с греками условиях. Привилегированное положение в Османской империи занимал ислам, а в Великом княжестве Литовском с конца XIV в. – католичество (униатство властями Княжества также поддерживалось). Сопротивляясь распространению католичества и униатства, православные полемисты Княжества неизбежно шли вразрез с политикой государства. Главной задачей для них было сохранение веры. Соответствующим образом православные полемисты осмысляли падение Царьграда: греки утратили государство, но зато не утратили православную веру [15, с. 124]. Лишившись Империи, греки теперь могли сосредоточиться на духовном делании [4, с. 86].

Также и православный князь Василий-Константин Острожский, сам будучи противником Брестской унии и в то же время патриотом Великого княжества Литовского, ситуацию преследований в отношении православной руси, несогласной с унией, рассматривал как возможность воспрянуть от духовного сна [7, с. 107]. Белорусский филолог Л. В. Левшун отмечает, что князь выступал против свойственного идеологии католической Польши и православного Московского государства (добавим и Византийскую империю – *П. В.*) отождествления политического и духовного [7, с. 108].

Таким образом, осмысление гибели Византийской империи в рамках письменной традиции Великого княжества Литовского получило крайне незначительное отражение в летописании. Активизация осмысления началась в контексте межконфессиональной полемики вокруг Брестской унии. При общей оценке наследия Византии определяющее влияние на полемистов оказывала их конфессиональная принадлежность. Католический полемист Петр Скарга и униатский полемист Лев Кревза, осмысляя гибель православной Империи как доказательство неистинности православия, оценивали наследие Византии как негативное. Православные полемисты стремились защитить свою веру и греков-единоверцев, считали опыт 1453 г. тяжелым, но полезным для греков, освободившим их от нехристианских проявлений имперскости.

Осмысление события 1453 г. в Московском государстве. Научной проблеме наследия Византии применительно к истории России посвящена значительная историография. Для сравнения с малоизученной ситуацией в Великом

княжестве Литовском зададимся частным вопросом: как гибель Империи осмыслялась в письменной традиции Московского государства? Для получения ответа на вопрос первоочередно прибегнем к «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г.» конца XV в. Источник особенно важен потому, что он был написан русским, свидетелем осады Царьграда – Нестором-Искандером. Советский литературовед М. О. Скрипиль считал Нестора единственным автором старшей редакции «Повести» [см.: 14, с. 182]. Вопрос авторства и целостности источника остается дискуссионным [ср: 16, с. 56, 61]. Американский византинист В. Ханак предполагает, что Нестор происходил с земель Белой Руси, правда, не объясняя, что понимает под топонимом [21]. Но важно, что «Повесть» оказала большое влияние на последующую московскую книжность («Русский хронограф» 1512 г. и т. д.).

Нестор-Искандер в период написания «Повести» наверняка слышал об упреках в адрес православной веры, оказавшейся неспособной спасти константинопольских греков. В «Повести» устами неизвестного науке патриарха Афанасия произносятся примечательные слова молитвы о спасении Константинополя: «Не дай на поношение сыроядцам этим [туркам – *П. В.*] достояния своего, да не спросят они: “Где же Бог их”, – но да узнают, что ты – Бог наш, Господь Иисус Христос, во славу Богу-Отцу» [10, с. 249]. Слова особенно интересны в свете критического аргумента П. Скарги и Л. Кревзы. Примечательно также содержащееся в «Повести» предсказание о «русом роде» [10, с. 265]. Именно «русым», а не «русским» называется этот народ в самом раннем из известных списков «Повести» (список конца XV в, обнаруженный в XIX ст. в Троице-Сергиевой Лавре, он же – старшая редакция «Повести»). В 1953 г. советский историк Н. А. Смирнов высказал предположение, что автор названного списка под «русым родом», по предсказанию призванным освободить Царьград, подразумевал «русский народ» [16, с. 56]. Оснований так считать применительно к наиболее раннему списку «Повести» недостаточно. Предсказания о падении и освобождении Царьграда были популярны у греков до и после 1453 г. [см.: 19]. Предсказание же о «русом роде» греки приписывали василевсу Льву VII [3, с. 143].

Российский фольклорист И. А. Бессонов предполагает, что в византийской традиции под «русым родом» изначально имелись в виду крестоносцы, ворвавшиеся в Константинополь и разграбившие его в 1204 г. [1, с. 117]. В рамках периода до 1453 г. в отношении византийцев можно говорить об отрицательном восприятии ими «русого рода». В более поздних списках «Повести» (младшей редакции) «русый род» переписчики переосмыслили как «русский народ» – будущий освободитель Царьграда [14, с. 177]. Но открытое предъявление московскими правителями своих прав на Константинополь неминуемо повлекло бы за собой конфликт с Османской империей [13, с. 84–85]. И лишь в XVII в. идея освобождения Константинополя «русским народом» стала оказывать влияние на политику московских царей [9, с. 176].

В «Повести» тесно переплетены предсказания, демонстрирующие осознание константинопольскими греками неминуемости падения осажденного Царьграда, указания на равнодушие католических монархов к судьбе осажденного города [10, с. 237, 243–245, 249, 255, 257], проявления у греков религиозной надежды на спасение города [10, с. 225, 245]. Само сопротивление туркам греки считали борьбой за веру [10, с. 231, 245, 251].

В православном Московском государстве помнили, что греки незадолго до падения Константинополя официально утвердили Флорентийскую унию, и тем самым изменили православию. Сами греки утверждение унии императорами Иоанном VIII и Константином XI считали одной из причин последовавшего в

1453 г. Божиего наказания [2, с. 19], а в гибели Империи усматривали признак близкого Апокалипсиса [22, с. 269]. Мотив осознания жителями Царьграда своей греховности присутствует в «Повести» [10, с. 247].

В связи с гибелью православной Византийской империи Московскому государству предстояло определить для себя место в новой действительности [13, с. 82]. Состоявшееся в 1480 г. избавление от господства татар-мусульман способствовало усилению ощущения богоизбранности Московского государства, в письменной традиции которого предпринимаются попытки утвердить идею независимости своего процветания от трагического опыта Империи [9, с. 41–42, 175–176]. Эстонский филолог М. Б. Плюханова отмечает, что в то же время оказавший значительное влияние на московскую книжность старец Филофей подчеркивал неустойчивость положения (последнего независимого православного) Московского государства, так как оно стоит лишь силой Божией благодати, о чем напоминал опыт Империи [9, с. 49–50]. Острота памяти о гибели Империи в московской письменной традиции с 1560-х гг. смягчается тем, что наряду с Константинополем источником царственности Москвы становится город Казань [9, с. 186].

Первый московский царь и покоритель Казанского ханства (царства) Иван Грозный падение Византийской империи связывал не только с Божиим наказанием в отношении греков «грех ради наших, народа христианского», но также с происходившими процессами территориально-политической децентрализации, ослабления императорской власти [12, с. 151–153].

Таким образом, осмысление гибели Византийской империи в Московском государстве происходило в рамках осмысления себя преемником Империи, для которого крайне нежелательно повторение опыта 1453 г. Со времен взятия И. Грозным Казани на вооружение берется образ царя-победителя Мехмеда II, покорившего Царьград [9, с. 184–185].

Заключение. Письменная традиция Великого княжества Литовского развивалась в условиях подчинения Киевской православной митрополии патриарху константинопольскому, уделяя больше внимания вопросу его прав на русские земли Княжества, характеристике духовного облика православных греков, а также осмысляя гибель Империи с акцентом на церковное наследие Византии. Католическую государственную элиту Княжества опыт православной Империи интересовал мало либо вовсе не интересовал. Письменная традиция Московского государства развивалась в условиях автокефалии Московской Церкви, осмысляя опыт гибели Империи как гибель православного царства и примера самодержавия, делая акцент на государственном наследии Империи. Тем временем для восточных славян Великого княжества Литовского и Московского государства второй половины XV–XVII в. Византия стала общим местом исторической памяти.

Библиографические ссылки

1. *Бессонов И. А.* Легенды о падении царств в византийской и славянской литературной и фольклорной традиции // Традиционная культура. 2011. № 2. С. 109–118.

2. *Ґудзяк Б. А.* Криза і реформа: Київська митрополія, Царгородьский патріархат і генеза Берестейської унії. Львів : Інститут історії церкви Львівської богословської академії, 2000.

3. *Данилевский И. Н.* Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // Одиссей. Человек в истории. 1998. М. : Наука, 1999. С. 134–150.

4. *Дзярнович О. И., Бырлэдяну В., Тимошенко Л. В.* Сны о Византии? Место цивилизационного и культурного наследия Византии в регионе Пограничья Центрально-Восточной Европы. Вильнюс : ЕГУ, 2014.

5. *Дмитриев М. В.* «Византийская» тема в восточнославянской реформационной мысли второй половины XVI в. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир: Сборник. М. : Изд-во МГУ. 1991.

С. 141–154.
6. *Клірик Острозький* Історія о Листрикійском, то єсть о разбойническом Ферарском, або Флоренском Синоде, вкоротцѣ правдиве списаная // Українська література XIV–XVI ст. Київ : «Наукова думка», 1988. С. 265–280.
7. *Левшун Л. В.* «Русская идея» в эпистолярном наследии князя Василия-Константина Острожского // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Вып. 13. Минск : РИВШ, 2020. С. 97–116.
8. Летапісы і хронікі Вялікага Княства Літоўскага (XV–XVII стст.). Мінск : Беларуская навука, 2015.
9. *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб. : Акрополь, 1995.
10. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М. : Худож. лит., 1982. С. 216–267.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М. : Наука, 1980.
12. Послание царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России ко князю Андрею Курбскому // Сказания князя Курбского. СПб. : Типография императорской академии наук, 1868. С. 135–190.
13. *Салей С. М.* Канфесійнае пытанне у Вялікім княстве Літоўскім у кантэксце міжнародных адносін у XVI ст. // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зб. навук. арт. Гродна : ГрДУ, 2008. С. 80–91.
14. *Скрипиль М. О.* «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера // Труды отдела древнерусской литературы. 1954. Т. 10. С. 166–184.
15. *Смалякоў Д. А.* Сацыяльна-філасофскія погляды рэлігійных палемістаў у Беларусі канца XVI – сярэдзіны XVII стагоддзя. Мінск : Беларуская навука, 2020.
16. *Смирнов Н. А.* Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. // Византийский Временник. 1953. Т. 7. С. 50–71.
17. *Федосик В. А.* Византия в исторической концепции «Русского хронографа» 1512 года // Пічэтаўскія чытанні–2019: Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Мінск : БДУ, 2019. С. 212–217.
18. *Христофор Филалет* Апокрисис, албо отповедь на книжки о Соборе Берестейскомъ… // Русская историческая библиотека. 1882. Т. 7. С. 1003–1820.
19. *Чеснокова Н. П.* Пути освобождения греческого народа в представлениях поствизантийских и русских авторов // Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов. М. : ИВИ РАН, 2004. С. 170–174.
20. *Яковенко Н. М.* Символ «Богохранимого града» у Київській пропаганді 1620–1640-х років // Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей. 1995. Т. IV. С. 52–75.
21. *Hanak W.* Nestor-Iskender [Электронный ресурс] / W. Hanak // Historians of the Ottoman Empire. – Режим доступа: https://ottomanhistorians.uchicago.edu/en/historian/nestor-iskender. Дата доступа: 27.10.2021.
22. *Stanios-Korycka E.* Zrozumieć. Bizancjum // Res Historica. 2016. T. 41. S. 267–276.

БОЛГАРСКО-СЕРБСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ ВОСТОЧНАЯ СЕРБИЯ (ТИМОК И ПОМОРАВЬЕ) В ПЕРИОД СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

А. П. Сальков

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, anatsalkov@mail.ru

Болгарско-сербский национально-территориальный конфликт в Восточной Сербии характеризовался глубокими историческими корнями. Он имел две региональные локации – Тимок и Поморавье. Обе конфликтующие стороны особенно акцентировали историческую аргументацию своих прав на спорные территории, выводя ее из периода Раннего Средневековья. Этнические аргументы приобрели существенное значение лишь в период Нового времени.

Ключевые слова: болгарско-сербский спор; Восточная Сербия; Тимок; Поморавье.

THE BULGARIAN-SERBIAN CONTRADICTIONS IN HISTORIC AREA OF EASTERN SERBIA (TIMOK VALLEY AND POMORAVLJE) IN THE MIDDLE AGES AND MODERN TIMES

A. Salkov

Belarusian State University, Minsk, Belarus, anatsalkov@mail.ru

The Bulgarian-Serbian national-territorial conflict in Eastern Serbia was characterized by deep historical roots. He had two regional locations – Timok Valley and Pomoravlje. Both conflicting sides especially emphasized the historical argumentation of their rights to the disputed territories, taking it out of the Early Middle Ages. Ethnic arguments acquired essential meaning only during the Modern period.

Keywords: Bulgarian-Serbian conflict; Eastern Serbia; Timok Valley; Pomoravlje.

Формирование болгаро-сербской границы в районе Восточной Сербии отличалось региональными войнами, территориальными конфликтами и спорами по всей протяженности границы в условиях сербского и болгарского этногенеза, подвижностью разграничительных линий. Исторически она распадалась на два участка – тимокский и поморавский. Каждый из них имел собственную локальную историю формирования и свои особенности. Поморавье и Тимок составляют вместе область Восточная Сербия.

1). Историко-географическая область Тимок (*болг*. Тимошко, *серб*. Тимочка краина) расположена в междуречье Тимокской излучины Дуная у Железных ворот и левобережья р. Тимок, правого притока Дуная. В Раннем Средневековье область являлась контактной зоной этногенеза валашской, болгарской и сербской культур. В VI в славяне начали теснить автохтонных влахов. Южнославянское племя тимочан (и в Сербии, и Болгарии сегодня считаются представителями, соответственно, сербской или болгарской группы племен; к XIV в. ассимилировано) расселилось к западу от Тимока. Со времен болгарского хана Крума Грозного (802–814), Тимошко входило в состав Первого Болгарского царства (в современной македонской и сербской историографии – Самуилова держава или Македонское царство, чем подчеркивается неболгарский статус государственности), Византийской Болгарии, Второго Болгарского царства и даже последнего осколка средневековой болгарской государственности – Видинского царства, независимого в 1371–1396 гг. и подвассального до 1422 г. [1; 2].

В 818 г. тимочане, уже имевшие собственную склавинию, под натиском болгар были вытеснены из долины Тимока в приграничные районы Франкской империи. Так при хане Омуртаге (814–831) произошло расширение болгарских земель на северо-запад с подчинением Тимока и Поморавья [3, с. 45, 48; 4, с. 87]. Времена хана Пресиана (836–852) и князя Властимира (ок. 830 – ок. 850) характеризовались обострением болгарско-сербских отношений. В 839 г. болгары напали на сербов, но потерпели поражение, в 848–851 гг. прошла новая война между ними [4, с. 87–88; 5, с. 14–15].

В сербской литературе имеется несколько сомнительных упоминаний о сербском контроле над краем – в конце XII в. при великом жупане Рашки Стефане Немане (1168–1196), когда Тимок находился под властью видинского князя, а он на время стал вассалом Рашки; в начале XIV в. при «короле Срема» Стефане Драгутине Неманиче (1282–1314), который воевал с Видинским княжеством на западе Тимошко, но к р. Тимоку так и не вышел; в конце XIV в. при князе Лазаре

Хребеляновиче (1370–1389), который подчинил район слияния Южной Моравы и Западной Моравы с образованием р. Велика-Морава, Подунавье, а также приблизился к долине Тимока, заняв Ниш с Понишавьем, а возможно и Пирот [6; 3, с. 95, 248].

После османского завоевания Тимок в 1430–1833 гг. входил в состав Видинского санджака Румелийского эялета Порты. С падением Сербской деспотовины (1402–1459), последнего субъекта средневековой сербской государственности, ее северо-восточные земли (часть Восточного Поморавья на правом берегу и в устье Велика-Моравы) также были включены в «несербский» Видинский санджак. В середине XVIII в. турки создали новую пограничную область (серхат), напрямую подчиненную султану, которая стала неофициально именоваться Белградским пашалыком. Его административная граница на северо-востоке примыкала к землям Тимошко.

Данный регион к концу XVIII в. превратился в зону нестабильности. В 1773 г. здесь прошло антитурецкое Видинское восстание. В 1795 г. разбойник и авантюрист Осман Пазвантоглу (Пазванджия) поднял мятеж в Видине и оккупировал весь Видинский санджак. Султан Селим III после трех походов на Видин и двух осад города был вынужден амнистировать мятежника и дать ему титул паши. Так Пазвантоглу утвердился в 1799–1807 гг. в качестве полунезависимого и влиятельного властелина в крае. (Еще в молодости он подружился с будущим сербским вождем Карагеоргием, после кровавого рейда в Валахию российский император Павел I планировал экспедицию против него, Пазвантоглу пытался установить отношения с Наполеоном) [7, с. 529–541]. На османский сепаратизм накладывалось освободительное движение сербов и болгар. Волнения в Сербии и Валахии послужили толчком к свержению Селима III янычарами в 1808 г.

Первое сербское восстание (1804–1813) во главе с Карагеоргием по некоторым данным вспыхнуло именно в Неготине, самом крупном городе Тимокской краины. Первоначальный лозунг политической автономии Белградского пашалыка сменился требованием независимой Сербии, что было поддержано Россией. В июне 1807 г. русский отряд переправился через Дунай и вместе с сербами до августа осаждал Неготин. В 1809 г. сербские повстанцы при поддержке русских войск добились наибольшего территориального расширения «Карагеоргиевой Сербии», включавшей всю Тимокскую краину с Неготиным. Важно, что край был освобожден одним из лидеров восстания тимокским воеводой Велько Петровичем (*болг.* Хайдут Велко Петров). Начав с успешной борьбы с турецкими кирджалийскими бандами, он пришел к стремлению создать свое княжество, чем вызвал опасения Карагеоргия. Почитается сербским национальным героем, включен в список 100 самых знаменитых сербов. В болгарской же традиции считается, что в Тимошко и Поморавье восстание носило полностью болгарский характер. Велко Петров подается как этнический болгарин (по матери) и болгарский гайдук на сербской службе, который пытался создать именно болгарское княжество в Тимошко [8]. К сентябрю 1813 г. Первое сербское восстание без поддержки России, заключившей Бухарестский мир с Турцией по итогам Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., было подавлено.

В результате Второго сербского восстания (1815) во главе с Милошем Обреновичем начал складываться тимокский участок будущей болгарско-сербской границы.

Восточная граница Белградского пашалыка с Видинским санджаком вербальным соглашением Милоша и визиря Марашли Али-паши от 25 октября

1815 г. включала узкую полосу на западе Тимокской краины, но без излучины Дуная и бассейна Тимока. Последовавшие семь ферманов Порты уточнили новое положение Сербии. Линия границы устного соглашения Милоша была подтверждена в 1817 г. [9, с. 25–27].

Борьба за сербскую автономию привела к изданию после Адрианопольского мира 1829 г. султаном Махмудом II хатт-и-шерифов ноября 1829 и ноября 1830 гг. По ним Сербия получала религиозную свободу, наследственную княжескую властью, вывод турецких войск (кроме гарнизонов в шести городах, включая Кладово в Тимокской излучине Дуная). В 1831 г. Милош добился автокефальности Сербской церкви, в числе ее четырех епископий была и Тимокская. Третий хатт-и-шериф от 4 декабря 1833 г. значительно расширил территорию Сербии. Крайнская нахия включила всю Тимокскую краину с Неготиным и Кладово [9, с. 70–73]. Болгарское население нахии ответило волнениями – попыткой восстания в районах Белоградчика и Видина, бунтом в Неготине 1833 г., подавленными турками. Граница прошла по Тимоку до его впадения в Дунай.

Разочарование Белграда в прежних методах расширения государства, выдвинутых в «Начертании» (1844) министра иностранных дел Сербии Илии Гарашанина, привело к составлению нового тайного плана. Это были два «Устава политической пропаганды в славяно-турецких землях» на 1849/1850 и 1850/1851 гг. Они предусматривали всеобщее восстание против турок в считавшихся сербскими областях, в том числе, и в юго-западной Болгарии. Однако Видинское (Белоградчикское) восстание 1850 г. было жестоко подавлено, в том числе, из-за позиции Сербии, активно сотрудничавшей с османскими властями в нейтрализации самостоятельных болгарских попыток добиться освобождения. В реальной политике Белграда «Уставы» не нашли никакого выражения. Сербские уставобранители не поддержал антитурецкие крестьянские восстания, вспыхивавшие в соседних болгарских областях [10, с. 186–187, 196–200]. Димитракиев бунт 1856 г. под руководством Димитра Петрова (*серб*. Димитраки Петрович) и Ивана Кулина в районе городка Кула недалеко от Видина известен тем, что сербское правительство вместо обещанной помощи болгарам уведомило турецкие власти о заговоре [11].

Сложившаяся сербская граница на тимокском участке оставалась неизменной до нападения Болгарии на Сербию в октябре 1915 г.

2). Историко-географическая область Поморавье (*болг*. Поморавието) располагается в бассейне Южной Моравы, нижнем течении Западной Моравы и в долине Велика-Моравы, правого притока Дуная. В Раннем Средневековье здесь расселилось южнославянское племя мораван, которые в Сербии и Болгарии считаются представителями, соответственно, сербской или болгарской группы племен (позже мораване были ассимилированы, в основном сербами). Частью Поморавья является Понишье (*болг*. Понишавието) – регион с городом Нишем в бассейне р. Нишавы недалеко от ее впадения в Южную Мораву.

В болгарской традиции Поморавье считается одной из пяти (наряду с Мёзией, Фракией, Македонией и Добруджей) областей, где сформировалась средневековая болгарская народность. Со времен хана Крума край целиком или значительной своей частью на протяжении пяти веков находился в границах болгарской государственности. Раннее Сербское княжество Властимировичей (середина IX – середина X в.) включало в свои восточные пределы лишь бассейн Ибара до его впадения в Западную Мораву. Вся область Поморавья принадлежала Первому Болгарскому царству. Сербы в первой четверти X в. дважды терпели крупные поражения от Симеона I Великого и входили в состав его царства. Новое

сербское государство Рашка (XII – начало XIII в.) активно расширялось на восток, в область Поморавья возродившегося в 1185 г. Второго Болгарского (Тырновского) царства. В состав Рашки к концу правления Стефана Немани (1196) входила узкая полоса правобережья среднего течения Велика-Моравы (нижнее течение с устьем, а также вся долина Дуная были в руках Венгрии) и междуречье Ибара и Южной Моравы. К концу правления Стефана Первовенчанного (1228) сербская граница переместилась еще дальше к востоку, выйдя широкой полосой на правый берег Южной Моравы с городами Ниш и Вранье. Походы же на север – против венгров – к устью Южной Моравы и южному берегу Дуная не приносили стабильных завоеваний [1; 3, с. 38–39].

В 1282 г. произошло фактическое разделение государства Неманичей на два королевства – Сремское и Сербское. Главным направлением экспансии «короля Срема» Стефана Драгутина (1282–1316) был северный вектор – южный берег Дуная. Драгутин столкнулся здесь с владетелями области Браничево (в устье Моравы) – братьями Дирманом и Куделиным, болгарами или куманами (половцами) по происхождению. В 1290 г. Драгутин покорил Браничево, закрепившись на участке южного берега Дуная вплоть до пределов болгарского Тимошко. Сербское же королевство Стефана Милутина (1282–1321) вначале утратило Ниш в пользу Видинского княжества, но затем возвратило город [3, с. 153–155, 162–164; 12, с. 177–181].

Король и царь Сербии Стефан Душан (1331–1355) создал Сербо-Греческое царство, существовавшее в 1346–1371 гг. Будучи кульминацией сербской государственности, «Душаново царство» своей активностью было обращено на юг. Восточная граница с Тырновским царством не подверглась большим изменениям (мать и супруга Душана были болгарскими принцессами). Земли правобережной долины Южной Моравы по линии Браничево – Ягодина – Ниш – Вранье и восточнее оставались сербскими, но без бассейна Тимока, а также городов Пирот и Вельбужд. С распадом царства образовалось последняя доосманская сербская держава – Моравская Сербия с центром в Крушеваце (в районе слияния Южной и Западной Моравы), основанная князем Лазарем Хребеляновичем (1370–1389). Даже после катастрофы на Косовом поле и гибели Лазаря разграничительную линию все еще удерживала подвассальная Сербская деспотовина [3, с. 213–218, 242–253; 12, с. 281–285]. Однако в 1459 г. эти земли были завоеваны Османским султанатом, нераздельно оставаясь в его составе три с половиной века.

Восточный ареал Первого Сербского восстания распространялся на полосу правого берега Тимока в его среднем и верхнем течении западнее линии Заечар – Княжевац. В эту зону после наступления 1809 г. на время попали даже обширные земли Видинского санджака по восточному побережью Тимока и Белого Тимока с Брегово и Белоградчиком (на востоке), а также Нишского санджака в бассейне Нишавы с Белой Паланкой и Нишем (на юге). Однако восточная граница вассального Сербского княжества, которое начало формироваться по итогам Второго сербского восстания, была отодвинута Портой далеко на запад. Она проходила по верхнему течению Моравы. В результате расширения территории в 1833 г. Сербия получила четыре восточные и юго-восточные нахии с чисто болгарским (как считается в болгарской литературе) населением – Црнорецкую (с восточной границей Сербии по восточному берегу Белого Тимока и верховьям Тимока с городами Заечар и Княжевац), Крайнскую, Парачинскую и Крушевацкую (с обширными землями по обоим берегам Южной Моравы с городами Алексинац и Крушевац) [13, с. 27–32].

Важными событиями антиосманской борьбы болгар явились Восстания в

Западной и Северо-Западной Болгарии 1833–1841 гг. (волнения в районе Ниша 1833 г., Первое и Второе Пиротские восстания 1835 и 1838 гг., Нишское восстание 1841 г., Восстание в Северо-Западной Болгарии 1850 г.). Они поощрялись, а порой и провоцировались со стороны Сербской автономии, которая питала надежды перевести восстававшие нахии под свою юрисдикцию, но в случае политической выгоды активно сотрудничала с турками при подавлении движений [4, с. 245–252].

Далее линия болгаро-сербской границы формировалась в переломный момент истории обеих стран. В период Восточного кризиса 1875–1878 гг. и болгарское, и сербское освободительные движения начали реализовывать свои национально-государственные программы. Однако Болгарское (Апрельское) восстание (апрель – май 1876 г.) было разгромлено, а сербо-турецкая война (июнь – октябрь 1876 г.) была проиграна Сербией. Константинопольская конференция великих держав (декабрь 1876 – январь 1877 г.) приняла предложение России об автономном статусе Болгарии в этнических границах. Они включали в составе Западно-Болгарского вилайета участок Южного Подунавья (с Видином и Белоградчиком), верховья Южной Моравы (с Враней и Лесковацем), бассейн ее левого притока Топлицы (с Куршумлией и Прокупле), бассейн ее правого притока Нишавы (с Пиротом и Нишем) и почти всю Македонию (без побережья Эгейского моря) [14, с. 198–218]. Однако Османская империя отвергла любые перемены, что привело к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и военному разгрому Порты. В период пребывания во время войны русских войск на болгарской территории и существования Временного русского управления в Болгарии (апрель 1877 – июнь 1879 г.) параллельно и в те сроки сербские войска осуществляли военно-административное управление в Западной Болгарии (районы Босилеграда, Цариброда, Кулы, Сливницы, Трына) [15].

По условиям прелиминарного Сан-Стефанского мира (3 марта 1878 г.) образовывалось автономное Княжество Болгария, а Княжество Сербия получало полную независимость. Намеченная между ними граница предполагала уже раздел южной части Поморавья. К Сербии планировалось присоединение района Ниш – Куршумлия – Лесковац, к Болгарии отходил бы район Пирот – Враня. Однако Лондон и Вена, обоснованно опасаясь влияния России на Балканах, обвинили ее в стремлении создать в Болгарии «фиктивное» национальное государство, включающее «соседние народности». Берлинский конгресс (июнь – июль 1878 г.) пересмотрел сан-стефанские условия. Болгария была ограничена территорией между Дунаем и Балканскими горами, Македония возвращена под власть Порты, а район Пирот – Враня передан Сербии. Так установился поморавский участок болгаро-сербской границы, проходивший к западу от линии городов Цариброд – Трын – Босилеград, оставшихся у Болгарии [16].

В период объединения Восточной Румелии с Болгарией Белград начал сербско-болгарскую войну (ноябрь – декабрь 1885 г.). Поводом стало изменение пограничным Тимоком своего русла (сербская застава у Брегово оказалась на болгарском берегу и была вытеснена силой). Сербские войска наступали на Софию и на Видин. На софийском направлении они заняли болгарский Цариброд и достигли Трына, но болгарские войска перешли в контрнаступление, захватили и месяц удерживали сербский Пирот. На видинском направлении сербы достигли Видина, трижды штурмовали его, но не взяли. Великие державы, сами оказавшиеся на грани войны, потребовали от воюющих сторон отвести войска с захваченных земель [14, с. 246–257]. В итоге объединение Болгарии получило международное признание, Союз трех императоров распался, линия сербо-болгарской границы не изменилась. На поморавском участке она осталась в таком виде до вступления

Болгарии в октябре 1915 г. в Первую мировую войну. В болгарской культурной традиции закрепилось понятие «Цариброднская Болгария» [17]. Регион был утрачен в пользу Королевства сербов, хорватов и словенцев по условиям Нёйиского мирного договора с Болгарий 1919 г.

Библиографические ссылки:

1. Политическа география на средновековната българска държава: в две част. София : Изд. на БАН, 1979–1989.
2. *Пириватрић С.* Самуилова држава. Обоим и карактер. Београд : Византолошки институт Српске Академије наука и уметности, 1997.
3. Историја српске државности: у 3 књ. . Књ. 1. Нови Сад : Будућност, 2000.
4. История на българите: в осем тома. Т. 5. София : Труд; Знание, 2007.
5. *Живковић Т.* Портрети србских владара (IX–XII век). Београд : Завод за уџбенике и наставна средства, 2006.
6. *Николов-Зиков П.* Истинската история на Видинското княжество. София : Сиела, 2014.
7. *Иречек К.* История на българите. София : Наука и изкуство, 1978.
8. *Мутафчиева В.* Избрани произведения: в два тома. Т. 2. Пловдив : Изд. кыща «Жанет 45», 2008.
9. *Кудрявцева Е. П.* Россия и становление сербской государственности (1812–1856). М. : Квадрига, 2009.
10. *Никифоров К. В.* «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М. : Индрик, 2015.
11. *Кузманов П.* Кнез Иван Кулин. София : Държавно военно изд., 1971.
12. *Благојевић М.* Српска државност у средњем веку. Београд : Српска књижевна задруга, 2011.
13. Историја српске државности: у 3 књ. Књ. 2. Нови Сад : Будућност, 2001.
14. История на българите: в осем тома. Т. 2. София : Труд: Знание, 2004.
15. *Русков В.* Поморавието и Понишавието сред лъжливите исторически пътепоказатели по Виа Милитарис. София : Тангра, 2015.
16. *Райкин С.* Сан Стефанска България. Поява, съдба, триумф и трагедия на българската национална идея: в два тома. Т. 1. София : Пенсофт, 2011.
17. *Райчевски С.* Цариброднските българи. София : Изд. «Захари Стоянов», 2008.

СЕРБИЯ И РЕСПУБЛИКА КОСОВО: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (2008 – 2021 ГГ.)

М. С. Довгялло

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, Duahila@bsu.by

Балканы продолжают оставаться зоной стратегической уязвимости. Усиление балканского региона в настоящее время определено борьбой Европейского Союза, НАТО, России за пока еще относительную нейтральную в политическом и военном смыслах – Республику Сербию и Косово. Выбор Сербии отягощен двумя принципиально важными моментами – необходимостью признания Республики Косово и включением в военно-политическую рамку НАТО. Первый вопрос несет существенные политические и цивилизационные риски для стран Балкан, не говоря о серьезном внутреннем расколе сербского общества в отношении возможности признания албанского новообразования. В то время как многие страны в Европейском Союзе поддержали независимость Косово. США прилагают усилия по улучшению обстановки в автономном крае, обращая внимание на то, чтобы сохранить хорошие отношения с Сербией и повлиять на нее в плане одобрения ею отделения Косово. Естественным балансиром евроатлантическому давлению на Белград выступает Россия. Сохранение многовекторности может стать для Сербии возможностью выхода из тупика стратегической уязвимости – сохранить на ближайшую перспективу политической и военно-стратегической нейтральности.

Ключевые слова: Сербия; Брюссельские соглашения; Республика Косово; Европейский Союз; косовский вопрос; НАТО; Россия.

SERBIA AND THE REPUBLIC OF KOSOVO: MAJOR STAGES OF RELATIONS (2008–2021)

M. Dauhiala

Belarusian State University, Minsk, Belarus, Duahila@bsu.by

The Balkans continue to be a zone of strategic vulnerability. The strengthening of the Balkan region is currently determined by the struggle of the European Union, NATO, and Russia for the still relatively neutral in political and military terms – the Republic of Serbia and Kosovo. Serbia's choice is burdened by two fundamentally important points – the need to recognize the Republic of Kosovo and inclusion in the military-political framework of NATO. The first issue carries significant political and civilizational risks for the Balkan countries, not to mention a serious internal split in Serbian society regarding the possibility of recognizing the Albanian entity. While many countries in the European Union supported the independence of Kosovo. The United States is making efforts to improve the situation in the autonomous province, paying attention to maintaining good relations with Serbia and influencing it in terms of its approval of the secession of Kosovo. Russia acts as a natural balancer of Euro-Atlantic pressure on Belgrade. The preservation of multi-vector nature may become an opportunity for Serbia to break the deadlock of strategic vulnerability – to preserve political and military-strategic neutrality in the near future.

Keywords: Serbia; Brussels Agreements; Republic of Kosovo: European Union; Kosovo question; NATO; Russia.

Основная причина напряженных отношений между албанским и сербским населением связана с неразрешенным статусом Косово, которое в 2008 г. в одностороннем порядке при поддержке США, выступившего в качестве «главного архитектора косовской независимости» [1, с. 31], и большинства американских союзников провозгласило независимость. Однако, согласно сербской Конституции, Косово и Метохия (КиМ) – неотъемлемая часть сербской территории с автономным статусом, а Республика Косово (РК) – частично признанное государство в Юго-Восточной Европе, на Балканском полуострове. При этом слово «частично» является дискуссионным. Это частично признанное государство, населенное в основном албанцами, некоторые рассматривают как часть Сербии, а другие – как отдельное самостоятельное образование. При отделении Косова Запад признал законность этого акта, объявив его особым случаем, своего рода исключением из общего правила, гарантирующего территориальную целостность любого государства, но не Сербии… [2, с. 82]. Провозглашение независимого Косова последовало после иностранных военных бомбардировок территорий Сербии и самого Косова и иностранного вооруженного вмешательства США и НАТО – операции «Союзная сила» которую Североатланстический альянс осуществил без санкции Совета Безопасности (СБ) ООН. В июне 1999 г. была принята резолюция СБ ООН № 1244, которая, с одной стороны, была призвана гарантировать суверенитет и территориальную целостность Союзной республики Югославия (СРЮ), с другой стороны, предписывала развертывание в Косово под эгидой ООН международных сил безопасности при существенном участии Организации Североатлантического договора сил KFOR. Тем самым Косово было выведено из-под юрисдикции Республики Сербия [3, с. 328–332].

17 февраля 2008 г. парламент Автономного края Косово и Метохия в одностороннем порядке объявил о независимости от Сербии и о формировании суверенного государства Республика Косово со столицей в Приштине, несмотря на отсутствие договоренностей и решений СБ ООН. В «Декларации независимости Косово», в частности, отмечалось: «Мы демократически избранные лидеры нашего

народа, настоящим объявляем, что Косово – независимое и суверенное государство… Наша независимость подведет итог процессу жестокого распада Югославии» [4, с. 318–319]. Из 1,9 млн человек населения подавляющее большинство (свыше 90%) там составляли албанцы. В апреле 2008 г.

Парламент Косова одобрил «Конституцию», вступившую в силу 15 июня. Приштинские власти начали выдать паспорта гражданам РК. В качестве ответной меры на объявление независимости парламент Сербии принял решение об аннулировании решения краевого парламента Косова от 17 февраля 2008 г. Аналогичное решение Скупщины приняло и правительство Сербии (17 февраля). В обращении председателя Правительства Сербии В. Коштуницы к Народной Скупщине 18 февраля было сказано: «На территории суверенного государства Сербии противоправно было провозглашено лжегосударство Косово… Сербия на своей территории никогда не признает лжегосударство Косово, для государства Сербии край Косово и Метохия – составная и неотъемлемая часть страны» [4, с. 323–324]. В июне 2008 г. была сформирована Сербская Скупщина Косово – местный парламент в северной части края с национальным центром в Косовской Митровице, не контролируемой албанцами. Новый парламент поддержали Сербия и Россия, а США, руководство ЕС и власти самопровозглашенной Республики Косово рассматривали его нелегитимным, то есть незаконным [5, с. 147–148]. Вскоре после провозглашения независимости было начато уголовное преследование президента, премьер-министра и председателя парламента Косово. Республика была названа «фальшивым государством на территории Сербии», а на лидеров республики были заведены уголовные дела. Сербия также отозвала послов из США, Германии и Великобритании. Поэтому, в начале никаких официальных отношений между Косовом и Сербией не происходило.

Следует отметить ряд основных этапов взаимоотношений между сторонами. Европейский Союз (ЕС) является спонсором и организатором диалога между Белградом и Приштиной. Однако в последнее время этот диалог идет с большим трудом. Первые переговоры между Сербией и Косово на уровне Глав государств прошли только в 2011 г. в Бельгии. По вопросам таможенного режима и авиасообщения, по результатам которых в 2012 г. был подписан договор, предусматривающий право Косово участвовать в региональных форумах со специальной оговоркой о его статусе. В феврале 2013 г. состоялась историческая встреча Президента Сербии Т. Николича с Президентом Республики Косово А. Яхьяга, по итогам которой в апреле 2013 г. при посредничестве ЕС было подписано Соглашение о нормализации отношений между Белградом и Приштиной [6, с. 44], которое, по сути, закрепило уже сложившуюся ситуацию, т. е. фактически признало Косово независимым от Сербии государством в его нынешних границах. Предусматривалось создание сообщества сербских муниципалитетов (ССМ) на территории самопровозглашенной республики. Албанские власти были обязаны сформировать в течение года ССМ, создав тем самым на севере края де-факто сербскую автономию. Кроме того отдельным пунктом Соглашения Белград и Приштина оформили обязательство не препятствовать друг другу на пути евроинтеграции. Обещание ЕС ускорить интеграционный процесс стало главной причиной уступок, на которые пошли и Белград, и Приштина. Парафированный в Брюсселе план договора о нормализации отношений Белграда и Приштины, как участники переговоров, так и мировые СМИ назвали «историческим». После заключения договоренности Белграда и Приштины Еврокомиссия рекомендовала начать переговоры о приеме Сербии в ЕС. Ожидаемым сроком вступления страны в Евросоюз эксперты называли 2020 г. [7, с. 11]. С 2013 г. стороны приступили к

нормализации отношений в соответствии с Брюссельским соглашением. В июне 2013 г. при посредничестве ЕС Косово и Сербия обменялись офицерами связи.

В августе 2015 г. стороны одобрили принципы создания ССМ с широкими полномочиями и автономией, возможностью иметь своего президента и государственные символы. В частности, ССМ должно полностью контролировать сферу здравоохранения, социальной защиты, образования, городского планирования и экономического развития, а также вправе получать из Сербии финансовую поддержку, минуя налоги и таможенные пошлины. Однако, в настоящее время Приштина отказывается выполнять взятые на себя обязательства по созданию ССМ, а Евросоюз не оказывает на Косово необходимого давления в этом вопросе [8, с. 62].

С февраля 2017 г. при посреднической, а де-факто координирующей роли ЕС начались неофициальные контакты между Сербией и Косовом. Однако убийство в Косове сербского политика О. Ивановича в январе 2018 г. резко затормозило данный процесс. О. Иванович был признанным лидером сербского меньшинства в Косово. Он являлся одним из немногих политиков, который говорил на албанском языке и поддерживал хорошие отношения с албанским большинством. В прошлом он был госсекретарем в министерстве по делам Косово и Метохии в правительстве Сербии [9]. Стремясь его реактивировать, канцлер Германии А. Меркель провела специальные переговоры с президентом Сербии А. Вучичем в феврале 2018 г.

Негативно на косовских сербах сказалось решение Приштины ввести в ноябре 2018 г. пошлину 100 % на товары из Сербии и Боснии и Герцеговины (БиГ). Основными потребителями этих товаров были не косовские албанцы, а жители сербских анклавов. Взаимодействовать с властями Приштины сербы не могут, так как проживают фактически в изоляции. Таким образом, эти действия нарушали планы Брюсселя по созданию Единого экономического пространства Западных Балкан, и срывали тем самым возобновление переговоров Приштины и Белграда. Приштина игнорировала замечания еврокомиссаров и не собиралась отменять свое решение, «пока Белград не признает независимость Косова». Пришедший к власти после внеочередных парламентских выборов премьер-министр А. Курти в октябре 2019 г. согласился на постепенную отмену пошлин, но публично заявил, что не намерен реализовывать вашингтонский сценарий сербо-косовской нормализации посредством «территориального разграничения» [10, с. 124]. И только в сентябре 2020 г. Сербия и Косово договорились о нормализации экономических связей. Сербия также согласилась приостановить свои усилия, чтобы побудить другие государства либо не признавать Косово, либо отозвать признание на один год, в то время как Косово согласилось не подавать заявки на новое членство в международных организациях на тот же период.

В феврале 2019 г. в качестве варианта решения территориального спора президентом Сербии А. Вучичем был назван план обмена территориями: части южных территорий Сербии отходили бы к самопровозглашенному Косову, а Северное Косово (неофициальное название нескольких районов в северной части автономного края Косово и Метохия, населенных преимущественно сербами; это муниципальные округа Звечан, Зубин-Поток и Лепосавич, а также северная часть округа (и города) Косовска Митровица; до 1959 г. три сербских муниципалитета не были частью автономного края, а входили в состав собственно Сербии; район также известен под названием Ибарский Колашин) – к Сербии. В то же время власти частично признанной Республики Косово считают Северное Косово своей территорией, заявляя о территориальной целостности своего государства.

Фактически Северное Косово не находится в подчинении ни властей Сербии, так как этому препятствует миротворческий контингент НАТО, ни частично признанной Республики Косово, так как этому противостоит местное сербское население.

Международные силы в Косове считают органы власти на севере края незаконными, поскольку, как они утверждают, создание параллельных структур не предусмотрено резолюцией 1244.

Против обмена территориями выступило большинство граждан Сербии, а также сербская православная церковь. Нет консенсуса и в самом Косово. Германия и Франция так же изначально заявили о неприятии территориальных разменов как таковых, поскольку это может привести к эскалации напряженности в Боснии и Герцеговине, где соседствуют боснийцы, хорваты и сербы. Об автономии мечтает и албанское меньшинство в Северной Македонии. В результате чего Балканы поделятся между этническими однородными группами, и ЕС придется признать провал своей политики сближения и добрососедства разных этносов [11]. Брюссель дал понять, что приемлет только полное признание Сербией Косова, и стал лоббировать косовских политиков, которые смогли бы обеспечить приемлемое для него решение. К началу 2020-х годов германский истеблишмент вплотную подошел к заключению неформальной «стратегической сделки» между Сербией и ЕС: Сербии предлагалось признать независимость Косова де-факто и как минимум частично де-юре в обмен на гарантии со стороны ЕС по поводу сохранения социокультурных и экономических связей сербского меньшинства в Косово с исторической родиной. В единой связке со «сделкой» рассматривалось вступление Сербии в Европейский союз (базой для этого было соглашение об ассоциации с ЕС, подписанное в 2008 г. и вступившее в силу в 2013 г.) с долгосрочным сохранением внеблокового статуса в смысле отношений с НАТО.

С конца июня 2020 г. косовский вопрос вновь занял важное место в глобальной повестке. С одной стороны, это определило перетягивание политического «каната» между Вашингтоном и Брюсселем, которые проявили активность в попытке урегулирования давнего балканского спора. В сентябре 2020 г. в Белом доме президент Сербии А. Вучич и косовский премьер Х. Тачи в присутствии президента США Д. Трампа подписали каждый свою часть «Экономической нормализации» – именно так называется обнародованный документ. Встреча «на троих» вывела переговоры по урегулированию косовского вопроса на новый уровень. Планы развития экономического взаимодействия по линии Белград-Приштина (строительство авто- и ж/д магистралей; создание безвизового пространства между Албанией, Северной Македонией и Сербией и др.) были дополнены рядом политических обязательств, выходящих за рамки региона. Страны обязались признать движение «Хизбалла» террористическим; Сербия согласилась перенести посольство из Тель-Авива в Иерусалим, а Республика Косово обязалась признать государственность Израиля [12, с. 58].

В отличие от призрачной надежды на механизм защиты прав косовских сербов через ССМ, пункт Вашингтонских соглашений о взаимном уважении прав национальных меньшинств в Сербии и Косове был подкреплен экономическими гарантиями. Пакет соглашений также включал положение об участии двух сторон в инфраструктурном проекте стоимостью 13 млрд долларов по строительству железной дороги, которая пройдет от Сербии через Косово в сторону албанского порта Дуррес. Доля Сербии в этих проектах должна составить 3,7 млрд долларов; именно Белград должен будет стать центром расположения штаба Американской финансовой корпорации. При этом Вучичу удалось договориться о том, что любые

вопросы о признании Косова были исключены из соглашения. Оно, несомненно, качественно выигрывает по сравнению со всеми соглашениями, которые были заключены до этого под покровительством ЕС.

И хотя данный документ не является окончательным решением косовского вопроса, впервые в истории Сербии ее лидер смог приступить к урегулированию региональных противоречий на условиях, которые были бы выгодны сербам [13, с. 173–184].

Очередное обострение рассматриваемых отношений произошло в сентябре 2021 г. Косовская полиция запретила въезд транспорту с сербскими регистрационными знаками – на границе водители должны устанавливать временные косовские номера и платить пошлину €5. В ответ на это проживающие на севере Косово сербы начали акцию протеста около КПП «Ярине», расположенного по пути из Белграда в Приштину. Там, а также на КПП «Брняк» по дороге из города Косовска-Митровица в Нови-Пазар и в двух других местах на севере частично признанной республики разместились бойцы подразделения косовского МВД. В конце сентября на КПП «Ярине» прибыли американские, канадские и польские военные контингента KFOR, международные миротворческие силы под руководством НАТО [14]. КПП «Ярине» находится на административной границе Сербии и Косово. Слово «административная» подчеркивают полицейские с сербской стороны – с точки зрения Белграда, это граница между частями единой Сербии, въезд в регион Косово и Метохия. С косовской стороны настаивают, что это граница межгосударственная [15]. Такое двоякое понимание и отношение к пропускному пункту.

Ситуация на границе успокоилась, но на дипломатическом уровне она по-прежнему остается нерешенной. За ее урегулирование в очередной раз взялся Евросоюз, который уже десять лет выступает посредником между Белградом и Приштиной. 29 сентября 2021 г. в Брюсселе между ними начались переговоры, цель которых – восстановить не только порядок на границе, но и свободное перемещение. А вот дипломатическое противостояние Белграда и Приштины продолжится, и роль Евросоюза в нем очевидна. Переговоры в Брюсселе по ситуации на Балканах завершились условным успехом: Сербия и самопровозглашенная Республика Косово договорились об отводе военных от границы. Приштинский спецназ на линии разграничения заменят силы натовской миссии KFOR, сербские баррикады у КПП будут разобраны. Источник текущего кризиса – вопрос с номерными знаками – будет устранять специальная комиссия из представителей ЕС, Сербии и Косово. Президент Сербии Александр Вучич подчеркнул, что подписанным соглашением Белград «отстоял свободу перемещения». Насильственное снятие сербских номеров при въезде в автономный край прекращено. Пошлины в размере €5 прекращают взиматься. Косовары не смогут снимать сербские номера и ставить стикеры. Теперь нужно будет только наклеить этикетки, чтобы закрыть герб Сербии. Аналогично перестанут взимать €5 за въезд с косовскими номерами и сербы – и это решение в Приштине считают своей главной победой. Белград взимал плату за таблички 10 лет, теперь же решение этого вопроса передано комиссии ЕС [16].

В Евросоюзе есть разные предложения по решению косовского кризиса. Например, вариант разделения Косово на две части – сербскую и албанскую, когда территория с преимущественно сербским населением воссоединиться с Сербией, а албанская получит признание [17]. Но это почти нереализуемо, учитывая позицию Белграда. Именно в последние месяцы резко активизировалось давление на Белград по линии ЕС – НАТО. Речь идет о появлении проекта, так называемого

компромисса. Его суть в размене территориями между Сербией и РК: официальный Белград готов передать часть южных муниципалитетов в обмен на сербские районы Косово и Метохии. Такую идею не поддерживает большинство сербов. В аналитическом докладе экспертов проекта «Балканист.ру» рассматривается другие три основные сценарии развития кризиса – непризнание (сохранение статус-кво), разграничение (обмен территориями) и вынужденное признание через вооруженный конфликт [18].

В феврале 2016 г. премьер Сербии А. Вучич высказался за союзнические отношения с Североатлантическим альянсом, а парламент республики ратифицировал соглашение, предоставляющее натовцам свободу передвижения по сербской территории и дипломатический иммунитет [19, с. 95]. Таким образом, Белград, не отказываясь формально от политики нейтралитета, активно расширяет взаимодействие с НАТО. «НАТО нам необходим как союзник, оберегающий наш народ в Косово и Метохии», – заявил премьер Сербии [20]. А Президент Сербии Т. Николич подписал соглашение с НАТО, согласно которому, представители Альянса получают специальный дипломатический иммунитет и свободу перемещения по территории страны, а также доступ к сербским военным объектам. Руководство США, безусловно, хотело бы, чтобы Сербия вступила в НАТО. Без включения этой страны в альянс НАТО не имеет полного военно-политического контроля над Балканами. Принятый сербским парламентом документ – не первое такого рода соглашение с НАТО. В марте 2015 г. Сербия подписала с альянсом План индивидуального партнерства, по которому предоставила НАТО право использовать всю свою военную инфраструктуру. Открыла для членов альянса военно-тренировочный центр «Юг» [19, с. 96]. Сегодня Сербия фактически полностью окружена странами НАТО. Так, семь соседних государств уже входят в состав альянса (Албания, Болгария, Венгрия, Румыния, Хорватия, Черногория и Северная Македония), а Босния и Герцеговина, первая на очереди в НАТО. Кроме того, возле косовского города Урошевац расположена одна из крупнейших американских военных баз в Европе – Кэмп-Бондстил, где размещен контингент ВС США, который действует в составе KFOR (международные силы под руководством НАТО, ответственные за обеспечение стабильности в Косово).

С марта 2012 г. Сербия считается кандидатом в члены ЕС, а в январе 2014 г. начались переговоры о присоединении к Евросоюзу. Белград продолжает курс на вступление в Евросоюз и сотрудничество с НАТО, де-факто став его ближайшим союзником, хотя вопрос о присоединении к военному блоку ей не рассматривается с одновременным углублением сотрудничества с Россией во всех сферах, включая и военную. ЕС не раз отмечал, что признание Белградом косовского суверенитета - это залог его вступления в европейский клуб.

Таким образом, Сербия – единственная страна, у которой в соглашении с ЕС есть дополнительный пункт, который должен быть реализован для вступления в ЕС. Путь вступления Сербии в Евросоюз является изощренно антисербским. Сербам ставят такие условия, которые не ставили ни одной другой стране, присоединявшейся к Евросоюзу [21, с. 103]. Без окончательного решения косовской проблемы Сербия не сможет продолжить интеграцию.

В настоящий момент ее не признают суверенным государством 98 из 193 стран-членов ООН, в том числе постоянные представители Совбеза ООН Россия и Китай, а также пять государств-членов Евросоюза. При этом 15 государств отозвало признание.

Чтобы стать членом ООН, страна должна иметь поддержку 2/3 государств членов (129 из 193) и одобрение СБ ООН и в отсутствии вето какого-либо

постоянного члена Совета Безопасности. Вместе с тем, три соседних государства, которые признают Косово – Албания, Черногория и Северная Македония – принимают косовский паспорт, от которого Сербия отказывается.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Балканском регионе сложилась следующая ситуация. Белград демонстрирует готовность идти на переговоры и определенные уступки ради решения косовского вопроса, а Приштина нивелирует любые инициативы.

Библиографические ссылки

1. *Искандеров П.* Косово: исторические, военно-политические и международно-правовые аспекты проблемы // Международная жизнь. 2011. № 10. С. 20–34.
2. *Князев Ю. К.* О непротиворечивости принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение // Международная жизнь. 2019. № 4. С. 80–93.
3. Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 2 (1998–1999 гг.). М. : Индрик, 2007.
4. Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 4 (2006–2010 гг.). М. : Индрик, 2011.
5. *Горбатюк Н.* Wikileaks: Разоблачения, изменившие мир. М. : Эксмо, 2011.
6. *Соколова П. С.* Евро-атлантическая ориентация Западных славян // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 7. С. 37–47.
7. *Федорова М.* Белград – Приштина: сближение взглядов? // Компас. Вестник международной аналитической информации. 2014. № 10. С. 13.
8. *Кириллов В. Б., Путинцев И. С.* Балканы в 2010-е гг.: гомогенизация региона под влиянием Запада и роль России // Современная Европа. 2020. № 1. С. 59–68.
9. *Леонова Л.* Громкое убийство в Косово // Советская Белоруссия. 2018. 17 января.
10. *Кандель П. Е.* Балканские дилеммы Евросоюза // Современная Европа. 2020. № 2. С. 123–130.
11. *Ибрагимова Г.* Переход границ: Какая сделка готовится между Сербией и Косово // РИА «Новости». 2018. 07.09. https://ria.ru/20180907/152797022.html (Дата обращения: 21.11.2021).
12. *Арляпова Е. С., Пономарева Е. Г.* Экономика самопровозглашенного Косово // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 4. С. 58–70.
13. *Кузнецова О.* Протестное движение в Белоруссии и новая Объединенная оппозиция Сербии. Сравнительный анализ // «Свободная мысль». 2021. №2. С. 173–184.
14. Сербия и Косово на грани конфликта. Почему через 30 лет после большой войны на Балканах снова готовы взяться за оружие? https://lenta.ru/articles/2021/10/02/kosovo/ (Дата обращения – 5.10.2021).
15. *Байназаров Э., Постникова Е.* Всем смирно // Известия. 2021. 30 сентября.
16. *Ланский Р.* ЕСкая причина // Известия. 2021. 1 октября.
17. *Лару Д., Забродин А.* Косово не помеха // Известия. 2018. 5 марта.
18. Три сценария для Косово. Аналитический доклад / под ред. О. Бондаренко. Режим доступа: https://balkanist:ru/tri-stsenariya-dlya-kosovo/ (Дата обращения – 15.11.2021).
19. *Калоева Е. Б.* Балканы между Западом и Россией: Взгляд сквозь призму общественного мнения //Актуальные проблемы Европы. 2017. № 3. С. 87–113.
20. *Сысоев Г.* НАТО возвели в дипломатический статус // Коммерсант. М., 2016. 17.02. Режим доступа: http:// kommersant ru (Дата обращения – 28.11.2021).
21. *Гуськова Е.* Россия и Запад в борьбе за Балканы //Международная жизнь. 2018. № 2. С. 99–103.

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

ГОСУДАРСТВО В ХРИСТИАНСКОЙ ТРАКТОВКЕ АНТИЧНОГО ПЕРИОДА

О. М. Ленцевич

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь,
liantsevich.volga@yandex.ru

В статье на основе анализа трудов христианских авторов античного периода прослеживается эволюция взглядов на государство и светскую власть, выявляются причины изменения позиции, особенности формирования концепции на Западе и на Востоке Римской империи.

Ключевые слова: античное христианство; государство; Римская империя; эсхатология; мужи апостольские; апологеты; патристика.

THE STATE IN THE CHRISTIAN INTERPRETATION OF THE ANCIENT PERIOD

V. Liantsevich

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus, liantsevich.volga@yandex.ru

The article traces the evolution of views on the state and secular power based on the analysis of the works of Christian authors of the ancient period, identifies the reasons for the change in position, the peculiarities of the formation of the concept in the West and in the East of the Roman Empire.

Keywords: ancient Christianity; state; Roman Empire; eschatology; men of the apostles; apologists; patristics.

Термин «античное христианство» имеет, прежде всего, хронологический смысл и включает в себя период первоначального христианства (новозаветный период), раннехристианский период (в контексте государственно-церковных отношений целесообразным рубежом видится 313 г.) и продолжается до второй половины V в. н.э. На протяжении всего периода в рамках античной цивилизации шел процесс формирования христианской доктрины, культовой практики и иерархической церковной организации; менялся статус – от одного из многочисленных верований языческого Рима, к религии гонимых, и далее – к разрешенной и, наконец, единственной государственной религии.

На протяжении всего периода вопросу взаимоотношений с государством христиане не уделяли специального внимания. При этом, будучи подданными активно растущего крупнейшего государственного образования, они так или иначе обращались к вопросу отношения к власти, ее сущности и назначению. Политическая обстановка, сложившаяся в римских провинциях на рубеже нашей эры, в немалой степени повлияла на формирование базовых христианских идей. Отношение к государству у христиан под воздействием внешних и внутренних факторов постепенно менялось.

Христианство привлекало к себе многих людей, которые не были удовлетворены тем, что давала им окружающая действительность и многочисленные языческие культы Римской империи. Именно новые идеи расширяли круг сторонников учения Иисуса. Среди них на первое место можно

поставить идею спасения, избавления от страданий и смерти через веру в Иисуса, в его мессианское предназначение. Как утверждает один из исследователей этого периода В. Джемс «…для огромного большинства людей … религия означает прежде всего бессмертие – и, пожалуй, ничего больше…» [4, с. 515]. Среди множества религиозных учений поздней античности христианство выгодно отличалось прежде всего тем, что существование человека в нем не ограничивалось лишь земным веком, и обещало вечное бессмертие, райское блаженство тем, кто примет в свое сердце Иисуса и будет следовать строгим предписаниям. Из религий, существовавших на рубеже эры, эту идею предлагали и восточные культы, и иудеи. К. Баус предполагает, что среди представителей среднего класса было довольно много поклонников восточных мистерий [15, с. 20]. Однако, эти общества были закрытыми, и даже секретными, – считает М. Шепперд; только посвящение несло человеку возрождение и вечную жизнь после смерти [21, с. 3]. Большинство исследователей склонны утверждать, что в массах восточные культы с их сложными мистериями, магией и астрологией, не имели широкого распространения [8, с. 734; 10, с. 11; 13, с. 174].

Иудеи же, будучи в большинстве своем закрытым этно-религиозным сообществом, обещали рай лишь для еврейского народа. Иудейская религия закона с ее строгими правилами и нормами жизни не могла привлечь к себе большого количества последователей. В то же время Иисус, иудей, стал Мессией не только для евреев. Христианская религия обещала вечную жизнь представителям любого вероисповедания, любой этнической и социальной группы. Принципиально новым в христианском бессмертии было признание факта всеобщей греховности любого человека. Но в то же время верующий мог «спастись». И это было, по меткому замечанию У. Френда, индивидуальное, а не коллективное спасение избранного народа [17, с. 44].

Период первоначального христианства отмечается своей однозначно негативной оценкой римского государства, ярко выраженной в Откровении Иоанна, самой ранней книге Нового Завета, где Рим называется «Вавилонской блудницей» (Откр. 17.1; 5; 18), ассоциируется с беззаконием и неправдой, насилием, страхом, захватническими войнами. Отрицание современного государства, протест против установленных порядков сопровождался неверием в собственные силы, в возможность изменить установившуюся практику, и надеждой на высшие силы, которые установят справедливость. Наиболее ярко подобные надежды выразились в ожидании скорого пришествия «Мессии», Спасителя, который установит «тысячелетнее царство» справедливости на земле.

Настроения в римской провинции Иудее, обостренные 36-летним правлением ставленника Рима царя Ирода Великого (40 – 4 гг. до н.э.) были отражением общегосударственных тенденций. Жестокое подавление народных восстаний, повсеместное насаждение римских культурных и религиозных традиций, умелая игра на противостоянии иудейских религиозно-политических групп фарисеев и саддукеев, используемые Иродом для прихода к власти и укрепления своего политического могущества, а также регулярная поддержка из столицы, вызывали ненависть подданных и постоянно крепнущее ожидание прихода того, кто избавит народ от деспота. Поэтому неудивительно, что первое появление Иисуса было воспринято как приход царя-спасителя. Впервые «Царем Иудейским» младенца-Иисуса называют волхвы; именно с таким обвинением Иисус предстает перед Пилатом (Мф. 27.11; Лк. 23.3).

Безусловно, именно отношение Иисуса к «земному» государству закладывало основы христианской трактовки основного политического института.

Историография XX в., обращаясь к данной проблематике, трактовала Христа по-разному, ссылаясь, прежде всего, на отдельные евангельские фрагменты, подтверждающие их правоту: как анархиста, отрицающего царскую власть и суды [2]; как пацифиста, выступающего против любой формы насилия [23]; а также прямо противоположно, как революционера, сторонника насильственной борьбы с римской тиранией, сочувствующего движению вооруженного сопротивления зелотов [16]. В данных, а также множестве иных работ прослеживается, по всей видимости, попытка приписать евангельским временам настроения и идеи современного общества.

Евангельский Иисус не отрицает, но и не уделяет слишком большого внимания вопросам взаимоотношений с властями. Второе искушение, которому подвергся Спаситель в пустыне – искушение властью (Лк. 4. 5–7). Он сталкивается с властями на протяжении своего пути, открыто выступая против общепринятых порядков (изгоняет торговцев из Иерусалимского храма (Лк. 19. 45–47); называет Ирода «лисицей» (Лк. 13. 31–32) и даже подчеркивает, что принес «не мир…, но меч» (Мф. 10. 34–36).

С другой стороны, в словах и поступках Иисуса нет прямого осуждения и выступления против действующей власти, прослеживается тенденция непротивления злу насилием, высказанная в Нагорной проповеди (Мф. 5.38–39, 44), при аресте (Мф. 26.52), в разговоре с Пилатом (Мф. 27.12–14). Здесь мы видим скорее индифферентное отношение к государству, попытку отстраниться от его влияния, сосредоточиться на гораздо более важных вопросах: построении Царства Божьего внутри каждого верующего. Спасение каждого человека Иисус видит в следовании единственно правильным и справедливым божьим законам. Происходящее вокруг него «море беззакония», воровство, убийства, идут не от Бога; именно для «беззаконных, нечестивых и грешников» нужен закон. И этот закон также не связан с государством, у Иисуса он един и происходит только из одного источника – божьей воли.

При отсутствии специального разговора о государстве, в поведении Спасителя прослеживается скорее пассивное подчинение некоторым государственным порядкам там, где это не затрагивает вопросы веры: заплатить подати («отдавайте кесарево кесарю» (Лк. 20.21–25)).

После смерти Иисуса круг его сторонников преобразовался в общину. Отличительной чертой апостольского периода, датируемого от 70 – 80 гг. [20, с. 87] до 100 – 125 гг. [19, с.78; 14, с.210], было то, что апостолы из Иудеи направились в другие провинции Римской империи, обращая в христианство новых последователей. По примеру первых христианских общин стали организовываться сообщества христиан-единоверцев во враждебной языческой среде. Это была единственная возможность поддержать, сплотить единоверцев, привлечь к себе новых сторонников.

На первых порах новая религия не содержала жестко регламентированных норм и правил жизни; при этом вера в скорое возвращение Христа, страшный суд и установление Царства Божьего на земле предопределила некоторые поведенческие установки жизни христиан. Одной из доминирующих идей первоначального христианства стали эсхатологические ожидания [12, с. 44]. Безразличие и даже осуждение Иисусом богатства (Мф. 19.24), роскоши и распущенности нравов того времени, ожидание скорого конца мира вывело тезис об отречении от всех ценностей земного мира: «… не любите мира, ни того, что в мире…» (Ин. 2.15). «Блудодеянию» христианами был противопоставлен аскетизм, как телесный, так и нравственный.

Одной из наиболее популярных идей нового учения была вера в лучшее будущее, которое должно наступить для всех племен и народов. В ней своеобразно заложена идея прогресса, т.к. на арену выходил новый, преобразованный, лучший человек, который стремится создать себя по образу Иисуса. И при этом утверждалось, что любой человек может достичь божественной высоты (ведь сам Иисус – «сын человеческий»). Первые христианские общины основывались на идеях равенства всех верующих перед Богом (слова апостола Павла «Нет уже иудея, ни язычника, нет раба, ни свободного, нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3.28) представили великую идею равенства, этнического и религиозного, полового и социального); общности имущества (отказа от частной собственности); коллективного труда; осуждения богатства и привилегий, рабства. Общины воспринимались верующими как прообразы будущего царства Божьего на земле. Анализируя политические доктрины последующих эпох, можно с уверенностью утверждать их обращение к идеалам первоначального христианства.

При этом у первых христиан вход в царство Иисуса лежит через принятие норм любви и справедливости, поскольку Спаситель своим примером убеждал, что став на путь силового свержения власти, «любое поколение революционеров может перерасти в следующее поколение угнетателей» [18, p. 206].

В первых христианских общинах не существовало четкой организации, не было ни общинного собрания, ни главы общины. По всей вероятности, дома единоверцев служили местом для собраний, а харисматически одаренные личности (апостолы, пророки, дидаскалы-учителя) наставляли в вопросах веры. Но уже в поздних посланиях Павла (Флп., 1 Тим., Тит.) встречаются слова о «даре управления» и вырисовываются церковные должности епископов и диаконов. В то же время наблюдается поворот апостолов в отношении к действующей власти: у Петра видим: «Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, – ибо такова есть воля Божия…» (1 Пет. 2.13–15). И далее у Павла, как бы в продолжение слов Петра: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога…» (Рим. 13. 1–7). На первый взгляд непоследовательная позиция апостолов может объясняться их основной целью: распространением христианских идей в провинциях империи на фоне недружелюбных настроений и слухов, которые сопровождали новое учение. Было важно не обострить отношения с враждебно настроенным языческим миром, а напротив, продемонстрировать образец должного поведения. При этом обратим внимание на новый тезис, ранее не встречавшийся в христианских писаниях: «нет власти не от Бога». Таким образом, налицо объективный процесс эволюции христианских идей на фоне эсхатологических ожиданий и формулирование новых задач, неактуальных в период первоначального христианства. Объяснение данного явления приобщением к христианству богатых язычников, которые сделали религию глубоко противоречивой, с порой противоположными трактовками государства [1, с. 158], выглядит не вполне обоснованной.

В конце I – начале II вв. происходит переход к иерархическому строю церкви, обусловленный, с одной стороны, увеличением количества верующих в общине и снижением их общего уровня [3, с. 16–17] и в связи с этим – необходимостью унификации в культе и дисциплине [22, с. 81], а с другой стороны – процессом естественного вымирания чрезвычайных служений [7, с. 101]. Место харисматиков постепенно занимали епископы и диаконы. И если в общинах первой

четверти II в. еще отсутствовал стоящий над рядовыми общинниками клир [11, с. 67], то в писаниях апостольских мужей рубежа I – II вв. уже различаются три клерикальные должности – епископов, пресвитеров и диаконов [15, p. 43]. Правда, все три должности называет только Игнатий Антиохийский (Ad Smyrn. VIII), призывая мирян подчиняться клирикам. Процесс роста значения клира гораздо быстрее шел на Востоке (Сирия, Малая Азия) [21, p. 16; 9, с. 149], и во второй декаде II в. в Антиохии, по данным К. Бауса, уже существовал монархический епископат [15, p. 44]. Поставленный апостолами епископом г. Смирны Поликарп (муч. 156 г.) в письме к Филиппийцам рекомендует: «Молитесь также за царей, за власти и князей, даже за преследующих и ненавидящих вас и за врагов креста, чтобы плод вашей веры был явен для всех, и сами вы были совершенны» (Филипп. XII). Данные слова не вступают в противоречие с предшественниками Поликарпа, поскольку в наступивший период гонений на христиан вновь обострились эсхатологические ожидания, и подвиги за веру стали прямым способом обретения рая.

Апологетическая литература конца II – III в. должна была раскрыть основные положения христианского вероучения римским властям, а также образованным язычникам и добиться таким образом терпимости со стороны государства и общества. Христианские авторы вступают в полемику с не-христианами, приводят многочисленные аргументы в свою пользу, в том числе касаясь проблем государства.

Известный римский юрист африканского происхождения Марк Минуций Феликс в диалоге «Октавий» (конец II – начало III в.) говорит о началах римской государственности: «Не преступление ли соединило римлян, не неистовая ли жестокость дала им силу? … и сам Ромул … совершил братоубийство, чтобы превзойти в злодеянии свой народ. Вот первые начатки благочестивого государства…» (Octav. XXV). Похожая картина изображается и в сочинении карфагенского епископа Киприана (ок. 255 г.), где также «взгляд на происхождение [Рима] заставляет краснеть… Народ собирается из преступников и злодеев и, устроив убежище, совершает множество безнаказанных преступлений… грабят, неистовствуют, обманывают…» (Quod idola 4). Негативный образ начал римской государственности должен был, по закону жанра, перерасти в обличение современного Рима, чего на практике не происходит. У Киприана видим: «Царства же не по заслугам предоставляются, но меняются в соответствии с предназначением, по чередованию властей пришло также время править и римлянам, как и прочим…», и оказывается, что последние всего лишь «хранят полученное время до известного срока» (Quod idola 4). Это уже попытка выявления автором закономерностей исторического процесса. Вцелом, по утверждению профессора В.А. Федосика, Киприан «избегает оценок императорской власти»; в его сочинениях «нет открытого осуждения императорской власти» [10, с. 81–82].

Терпимое отношение к развивающимся на государственном уровне общеимперским гонениям на христиан, отсутствие осуждения со стороны авторов II – III вв. антихристианской политики властей вполне сочеталось с настроениями первых христиан. Нельзя не отметить также тот факт, что для формирующегося христианства значительные территории единой Римской империи были удобным плацдармом для распространения веры. Таким образом, для миллионов людей Pax Romana был единственно возможным. Поэтому «… позднеантичные интеллектуалы, в том числе и христиане, не могли не задумываться о судьбе Империи и ее месте в мировой истории» [6, с. 241].

В «Церковной истории» Евсевия сохранились отрывки Апологии Мелитона,

епископа малоазийских Сард, адресованной Марку Аврелию (ок. 170 г.). Автор впервые рассматривает христианскую религию и земную империю как двух сестер; распространение христианства со времен Августа принесло большую пользу государству, поскольку империя с этого времени только укреплялась благодаря «молитвам всех» (Hist. eccl. IV. 26. 7–8). В сущности, это первые ростки развитой позднее в Византии концепции симфонии Церкви и государства, в которой постулируется тесная связь двух базовых институтов.

Один из известнейших христианских писателей, теологов и апологетов из Карфагена Тертуллиан оставил богатое литературное наследие, по большей части сохранившееся. В «Ad nationes», «Apologeticum» (197 г. н. э.), «Ad Scapulam» (212 г. н.э.) прослеживается иногда не вполне последовательное отношение автора к светской власти: «… скорее, наш [чем ваш] император, так как он поставлен нашим Богом» (Apolog. 33). С другой стороны, императоры являются главными гонителями христиан (Apolog. 31). При этом апологет выдвигает тезис о том, что Рим получил власть над народами по воле Всевышнего: «Судьба времен владеет царствами. Ищите, кто установил смены времен. Он же управляет царствами… и теперь сосредоточил в руках римлян власть, отнятую у многих народов… Что от Него зависит она, это знают те, кто к нему ближе всех…» (Ad nat. II. 17).

Далее в Апологии – прямое указание на общие интересы: «Мы знаем, что предстоящая всему земному шару величайшая катастрофа и самый конец мира, грозящий страшными бедствиями, замедляется римскою властью. Мы не хотим испытать этой катастрофы и этого конца, и потому, когда молимся об отсрочке этого, то этим самым содействуем продолжению римского государства» (Apolog. 32); «… христианин должен его [императора] высоко ценить, почитать, уважать и желать ему благополучия, равно как и всей Римской империи, пока существует мир, ибо дотоле он будет существовать» (Ad Scap. 2). П. Лебедев предлагает трактовать эти отрывки как последовательную «христианизацию» римской истории [5, с. 53], проявляющуюся в христианской литературе с III в.

Весьма рельефно идею необходимости и преимуществ существования для христиан единого государства подтверждает Ориген Александрийский в «Contra Celsum» (ок. 248 г.): «Бог предуготовил народы к Его учению и устроил так, что римский царь стал господствовать над всем миром. Ведь если бы было много царств, тогда и народы оставались бы чужими друг другу; тогда и исполнение приказания Иисуса: «идите и научите все народы» (Мф. 28.19), – приказание, которое дано было Апостолам, было бы соединено со значительными затруднениями. Известно, что рождение Иисуса последовало в правление Августа, который слил – если можно так выразиться – многочисленные народы земли в одно царство. И это было важно потому, что существование многочисленных царств, конечно, послужило бы препятствием в деле распространения учения Иисуса по лицу всей земли…» (Contra Cels. II, 30).

В «Церковной истории» (323–325 гг.) кессарийского епископа Евсевия Памфила идея Империи как богоизбранного христианского государства нашла своё окончательное оформление [пенской, с. 244]: «… предрасположив души высших царственных лиц, Оно [Слово Божье] очистило с помощью этих угодных Богу людей всю вселенную от всех злых нечестивцев и от страшных и богоненавистных тиранов…» (Hist. eccl. X. 4.60). С Империей историк связывает распространение христианства в языческой среде, борьбу с ересями и даже защиту единоверцев за пределами государства. Он обосновывает изменившийся в результате принятия Миланского эдикта 313 г. статус христианской церкви в Римской империи, знаменовавший собой начало последовательной христианизации и последующего

закрепления в положении единственной государственной религии.

Особую позицию в отношении государства занимает представитель западной патристики, епископ североафриканского Гиппона Августин Аврелий (354–430). В трактате «О граде Божьем» (412–426) выводится образ двух противоборствующих градов – небесного и земного. Их основателями являлись враждовавшие между собой Каин и Авель: «…образовались два различные и противоположные друг другу града потому, что одни стали жить по плоти, а другие по духу, может быть выражено и так, что два града образовались потому, что одни живут по человеку, а другие по Богу» (Кн. 14.4). «Грады» Августина – гипотетические, не имеющие реальных аналогов. Это скорее идеальные проекции, ассоциирующиеся с Богом и сатаной. «Град Божий» и «Град земной», как духовная и светская власть, существуют отдельно, в чем, по сути, прослеживается идея разделения двух властей. Однако в данном направлении Августин непоследователен, указывая на то, что власть земные правители приобретают не сами, она принадлежит им по воле Бога и должна направляться на сохранение единства церкви, ее защиту от варваров и еретиков. Власть же Церкви выше светской власти, поскольку духовная власть обладает приматом над мирской.

Реальные государства, находящиеся в состоянии постоянной войны друг с другом: «…при отсутствии справедливости, что такое государства, как не большие разбойничьи шайки; так как и сами разбойничьи шайки есть не что иное, как государства в миниатюре» (Кн. 4.4). Аврелий постулирует временный, конечный характер всех земных государств, поэтому вполне спокойно относится к разграблению Рима готами. Для него земной мир представляется средством, с помощью которого человек достигает Бога.

Таким образом, в период формирования и развития в рамках позднеантичной цивилизации христианство проходит в трактовке государства длительный путь, от враждебных выпадов времен Апокалипсиса, к индифферентному отношению в Евангелиях далее, лояльному характеру периода гонений и, наконец, формированию концепции богоизбранности Империи, предназначенной для спасения человечества и построения Царства Божьего на земле. «Государственные» настроения менялись в процессе формирования христианского учения и церковной организации, а также изменения статуса христианской религии в Риме. Сложившаяся на закате античности концепция Рима как богоизбранного христианского государства предопределила в последующие века тип отношений государства и церкви в восточном христианстве, в то время как для западной христианской модели определяющей становится идея примата духовной власти над светской.

Библиографические ссылки

1. *Азаркин Н. М.* Всеобщая история юриспруденции: Курс лекций. М. : Юрид. лит., 2003.

2. *Алмазов В.* Христос и анархизм // Журнал «Вольная жизнь». № 8. дек. 1920 г.

3. *Гидулянов П.* Участие женщины в древнехристианском богослужении. Ярославль : Изд. Яросл. епар., 1908.

4. *Джемс В.* Многообразие религиозного опыта. М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1910.

5. *Лебедев П. Н.* Христианство и империя: позиции в апологетической литературе конца II – первой половины III вв. н. э. // Вестн. РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2008. № 12. С. 49–57.

6. *Пенской В. В.* Формирование концепции «богоизбранного» государства в раннехристианской литературе // Науч. ведомости Белгор. гос. ун-та. Сер. филос.-теол. науки. 2006. № 9. С. 239–247.

7. *Писарев Л. И.* Учение об иерархии. Мужей апостольских // ПС. 1915. Т. 1. С. 90–188.

8. *Свенцицкая И. С.* Особенности религиозной жизни народных масс в азиатских провинциях

Римской империи (II–III вв.): язычество и христианство // Древние цивилизации. Древний Рим. М. : Научно-издательский центр «Ладомир», 1997. С. 728–745.
9. *Свенцицкая И. С.* Раннее христианство: страницы истории. М. : Политиздат, 1989.
10. *Федосик В. А.* Киприан и античное христианство. Минск : Университетское, 1991.
11. *Федосик В. А.* Таинства без тайн. Возникновение и социальная сущность первых христианских таинств. Минск : Наука и техника, 1979.
12. *Фядосік В. А.* Антычны трыумф хрысціянства, або Хрысціянская рэвалюцыя // Беларускі гістарычны часопіс. 2000. №2. С. 44–49.
13. *Штаерман Е. М.* От религии общины к мировой религии // Культура Древнего Рима: В 2-х т. Т. 1. М. : Наука, 1985. С. 106–209.
14. *Юлихер А.* Религия Иисуса и «начала христианства» до Никейского собора // Общая история европейской культуры: В 7 т. Т. 5. СПб. : Изд-е Брокгауз-Ефрон, 1908. С. 155 – 238.
15. *Baus K. Beginnings* // The Early Church: an abridgment of History of the Church: In 3 vol. Vol. 1. N. Y.: Crossroad, 1993. P. 3–75.
16. *Brandon S. G. F.* Jesus and the Zealots; a study of the political factor in primitive Christianity. Manchester : Manchester University Press, 1967.
17. *Frend W. H. C.* Archaelogy and History in the Study of Early Christianity. L. : Variorum Reprints, 1988.
18. *Greely A. M.* The Jesus myth. L. : Search Press, 1972.
19. *Kidd B. J.* A History of the Church to A.D. 461: In 2 vol. Vol.1. Oxford : Clarendon Press, 1992.
20. *McNamara J. A.* Matres Patriae /Matres Ecclesiae: Women of Rome / J.A. McNamara // Becoming Visible. Women in European History. – Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 1998. – P. 77–103.
21. *Shepherd M. H.* The Rise of Christianity // A Short History of Christianity. Chicago, London : The University of Chicago Press, 1967. P. 1–32.
22. *Walker W. A.* History of the Christian Church / W. Walker. N. Y. : Charles Scribner’s sons, 1970.
23. *Yoder J. H.* The politics of Jesus. Michigan, Grand Rapids : Wm.B. Eerdmans, 1972. Mode of access: http://www.geocities.com/savageparade/poj#_Toc93340374/ – Date of access: 11.09.2021.

ОБОБЩЕНИЕ ПРОЦЕССА ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ВИЗАНТИИ И ДО НЕКОТОРОЙ ОФОРМЛЕННОСТИ ОБРАЗА РАННИХ ХРИСТИАНСКИХ ЛИТУРГИЙ

А. Д. Стржалковская

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия, Strzhalkovskaya@yandex.ru

Статья посвящена изучению истории древних христианских богослужений. Обрядность, сопутствовавшая во время собраний первых христиан, имела весьма скудные, напоминающие по своей сущности традиционные иудейские собрания. Начальный этап евхаристического обряда включал в себя агапы, таинство причащения присоединялось к вечерие любви (агапе). На первые богослужения оказывает влияние, в частности на его внешнюю часть, иудейский ритуал. Начиная с IV века христианские обряды развиваются в отношении на становления циклов к богослужениях, так называемых суточного круга, недельного круга, годового круга. Дальнейшее распространение христианства привело к формированию собственной литургической традиции, имеющей свои обособленные детали, стили написания молитв и т.д. В столице империи Константинополе большое распространение получают литургий Василия Великого и Иоанна Златоуста.

Ключевые слова: история; литургия; раннее христианство; Византия; обряд.

A GENERALIZATION OF THE PROCESS FROM THE ORIGIN OF THE LITURGIC TRADITION IN BYZANTINE TO CERTAIN FORMALIZATION OF THE IMAGE OF THE EARLY CHRISTIAN LITURGIES

A. Strzhalkovskaya

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia, Strzhalkovskaya@yandex.ru

The article is devoted to the study of the history of ancient Christian worship. The rituals that accompanied the meetings of the first Christians were very scarce, resembling in their essence traditional Jewish gatherings, consisting of a minimal set of rituals and actions. The initial stage of the Eucharistic rite included agape, the sacrament of communion was added to the supper of love (agape). The first divine services are influenced, in particular by its outer part, by the Jewish ritual. Since the 4th century, Christian rituals have been developing in relation to the formation of cycles for divine services, the so-called daily circle, weekly circle, and annual circle. The further spread of Christianity led to the formation of its own liturgical tradition, which has its own separate details, styles of writing prayers, etc. In the capital of the empire, Constantinople, the liturgies of Basil the Great and John Chrysostom are widely spread.

Keywords: history; liturgy; early Christianity; Byzantium; rite.

Введение. Начало формирования ранневизантийской литургии происходило с момента появления христианства и вплоть до начала VII в. [6]. Само зарождение обрядности и его становления в контексте общих исторических процессов в Древней христианской Церкви является сложным многогранным процессом. Христианские обряды росли и развивались вместе с распространением христианской веры по всей территории Римской империи и позднее Византии. Живой и молодой организм Церкви постоянно структурировался, менялся и в данных условиях весьма интересно проследить как и каким образом сюда вписывается становление христианской обрядности – это сама суть и центральный момент в жизни каждого христианина, т. е. Евхаристии.

Методы. Основной метод, положенный в работу с источниками, – это аналитическо-критический. При дальнейшем рассмотрении и исследовании некоторых исторических источников, а также текстов древних литургий применятся сравнительно-текстологический метод. В исследовании и анализе исторического процесса в Древней христианской Церкви изучались труды церковных авторов Евсевия Кесарийского и Эрмия Созомена в «Церковной истории», в которых акцент делается на освещении общего церковноисторического процесса в интересующий нас период с II по VII вв. Для изучения состава Евхаристии использовались труды Кирилла Иерусалимского, Николая Ковасилы, Максима Исповедника. Оригинальные тексты их литургий не сохранились, но они реконструируются по спискам «Собрания древних литургий» [17]. Также были подключены вспомогательные сведений у исследователей данного вопроса авторов более позднего периода: И. Мейендорфа, Г. В. Флоровского, А. И. Бриллиантова, В.В. Болотова, М. Н. Скабалановича и др.

Анализ. В Древней христианской Церкви (доникейский) период II–III вв. обрядность, сопутствовавшая во время собраний первых христиан, имела весьма скудные, напоминающие по своей сущности традиционные иудейские собрания, состоящие их минимального набора ритуалов и действий. На первый взгляд это те же самые застольные иудейские молитвенные собрания, но в них вкладывался другой новозаветный смысл, а самым важным моментом было проведение таинства Евхаристии [6]. Момент начала проведения Таинства Евхаристии берет своё начало

при формировании и дальнейшем развитии всего богослужебного обряда в Византии. Как было сказано на первые богослужения оказывает влияние, в частности на его внешнюю часть, иудейский ритуал. Но при дальнейшем развитии можно увидеть и эллинистическую мысль имеющую христианский оттенок, который при трансформировался при развитии в христианской литургике и приобрел яркие характеристики символического реализма [6].

Начальный этап евхаристического обряда включал в себя агапы, Таинство Причащения тогда присоединялось к вечерие любви (агапе) [15]. Эта традиция повторяла собой тот момент, когда Христос Сам провёл первое Таинство Евхаристии сразу после завершения пасхальной вечери, собственно описание этого момента стало примером для введения этой практики. Но в дальнейшем становится понятен тот факт, что взаимосвязь агап с основным христианским Таинством постепенно ослаблялась.

Спустя некоторое время первые евхаристические собрания раннего христианства становятся более независимыми, самостоятельными обрядами и не напоминающими иудейские собрания. В период с первых веков существования христианства и до IV века становление и развитие христианского обряда приобрело серьезную основу чтобы послужить переходом в последующие богослужебные периоды [15].

Начиная с IV века христианские обряды развиваются в отношении становления циклов к богослужениях, так называемых суточного круга, недельного круга, годового круга.

Сведения о зарождении суточного богослужебного круга мы встречаем в III в., а уже к IV–V вв. его вид и содержание сформировались практически полностью. В этот период происходит структурирование его состава по отдельным частям молитвенного содержания. В дальнейшем недельный круг (IV–V вв.) получает свои главные черты и если сравнивать с III веком, в вечернем и утренним богослужениях изменения были направлены на их обрастание обрядовыми условностями с более упорядоченной и четкой структурой. В этом они становятся похожи на современные богослужения. При таком развитии событий в суточном круге происходит вытеснение агап, и появляются в отдельно стоящие евхаристические богослужения или литургии [2].

В недельном богослужебном круге происходят главные изменения в IV–V вв., и это не может быть не связано с разделением дней недели на особо чтимые дни. На протяжении недели всегда есть богослужебные дни и это не всегда каждый день. Были богослужебные дни обычные, совершаемые по менее торжественному чину без чтения молитв к определённому празднику, но всегда есть дни, когда богослужения совершались при особом торжественном оформлении и даже имели в качестве дополнения пост. Всегда в торжественном порядке в течении недельного богослужебного круга отправляется воскресный суточный круг, суточные круги среды и пятницы. В эти дни Литургии служились в обязательном порядке. Очень часто среди недели могли попадать праздники их состава годового богослужебного круга и такие дни отмечали торжественными богослужениями и проведением литургии [17].

Конечно, важное место и значение в богослужениях занимает церковный год историческая традиция, которого до III в. сводилась к дням поминовения в особенности христиан умерших мученической смертью во времена гонений и конечно главного праздника Воскресения Христова (Пасха). Причем день празднования христианской Пасхи не имел единой даты для всех. Только в на I Вселенском соборе IV веке был утверждена единая для всех схема определения

даты празднования и это повлекло за собой разделение в церковного года, на подвижную и неподвижную части [21]. С этого момента (сегодня это имеет место) Пасха определяется в годовом круге определенным методом (первое воскресенье, после первого весеннего полнолуния) и за ней в установленном порядке стали следовать праздники, связанные с Евангельскими событиями и также не имеющие постоянной даты. Далее история развития церковного года в IV–V вв. движется в сторону расширения количества праздников, некоторые стали весьма важными для христиан и получили название – двунадесятые праздники. Расширение числа двунадесятых праздников в богослужебном году продолжается вплоть до VII века. С этого момента церковный год сформировался практически полностью, но продолжает расширяться за счет добавления памятных дней или событий, заслуживающих особого внимания или празднования.

Дальнейшее распространение христианства [7] привело к формированию собственной литургической традиции, имеющей свои обособленные детали, стили написания молитв и т.д. Вероятно, это можно связать с некоторыми языковыми, национальными и культурными различиями на больших по протяженности территориях империи. Таким образом, литургии начинают разделять на литургические группы. Если говорить о политическом центре Византии – Константинополе, то в столице империи большое распространение получают литургий Василия Великого и Иоанна Златоуста. Далее и это не случайно эти литургии стали использовать на всем христианском Востоке. Обращаясь к тестам этих литургий, можно отметить то, что их объединяет схожая по своей в структуре обрядность – чинопоследования и различается у них молитвенная часть, что можно приписать общим первохристианским евхаристическим источникам собраний [8].

Период IV–V вв. в развитии литургий являлся весьма по мнению многих исследователей основным для истории христианской литургии. Исходя из изученных источников и собранных сведений за это время литургический обряд обрел свой уже узнаваемый и пышно-структурированный вид [8; 14; 16].

На территории Византийской империи до IV века использовалось огромное множество божественных литургий различных авторов и существовало даже несколько литургических групп, но Литургии Василия Великого и Иоанна Златоуста прочно обосновались в византийской богослужебной традиции и уже к IV–V вв., вытеснили остальные ранние литургии [16]. Эти литургии были приняты на всей территории империи и распространились не только территориально далеко за ее пределы, но и хронологически. В дальнейшем в состав этих литургий будут вносить церемониальность и зрелищность [17].

Последним удивляющим фактом в развитии ранневизантийской литургии в II–VII вв., стала обособление или клерикализация богослужения, это можно объяснить отделением или выделением священнослужителей в отдельный социальный класс, находящийся в дистанции от прихожан.

Результаты. Таким образом в завершения рассмотрения периода в развитии богослужений от первых веков существования христианства до момента расцвета имперского богослужебного обряда в 1-й пол. VII в. [10], выявляется картина его постепенного развития, а именно увеличения количества молитвенного последования, различных обрядовых действий, расширение богослужебных кругов и т.д. И это происходило под влиянием, как отдельных деятелей Церкви, так и государственной власти в империи, а также местности, языка и территории на которой обряд совершался.

После VII в. литургия менялась уже незначительно. В своей основе она остается той же и в богослужении современной православной церкви.

Библиографические ссылки

1. *Алымов В. А.* Лекции по исторической литургике. СПб. : Нева, 2005.
2. *Арранц М.* Как молились к Богу древние византийцы. Суточный круг богослужения по древним спискам византийского Евхология. Л. : Духовная академия, 1979.
3. *Болотов В. В.* Лекции по истории Древней Церкви. СПб. : Тип. Меркушева, 1907.
4. *Голубцов А. П.* Литургия в первые века христианства // Богословский вестник. 1913. Июль. С. 621–643; Ноябрь. С. 332–356; Декабрь. С. 779–802.
5. *Голубцов А. П.* Из чтений по Церковной Археологии и Литургике. Ч. 2. Сергиев Посад, 1918.
6. *Керн К.* Евхаристия. Из чтений в православном богословском институте в Париже. Киев: Изд-во им. свт. Льва, 2005.
7. *Keightley Th.* History of the Roman Empire, from the Accession of Augustus to the End of the Empire of the West; Being a Continuation of the History of Rome. General Books, 2009.
8. *Кирилл Иерусалимский* Поучения огласительные и тайноводственные. М. : Синодальная библиотека Московского Патриархата, 1991.
9. *Максим Исповедник* Мистагогия. Творения преподобного Максима Исповедника. М. : Мартис, 1993.
10. *McGuckin J. A.* The Encyclopedia of Eastern Orthodox Christianity. L., 2011.
11. *Мейендорф И. Ф.* Введение в Святоотеческое Богословие. Минск, 2001.
12. *Петровский А.* Апостольские литургии Восточной Церкви. Литургии ап. Иакова, Фаддея, Мария и ев. Марка. СПб., 1897.
13. *Поснов М. Э.* История Христианской Церкви. Киев, 1991.
14. Постановления Апостольские. Казань, 1864.
15. *Скабаланович М.* Толковый типикон. М. : Изд. Сретенского монастыря, 2004.
16. Собрание древних литургий восточных и западных. Анафора евхаристическая молитва. М. : Даръ, 2007.
17. *Стржалковская А. Д.* Генезис и оформление ранневизантийской литургии: автореферат дис. кандидата исторических наук: 07.00.03. Белгород, 2012.
18. *Тальберг Н. Д.* История Церкви. М. : Св.-Тихоновский богословский ин-т, 2000.
19. *Уайбру Х.* Православная литургия. Развитие евхаристического богослужения и византийского обряда. М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006.
20. *Шафф Ф.* История христианской церкви. Т. 3. СПб., 2007.
21. *Эрмий Созомен* Церковная история. СПб. : типография Фишера, 1851.

БЕЛОРУССКАЯ МЕДИЕВИСТИКА

БЕЛОРУССКАЯ СОВЕТСКАЯ МЕДИЕВИСТИКА: ПРОФЕССОР А. Н. ЯСИНСКИЙ (1864–1933)

И. О. Евтухов

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, Ewtuhow@bsu.by

Автор рассматривает научную и педагогическую деятельность профессора А. Н. Ясинского в Белорусском государственном университете. Особо внимание уделено работе А. Н. Ясинского с историческими источниками. Раскрываются методы анализа, которые он при этом использовал.

Ключевые слова: история средних веков; медиевистика; белорусская советская медиевистика; профессор А. Н. Ясинский.

BELARUSIAN SOVIET MEDIEVAL STUDIES: PROFESSOR A. N. YASINSKY (1864–1933)

I. Evtukhov

Belarusian State University, Minsk, Belarus, Ewtuhow@bsu.by

The author examines the scientific and pedagogical activities of Professor A. N. Yasinsky at the Belarusian State University. Special attention is paid to the work of A. N. Yasinsky with historical sources. The methods of analysis that he used in this case are revealed.

Keywords: history of the Middle Ages; medieval studies; Belarusian Soviet medieval studies; professor A. N. Yasinsky.

В самом начале XX века на белорусских землях Российской империи не было ни одного высшего учебного заведения: Горыгорецкий земледельческий институт после восстания 1863 года был переведен в Санкт-Петербург.

Специальные учебные заведения были представлены учительскими институтами: Витебским (открыт в 1910 г.) и Минским (открыт в 1914 г.). Статус средних заведений усительские институты обрели в 1912 г.

Первый из них был в 1918 году преобразован в Витебский педагогический институт. Второй – в Минский институт народного образования (1920–1921 гг.). В 1921 г. в Минске был открыт Белорусский государственный университет, который в том же году присоединил к себе Минский институт народного образования, а в 1924 г. – Витебский педагогический институт. Именно с БГУ связано начало белорусской советской медиевистики.

Постановка проблемы. Историография, посвященная профессору А. Н. Ясинскому, включает в себя биографические справки в энциклопедиях (от Брокгауза-Эфрона до БСЭ) и справочниках, а также статьи А. Е. Москаленко «К изучению жизни и деятельности А. Н. Ясинского» (1969 г.) [1] и О. И. Малюгина «Медиевистика в Белорусском государственном университете: история и современность» (2017 г.) [2], «Антон Никитич Ясинский. 22.09.1864–13.11.1933» (2019 г.) [3].

Научному творчеству Антона Никитича с точки зрения истории исторической науки, особенно его методическим подходам к изучению материала в посвященной ему историографии уделяется крайне мало места. В данной статье рассматриваются работы профессора А. Н. Ясинского по истории средних веков и раннего Нового времени, опубликованные в научных изданиях БССР. Особое внимание уделено методическим приемам при работе с историческим материалом.

Предметом исследования является белорусская советская медиевистика, **объектом исследования** – исследования профессора А. Н. Ясинского, опубликованные в научных изданиях БССР.

Методы исследования: *историко-биографический анализ* научного творчества профессора А. Н. Ясинского, *кластеризация* (формирование кластеров, каждый из которых включает одну научную публикацию), *методологический анализ* объекта, включенного в кластер.

Преподавание истории средних веков было предусмотрено Примерным учебным планом на 1921/1922 учебный год по факультету общественных наук на общественно-педагогическом отделении: «Средней истории, один курс по истории народного хозяйства на 3-м курсе в объеме 12 часов» [4, с. 191]. Перенесение средневековой истории сразу на 3-й курс, как можно предположить, было связано с тем обстоятельством, что не было лектора.

Стоявший у истоков БГУ профессор В. Н. Перцев отмечал по этому поводу в своих воспоминаниях следующее: «Недостаток преподавателей был настолько большой, что приходилось ориентироваться на имеющиеся преподавательские силы, а не на учебный план, иначе говоря, не столько преподаватели приглашались для чтения определенных курсов, сколько их определение и характер зависели от наличия необходимых сил» [5, с. 20].

В 1922 году ФОН был реорганизован: из него выделился педагогический факультет. Учебный план перенес историю средних веков на 2-й курс. Для чтения курса был приглашен из Москвы профессор А. Н. Ясинский [6, с. 352, 354].

Уже в 1922/1923 учебном году история средних веков заняла свое законное место среди остальных предметов: «На социально-историческом отделении педагогического факультета (1–2 курсы) профессор Ясинский читал историю средних веков и историю средневекового хозяйства, вел семинарий по толкованию Салической правды» [7, с. 246].

Правда место это было во многом формальным, ибо средневековье, как и древность, в приоритете преподаваня тогда не было. Профессор В. Н. Перцев вспоминал по этому поводу: «Программы составлялись так, что на все первобытное время давалось 4 часа, на Восток не более 18 часов, на античное общество не более 30 часов, а на все средневековье не более 40 часов. При этом и древность, и средневековье читались только на I курсе, и затем к ним уже не возвращались на всем протяжении курса. Еще хуже обстояло дело на неспециальных / для историков / факультетах, где изучалась по существу только история нового времени, а на всю историю до XIX в. отводилось от 8 до 12 часов – в кратком обзоре, имевшем исключительно схематический характер. История комкалась до чрезвычайности, и даже специалисты-историки изучали более или менее обстоятельно только XIX и XX в.» [5, с. 23–24].

Как можно предположить, в качестве лектора Антон Никитич был выбран не случайно. В начале XX в. он был одним из наиболее известных медиевистов Северо-Западной части России. Причем заявил он о себе как о перспективном ученом, историке и филологе-классике, очень рано. Уже в 1888 году, сразу после окончания историко-филологического факультета киевского Университета Святого

Владимира, он издал первый русский перевод Великой Хартии вольностей [8]. Получил степень магистра за диссертацию «Падение земского строя в чешском государстве». С 1896 г. работал профессором истории в Юрьевском университете. Степень доктора получил за диссертацию «Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века». Обе диссертации были удостоены Императорской академией наук премий имени А. А. Котляревского и Ломоносова [9, с. 842]. В 1907 году был избран членом Чешской академии наук. В 1911 году переехал из Юрьева в Москву [10, с. 144].

Однако, связь с Юрьевским университетом утеряна не была. В 1918 г. Юрьевский университет был эвакуирован в Воронеж. Сюда Антон Никитич приезжал читать лекции.

О. И. Малюгин так описал начало его преподавательской деятельности в Минске: «В первые годы преподавания в БГУ А. Н. Ясинский, как и многие другие профессора, продолжал постоянно проживать в Москве, приезжая в Минск лишь на короткое время – читать лекции и принимать зачеты. Но уже осенью 1925 г. Правление предлагает профессору переехать в Минск на постоянное место жительства, причем в решении Правления записано, что если он не сможет это сделать, то чтение его курса будет перенесено на второе полугодие. Антон Никитич предложение Правления принял, хоть и не сразу: дело было в катастрофической нехватке жилья для приезжающих профессоров. В итоге ситуация разрешилась благополучно лишь в середине 1927 г., когда он обратился в Правление с заявлением о подыскании квартиры в Минске и оплате подъемных на переезд из Москвы в Минск. Правление пообещало квартиру в одном из домов БГУ и оплату подъемных после переезда» [2, с. 190–191].

Сотрудничество А. Н. Ясинского с БГУ оказалось недолгим. После сокращения учебных курсов «История экономического быта Средних веков» и «История западных славян» последовало сокращение преподавательского состава педагогического факультета. «Решением Правления от 15 августа 1928 г. он был уволен с выплатой жалованья по 1 сентября» [2, с. 192]. Правда, в этом же году А. Н. Ясинского избрали академиком Белорусской академии наук.

Последние годы жизни Антон Никитич провел в Москве в тяжёлой обстановке. В 1929 г. умерла жена. Младшая дочь (род. в 1893 г.), жившая с отцом, была нездорова. Ухудшилось здоровье его самого. Совсем плохо стало осенью 1933 г. 13 ноября 1933 г. А .Н. Ясинский скончался. При этом минские коллеги его не забыли. Деньги на похороны прислала белорусская Академия наук [1, с. 267].

После увольнения из БГУ профессора А. Н. Ясинского чтение курса средневековой истории перешло к профессору Владимиру Николаевичу Перцеву, читавшему историю Нового времени. В 1930 году эти курсы были объединены в один курс «Истории Запада».

Первый прочитанный в стенах БГУ курс средневековой истории представляет большой интерес, поскольку позволяет разобраться с предложенным студентам концептуальным подходом к истории средних веков. Авторского текста лекций не сохранилось. Но десятью годами раннее в Юрьеве был издан курс А. Н. Ясинского по истории раннего средневековья (до Карла Великого включительно) [11]. С большой долей вероятности можно предположить, что минский курс лекций был близок к юрьевскому, и совершенно уверенно можно утверждать, что концептуальный взгляд автора на историю средних веков за это десятилетие если и изменился, то несущественно.

Во введении в курс привлекает внимание включение в генезис нового общества не только римлян, христианской церкви и германцев, но также Византии

и через нее славян, чем подчеркивается единство средневековой Европы: «...охранение римской культуры становилось постепенно не по силам римской государственности, и эта задача естественно легла на христианскую церковь, которая в течение многих последующих веков сделалась единственной хранительницей римских традиций и культуры. При создании условий новой европейской гражданственности, кроме указанных двух элементов (римской культуры и христианства), положены были в основание начала той варварской культуры, представителями которой явились новые народы (кельты, германцы и славяне), выступившие в начале средних веков. Кельты, к счастью или несчастью, столкнулись с римской культурой в ту пору, кога она была еще достаточно сильна и устойчива, вследствие чего они потеряли свою национальную индивидуальность. В другом положении оказались германские народы, подпавшие под влияение римской культуры в ту пору, когда она явно клонилась к упадку, и славянские народы, развивавшиеся под влиянием византийской культуры» [11, с. 1].

Относительно природы феодализма профессор А. Н. Ясинский поддерживал позицию Франсуа Гизо: «Гизо довольно удачно определял феодализм, усматривая его сущность в трех направлениях: в предоставлении землевладельцам прав верховной власти, в возникновении наряду с полной земельной собственностью условной собственности и в установлении вассальной иерархии между государями-землевладельцами. Выражаясь кратко, можно сказать, что феодализм есть обобщение или соединение бенефициальных, вассальных и иммунитетных институтов» [11, с. 364].

Суждения, высказанные в университетской аудитории как нельзя лучще охарактеризовали позитивистский подход к истории: «Наукой вообще называется всякое познание, изложенное в систематической форме и добываемое известным методическим путем. С этой точки зрения история – наука» [11, с. 51]. Познание (информация) добывается из источников. Причем, как подчеркивал Антон Никитич, «над всяким источником должна быть произведена историком критическая работа для выделения ценного материала. Эта работа приближает нас к достижению большей достоверности или объективности» [11, с. 51].

Научная позиция лектора могла вызывать непонимание со стороны марксистски настроенной аудитории: «Законов исторического развития не отыскано, потому что при сложности психических и физических мотивов, которыми управляется человек, и нельзя открыть. Наконец, в задачу истории и не входит отыскание законов развития человеческого общества. Эта задача является предметом социологии» [11, с. 50].

Между тем следует отметить, что данный тезис во многом напоминает подходы известного советского медиевиста 2-й половины XX века Арона Яковлевича Гуревича, который писал: «Общий закон выражает объективные связи общественно-экономического плана. Историческая закономерность ... вырастает из взаимодействия многих закономерностей, управляющих различными системами: она складывается на основе действия не одних лишь социологических законов, но также и закономерностей чисто хозяйственных, демографических, закономерностей биологической и психической жизни человека, духовной жизни общества, законов природы, во взаимодействие с которыми вступают люди... Это пересечение происходит на основе ведущей закономерности, каковой для общества неизбежно является социологический закон» [12, с. 63].

Значительным шагом вперед в развитии белорусской научной медиевистики стало издание в 1926 г. сборника в честь 400-летия печатной Библии Франциска Скорины. Открывают его статьи «Гуманизм в Италии» (В. Перцев), «Падуанский

Университет в XV–XVI веках» (Дм. Егоров), «Из культурной истории Чехии начала XVI века» (А. Ясинский) [13]. В. Н. Перцев и А. Н. Ясинский обозначены как профессора БГУ. Таким образом их публикации являются частью белорусской медиевистики (белорусский сборник статей, авторы – действующие профессора БГУ). Дм. Егоров (Зьмітра Егораў) обозначен просто как профессор, без уточнения учебного заведения. Кроме того, не указано его отчество, что несколько затрудняет идентефикацию. Наиболее предпочтительным представляется предположение о том, что автором статьи был московский профессор-медиевист Дмитрий Николаевич Егоров (1878–1931). Но в этом случае данная статья, несмотря на то, что вышла в белорусском сборнике на белорусском языке, в контексте белорусской медиевистики не может рассматривается.

Статья Антона Никитича состоит из двух частей: 1) исторический очерк, посвященный гуситской Чехии, 2) заочная полемика с профессором Петром Владимировичем Владимировым (1854–1902), получившим получил в 1888 году степень доктора русской словесности за монографию «Доктор Франциск Скорина: его переводы, печатные издания и язык» [14]. Ряд положений исследования вызвал возражения А. Н. Ясинского. Исторический же очерк гуситской Чехии позволяет прояснить отношение автора к историческому процессу вообще.

Начинается очерк с очень показательного тезиса: «Калі ў 1434 годзе на ліпанскіх палёх панская коньніца патаптала таборскія палкі, разьвіцьцё дзяржаўных і сацыяльных адносін у Чэхіі зноў і паступова пашло па тым шляху, які быў вызначаны папярднім ходам гісторыі, – па шляху ўтварэння манархіі станаў з навочнай перавагай магнацтва і ўціскам народных гушчаў» [13, с. 43].

Указанный путь был пройден к концу столетия. «З гэтага часу пасады Праскага бургграфа, гофмайстра, маршала, каморніка, земскага судзьдзі і канцлера павінны былі замяшчацца асобамі панскага стану, а ўладыкам былі аддадзены пасады земскага пісара, падкаморніка і бургграфа Градэцкага краю. У 1500 годзе быў устаноўлены прынцып незьмяняльнасці вышэйшых урадовых ачоб. Толькі кіраўніцтва фінансамі засталося ў руках караля, ды і ў гэтых адносінах каралеўская ўлада была абмежавана. Такім чынам, уся ўлада ў краіне належыла не каралю, а шляхце» [13, с. 44].

Таким образом видно, что процесс развития страны идет не хаотично и не по чьей-нибудь воле (бога или правителя), а реализует закономерности, им же порожденные. Причем эти закономерности не являются всеобщими. В Чехии они привели к формированию «няпэўнай манархіі станаў» [13, с. 43] (терминология А. Н. Ясинского).

Еще одним фактором, влияющим на ход истории, (как и в курсе лекций) Антон Никитич признает общественные настроения: «Гусіцкі рух ня прынёс Чэхіі чаканых вынікаў... дзякуючы вузка-эгаістычнай палітыцы чэскіх паноў» [13, с. 45].

В том же 1926 г. в Трудах БГУ была опубликована статья А. Н. Ясинского «Поземельная опись Градищенского монастыря. Опыт изучения памятника аграрной истории Чехии» [15]. Статья безусловно относится к научной белорусской медиевистике (опубликована действующим профессором белорусского ВУЗа в белорусском научном журнале). Однако, возникает вопрос о месте данной статьи в научной белорусской медиевистике. Профессор А. Н. Ясинский завершает ее следующими словами: «Имея характер дополнительной работы или являясь своего рода приложением к той большой работе по истории хозяйственного и аграрного быта, которая подготавливается к печати, – этот этюд направлен был к выяснению развития аграрного строя на пути от старинных форм землеустройства к лановому. Если полученные итоги исследования являются менее значительными, чем то

напряжение, которое потребовалось при их добывании, то все же, как думается, проложен путь для новых изысканий» [15, с. 63].

Таким образом, речь идет о большой научной работе, подготовка публикации которой близится к завершению. Работе, потенциально способной создать фундамент для дальнейших исследований в этом проблемном поле в рамках белорусского научного сообщества. Но этот потенциал реализован не был.

Логические построения профессора А. Н. Ясинского. Суждения Антона Никитича, высказанные в университетской аудитории Юрьева в 1910 г., как нельзя лучше охарактеризовали позитивистский подход к истории: «Наукой вообще называется всякое познание, изложенное в систематической форме и добываемое известным методическим путем. С этой точки зрения история – наука» [11, с. 51]. Познание (информация) добывается из источников. Причем, как подчеркивал Антон Никитич, «над всяким источником должна быть произведена историком критическая работа для выделения ценного материала. Эта работа приближает нас к достижению большей достоверности или объективности» [11, с. 51].

В 1926 г. профессор А. Н. Ясинский, уже во время работы в БГУ, опубликовал, как указывалось, две статьи: «Из культурной истории Чехии начала XVI века» и «Поземельная опись Градищенского монастыря. Опыт изучения памятника аграрной истории Чехии». Обе статьи имеют значение для современного исследователя, в силу заключенного в ней большого методического потенциала. Речь идет о применении логических построений для решения конкретной исторической проблемы.

Проблема № 1. Вероисповеднание Франциска Скорины. Решается в статье «Из культурной истории Чехии начала XVI века». Постановка проблемы: Скорина в предисловиях и послесловиях к библейским книгам не обозначает свое вероисповедание. Почему? Логическая цепочка: а) знание библейских книг было характерно для еретиков, Скорина делает свой перевод для своего народа, б) Скорина работает не в Кракове, в котором учился и который ближе к его родному городу, а в Праге, в) Швайпольт Фиоль печатал в Кракове в 90-х гг. XV в. богослужебные книги на церковнославянском языке, но подвергся преследованиям и бежал в Венгрию, г) Прага была безопасным городом для еретиков (гуситов). Общий вывод: «Скарына быў і не католікам і не праваслаўным, а гарэтыкам, нахільным да гусізму, ... ці нават да лютаранства» [13, с. 41–42].

Проблема № 2. Природа некоторых повинностей, существовавших в Градищенском монастыре. Решается в статье «Поземельная опись Градищенского монастыря. Опыт изучения памятника аграрной истории Чехии».

Имеются в виду сборы, которые нигде больше не встречаются и объяснение которых отсутствует в словарях: plaské, opravné, pomocné, plecné. Последний термин сразу оставляется в стороне, ибо он встречается при описании только одного села. Информация, которой располагает исследователь, весьма ограничена: 1) «оправное» (четыре четверти овса и курица) было больше, чем «плаское» (четверть овса и курица), 2) оба сбора отмечены в семи деревнях и отсутствуют в оставшихся десяти деревнях [15, с. 47–48].

Этим позитивная (проверенная) информация исчерпывается. Для выяснения природы и характера указанных повинностей, «оправное» и «плаское», нужно искать новые подходы.

Рассмотрев более подробно остальные сборы, А. Н. Ясинский сделал следующие наблюдения: 1) размер сбора за выпас коров и лошадей в лесу совпадает с «оправным», 2) размер сбора за выпас коров и лошадей на пастбищах совпадает с «пласким», 3) «оправное» взималось в северных селах, где было много

лесов, 4) «плаское» было особенно распространенным сбором [15, с. 49].

Следующий шаг. В деревнях, где было развито овцеводство, были «оправное» и «плаское», но не было никаких платежей за пользование пастбищами для выпаса овец.

Завершение рассуждения. «Оправное» и «плаское» представляли собой сборы за выпас овец в лесу и на пастбищах соответственно.

Верификция. «При таком истолковании становится вполне понятным, почему “плаское” взималось почти во всех селах, за исключением немногих, ибо пастбища везде были, и почему “оправное” взималось в северных селах района, примыкавших к огромным порубежным лесам» [15, с. 49].

Общий вывод. «Взимание платежей за пастьбу скота и овец доказывает, что крестьяне Градищенского района были лишены землевладельцем права пользования пустошами, а в селах, в которых сохранились следы дворового устройства, они, по-видимому, сохранили это право, ибо этих сборов не было» [15, с. 49].

Таким образом, логические построения профессора А. Н. Ясинского: 1) имеют прочную опору на источник, 2) дают новую информацию, 3) последняя без этих построений из источника не могла быть получена.

Библиографические ссылки

1. *Москаленко А. Е.* К изучению жизни и деятельности А. Н. Ясинского // Вопросы историографии и истории СССР. 1969. Т. 85. С. 252–267.
2. *Малюгин О. И.* Медиевистика в Белорусском государственном университете: история и современность // Vox medii aevi. 2017. Vol. 1 (1). С. 190–205.
3. *Малюгин О. И.* Антон Никитич Ясинский. 22.09.1864–13.11.1933 // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961). Минск : БГУ, 2019. С. 226–235.
4. *Турук Ф. Ф.* Университетская летопись // Працы БДУ. 1922. Вып. 1. С. 175–207.
5. *Малюгин О. И.* Первые годы деятельности БГУ в воспоминаниях академика В. Н. Перцева // Весн. БДУ. Сер. 3. 2016. № 2. С. 17–25.
6. *Каценбоген С. З.* Белорусский государственный университет. За 1921–1922 академ. год. (Итоги и перспективы) // Труды Белорусского государственного университета в Минске. 1922. Вып. 2–3. С. 326–364.
7. *Каценбоген С. З.* Белорусский государственный университет. За 1922–1923 академ. год. (Итоги и перспективы) // Труды Белорусского государственного университета в Минске. 1923. Вып. 4–5. С. 230–281.
8. История Великой хартии в XIII столетии / [Соч.] А.Н. Ясинского. Киев : Унив. тип., 1888.
9. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т. XLIa. СПб, 1904.
10. История Тартусского университета: 1632–1982. Таллин : Периодика, 1982.
11. *Ясинский А. Н.* Лекции по истории средних веков. Раннее средневековье. Юрьев, 1910.
12. *Гуревич А. Я.* Об исторической закономерности // Философские проблемы исторической науки. М. : Наука, 1969. С. 51–79.
13. *Ясінскі А.* З культурнае гісторыі Чэхіі пачатку XVI-га сталецьця // Чатырохсотлецьце беларускага друку. 1525–1925. Мінск, 1926. С. 39–58.
14. *Владимиров П. В.* Доктор Франциск Скорина: его переводы, печатныя издания и язык. СПб. : Тип. Императорской акад. наук, 1888.
15. *Ясинский А. Н.* Поземельная опись Градищенского монастыря. Опыт изучения памятника аграрной истории Чехии // Працы БДУ. 1926. Вып. 12. С. 34–63.

В. Н. ПЕРЦЕВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Л. В. Ландина

Белорусский государственный университет культуры искусств,
г. Минск, Беларусь, larisa-hist@mail.ru

В статье характеризуется вклад одного из крупнейших историков советской Беларуси, академика Владимира Николаевича Перцева (1877–1960) в исследования по Новой истории, в частности, разработку проблем развития новоевропейской государственности и политических институтов. Научная деятельность В. Н. Перцева показана на фоне политических и социокультурных процессов и историографического контекста, в рамках которых проходило становление и развитие медиевистики и новистики в БССР.

Ключевые слова: В. Н. Перцев, БССР; Белорусский государственный университет; медиевистика; новистика; германистика; политические институты; бранденбургско-прусский абсолютизм: Европа Нового времени.

V. N. PERTSEV – RESEARCHER OF POLITICAL INSTITUTIONS OF WESTERN EUROPE OF EARLY MODERN TIMES

L. Landina

Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus, larisa- hist@mail.ru

The article characterizes the contribution that one of the largest Soviet Belarus historians, academician Vladimir Nikolaevich Pertsev (1877-1960) made to research on modern history, in particular, the study of development problems of the new European statehood and political institutions. V. N. Pertsev's scientific activity is shown against the background of political and socio-cultural processes and historiographic context, that the formation and development of medieval studies and novistics in the BSSR took place in.

Keywords: V. N. Pertsev; BSSR; Belarusian State University; medieval studies; novistics; German studies; political institutions; Brandenburg-Prussian absolutism; Europe of the New Time.

Владимир Николаевич Перцев (1877–1960) – один их крупнейших белорусских советских историков, академик, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки БССР, основатель медиевистики и новистики в белорусской исторической науке. Жизненный путь и научная деятельность В. Н. Перцева неоднократно исследовались белорусскими историками и историографами – И. О. Евтуховым [2], О. И. Малюгиным [3], В. А. Острогой [4, с. 96–299], И. Р. Чикаловой [11, с. 11–12], О. А. Яновским [12] и другими. Вместе с тем, масштаб научного наследия В. Н. Перцева позволяют раскрывать в его работах все новые аспекты.

Биография В. Н. Перцева в полной мере отражает всю сложность отечественной истории XX столетия. В официальной автобиографии Перцева, написанной, вероятнее всего, в конце 1951 г. [2, с. 53], указывается, что он родился в 1877 г. в г. Курске в семье «среднего служащего». Однако эти слова были, очевидно, рассчитаны на то, чтобы затенить свое действительное происхождение из дворян перед соответствующими органами в условиях послевоенного культа

личности Сталина и политических репрессий.

Кроме того, отца В. Н. Перцева, статского советника, едва ли можно назвать «средним служащим». До Октябрьской революции гражданский чин статского советника, относящийся к пятому классу, объединял представителей высшей номенклатуры, относящихся к первому – пятому классам 14-классной Табели о рангах.

Путь в историческую науку и оставленный в ней след позволяют сделать вывод о значительной мотивированности В. Н. Перцева в выборе будущей профессии. Действительно, после Курского реального училища поступить в университет было невозможно, и Перцев поступает сначала в Петербургский технологический институт, затем Варшавский ветеринарный институт, чтобы наконец в 1897 г. стать студентом историко-филологического факультета Московского университета и закончить его в 1903 г. Совершив во время учебы поездки в Венский и Берлинский университеты, В. Н. Перцев, ученик Р. Ю. Виппера, был оставлен при кафедре всеобщей истории для подготовки к профессорскому званию. К 1917 г. он опубликовал уже около 150 работ [3, с. 82].

Будучи уроженцем Курска, Перцев оказался в Беларуси по объективным причинам. После Октябрьской революции в республике было необходимо наново создавать систему высшего образования. Виленский университет был закрыт после восстания 1830–1831 гг., Горы-Горецкий земледельческий институт–после восстания 1863–1864 гг. Собственные научные кадры для высшей школы отсутствовали, и в Минск стали приглашаться ученые на временную или постоянную работу. Таким образом, в создаваемый в 1921 г. Белорусский государственный университет и был приглашен В. Н. Перцев как выпускник Московского и профессор Смоленского университета [11, с. 11].

В. Н. Перцев олицетворял то поколение историков с непростыми, зачастую трагическими судьбами, которое можно назвать мостом между дореволюционной и советской историографической традициями, и работы которых показывают взаимное влияние и сочетание дореволюционных и советских методологических установок. Принадлежащие Перцеву научные тексты демонстрируют мощное влияние дореволюционной позитивистской школы. Многофакторность в описании масштабных исторических процессов, внимание к деталям, развернутость характеристик, емкий и литературно гармоничный стиль характеризуют не только дореволюционные работы В. Н. Перцева, но и его более поздние произведения. Более того, даже жесткость классового подхода и категоричность дискурса советской исторической науки 1920-х–1950-х гг. были сглажены в публикациях Перцева. В качестве доказательства можно привести отрывок их историографической работы Перцева «Советская наука по истории средних веков» [10], изданной во время идеологических кампаний конца 1940-х гг. Вместо жестких оценок и акцентирования внимания на классовой несостоятельности и даже реакционности дореволюционной медиевистики у Перцева выражено следующее мнение: «Большинство ученых России… высказывали прогрессивные, иногда и демократические взгляды на некоторые основные вопросы средневековой истории. Они находились в оппозиции к царскому правительству, и некоторые из них вынуждены были покинуть кафедры в университетах под давлением правительственной реакции… И все-таки, несмотря на все эти заслуги крупных медиевистов перед наукой и обществом, изучение средних веков после Октябрьской революции необходимо было заново перестроить и придать ему совершенно новый, качественно отличный от прежнего, характер. Это была трудная работа, потому что при всех своих положительных сторонах досоветская

наука о средних веках не была марксистской» [10, с. 65–66].

Несомненно, В. Н. Перцева можно назвать основателем не только белорусской медиевистики, но и изучения Новой истории Его работы охватывают историю Англии, Франции, Пруссии, Австрии до XIX в. включительно, а очерки по истории Европы XVI–XIX вв. [8] выдержали два издания еще до Октябрьской революции [10, с. 11]. Перцев специализировался в области германистики, которая стала ведущим направлением в его исследованиях по всеобщей истории [4, с. 296–297]. Так, в 1908 г. он написал рецензию на книгу П. П. Митрофанова «Политическая деятельность Иосифа II, его сторонники и ее враги (1780–1790)». Рассматривая книгу Митрофанова, посвященную реформаторской деятельности Иосифа II в рамках политики просвещенного абсолютизма [8], Перцев указывал на ряд ее значимых тезисов. В частности, вывод автора о том, что собственно философские идеи мало волновали австрийского императора, руководствовавшегося политическим прагматизмом и желанием не отстать от соседних государств [8, с. 24]. В целом положительно оценивая работу Митрофанова, Перцев высказал два замечания: во-первых, автором слабо проанализирован социальный состав австрийского общества, и, во-вторых, практически отсутствует историографический обзор [8, с. 26–27].

Рассмотрение государства и его политических институтов находилось в начале XX в. среди приоритетов исторической науки. Господствующей в Европе раннего Нового времени формой государственного управления была абсолютная монархия, сохранившаяся в России до начала XX в. Применительно к германским землям Перцев более подробно рассматривал бранденбургско-прусский абсолютизм.

В 1918 г. на основе выходивших в 1914–1917 гг. статей в журнале «Голос минувшего» была опубликована книга В. Н. Перцева «Гогенцоллерны. Характеристика личностей и обзор политической деятельности». Примечательным было авторское введение. Во-первых, оно не имело идеологических штампов и отсылало к многогранности и многофакторности в развитии новоевропейского государства, и, во-вторых, демонстрировало особую актуальность, в условиях подведения итогов Первой мировой войны, рассмотрения истории Германии [12, с. 122–123]. «В характерах наиболее выдающихся представителей (Гогенцоллернов – Л. Л.) мы видим отражение очень крупных течений прусско-германской истории, – указывал Перцев. – Поэтому к тому «германизму», который в настоящее время (1918 г.) является одним из определяющих факторов мирового развития, их личные характеры имеют непосредственное отношение, и при определении генезиса современной Германии их нельзя игнорировать. Это облегчило задачу автора при характеристике личности на фоне общих условий, среди которых возникали и расцветали своеобразные индивидуальности прусских монархов, и дало ему возможность связать в изложении личный и общественный политический элемент» [6, с. 3].

В первую очередь В. Н. Перцев обращает внимание на необходимость снятия стереотипов, заключавшихся в противопоставлении французского и прусского абсолютизма, развитие которых в XVIII в. привело к противоположным результатам: Францию – к революции, Пруссию – к статусу великой европейской державы. Это противопоставление имело давнюю традицию. Так, еще учитель Р. Ю. Виппера и Н. И. Кареева, В. И. Герье выделял два типа абсолютизма. При первом из них идея государя заслоняет собой идею государства, и монарх ищет опору личной власти в божественном установлении. Это монархия Людовика XIV, праздничная и разорительная для государства. Другой тип монархии — будничной,

рабочей, подразумевает монарха как хозяина своего государства, трудящегося ему во благо, не отвергая идею божественного происхождения своей власти. Это монархия Фридриха-Вильгельма I [1, с. 107–108].

У Перцева сравнение и оценка французского и прусского абсолютизма выражены через сопоставление личностных характеристик их представителей: «Неумение работать, страсть к наслаждениям и удовольствиям, мания величия, презрительное отношение ко всему, выходящему за пределы салонной болтовни – вот не особенно привлекательные черты схематизированной фигуры французского короля дореволюционного времени; под них подойдут и фривольные забавы Людовика XIII, и чопорное высокомерие Людовика XIV, и эгоистичное легкомыслие Людовика XV, и апатичная тупость Людовика XVI. И рядом с этой непривлекательной фигурой обычно рисуется тип государя-работника, первого слуги своей родины… Для создания этого коллективного образа пользуются в качестве отдельных штрихов и колоссальной энергией великого курфюрста Фридриха Вильгельма, и грубоватой простотой и пресловутой бережливостью короля Фридриха Вильгельма I, и здоровым практицизмом и военным гением Фридриха II [6, с. 5–6].

Но, выдвигает основной тезис Перцев, это противопоставление лишено оснований и не отвечает действительному положению дел. Если бы прусская монархия имела настолько эффективную организацию и управление, какие ей приписываются, то не произошло бы целого ряда сокрушительных поражений Пруссии уже во время наполеоновских войн.

Перцев указывает на принципиально важный, стержневой момент в характеристике прусской государственности, правомерность которого сохраняется и в сегодняшних работах по германской истории XVII и XVIII вв. Это – военный характер прусского государства, обусловленный многочисленными территориальными приобретениями в период роста Пруссии. Соответственно, военные цели заслоняли для прусских правителей всякие другие, формируя весь образ жизни государства и его подданных. С другой стороны, такие страны, как Англия и Франция, имели уже достаточно четко оформленные территории, и расширение границ не поглощало их ресурсов в такой мере, как у Пруссии. Перцев отметил также специфичность Пруссии, как государства достаточно однородного в этническом плане, по сравнению с Австрией, значительно более многонациональной [6, с. 8].

Богатый фактический материал с подробными характеристиками правителей династии Гогенцоллернов сочетается с емкими выводами о политической системе, которую они олицетворяли. Например, говоря о деятельности «великого курфюрста» Фридриха-Вильгельма (1640–1688), Перцев указывал не только на самодовлеющий военный компонент в управлении, но и на наиболее характерные черты прусского государственного и общественного строя, где «наверху – вся строгость монархической организации, вся сила централизованной власти, давившей одинаково тяжело и на высшие, и на низшие сословия, а внизу, в деревнях – все основные элементы патримониального государства с помещичьей юстицией, полицией и администрацией» [6, с. 19]. Символом же прусского абсолютизма стало правление Фридриха Вильгельма I, отца Фридриха II, известного своими афоризмами «не рассуждать!», «я не терплю сопротивления», «я тверд, как булыжник на улице», и считавшего Лейбница в общем никуда не годным человеком, неспособным даже стоять на часах [6, с. 25–26].

Апогеем прусского государства было правление «короля-философа» Фридриха II (1740–1786). Вместе с тем, Перцев отнюдь не склонен высоко

оценивать прусский просвещенный абсолютизм. Более того, он, в противоположность традиционным суждениям об эффективности прусской государственности, указывает на слабые стороны прусского общества по сравнению с французским. Перцев отмечает, что, в отличие от Франции, в Пруссии «не выработалось предпосылок будущего прогрессивного развития». Не было «ни образованного и активного третьего сословия», ни масс, «готовых к освобождению. Массы были принижены и задавлены крепостным правом, горожанам же Фридрих II всегда предпочитал аристократическую касту… Французская монархия XVIII в. до известной степени нивелировала общественные различия, допуская на высшие должности в государстве людей из класса буржуазии и стесняя власть помещиков на местах; прусские же приемы управления выдвигали на первый план дворянство. И поэтому вряд ли можно считать прусскую монархию более эффективной, чем французскую» [6, с. 44]. Слабость прусского режима заключалась в его сословности и неравенстве. Последовавшее затем ослабление государства сочеталось с соответствующими персональными качествами преемников Фридриха II, и дополнялось финансовым и административным кризисом [6, с. 50–51].

Наиболее же развернутая характеристика германского абсолютизма как исторического явления была изложена в «Германии в XVIII веке» [5]. С одной стороны, здесь «мелкодержавие» с тремястами шестьюдесятью суверенными князями, с другой – «победа княжеского абсолютизма как над сословным представительством (ландтагами), так и над политической самостоятельностью дворянства, городов и городских организаций» [5, с. 19]. В этих условиях достигли господства государства, обладающие обширными территориями, финансами и крупными военными силами. Таковыми стали дворянские монархии Восточной Германии – Австрия и Пруссия [5, с. 21]. Государственный строй Пруссии назван Перцевым «дворянско-буржуазной монархией военного типа» [5, с. 22]. Это было самодовлеющее дворянское государство, лишь использующее все остальные сословия. В условиях формирования капитализма особенно были важны место и роль буржуазии. Однако буржуазия в Пруссии была полностью подчинена государству и приняла «чрезвычайно бледный и чахлый характер». По этой причине прусский абсолютизм «не сыграл в развитии хозяйства страны той прогрессивной роли, которую играл на своей ранней стадии абсолютизм Англии и Франции….Только в одной области он (прусский абсолютизм – Л. Л.) обнаружил очень большую энергию, именно – в области военных захватов, что и придавало тогдашнему прусскому государству его специфически военный, разбойничий характер» [5, с. 23].

В построении и тональности материала, изложенного в «Очерке истории Германии XVIII века» и изданном в 1959 г., в наибольшей степени проявились черты послевоенного советского историографического дискурса. Во-первых, это необходимые в работе советского историка цитаты классиков марксизма, во-вторых, приоритетное и развернутое рассмотрение социально-экономических процессов, и, наконец, общий обличительный тон в отношении прусского абсолютизма, что совершенно понятно в контексте результатов Второй мировой войны. Раскрывая особенности социально-экономического развития различных регионов Германии, В. Н. Перцев особенно останавливается на прусском пути развития сельского хозяйства, подкрепляя данный тезис высказываниями В. И. Ленина, с свою очередь, обращавшего внимание на то, что прусская модель аграрных отношений была характерна и для Российской империи [7, с. 14].

Научное наследие В. Н. Перцева, таким образом, имеет непреходящее

значение. Работы Перцева, раскрывающие специфику развития германских земель в раннее Новое время, а в особенности прусского абсолютизма, во многом унаследовали традиции дореволюционной новистики.

Дополнения и акценты, расставленные в них советской историографией, не смогли диаметрально изменить исторический нарратив и его общую направленность, и до сих пор многое из написанного В. Н. Перцевым сохраняет актуальность.

Библиографические ссылки

1. *Герье В. И.* История XVIII века : лекции, чит. в 1902–1903 гг. – М. : Типо-Литогр. Ю. Венер, 1902.
2. *Евтухов И. О.* Кафедра истории древнего мира и средних веков БГУ. К 80-летию создания. Минск : БГУ, 2015.
3. *Малюгин О. И.* Владимир Николаевич Перцев // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941). Минск : БГУ, 2017. С. 181–189.
4. *Острога В. А.* Развитие научных и образовательных центров по Новой и Новейшей истории в Белорусской ССР. 1919–1991 гг. Минск : РИВШ, 2016.
5. *Перцев В. Н.* Германия в XVIII веке. Минск : БГУ, 1953.
6. *Перцев В. Н.* Гогенцоллерны: Характеристика личностей и обзор политической деятельности. Минск : Харвест, 2003.
7. *Перцев В. Н.* Очерк истории Германии XVIII века. Минск : Изд-во БГУ, 1959.
8. *Перцев В. Н.* Очерки новой истории (XVI–XIX вв.). 3-е изд., испр. и доп. М. : Задруга, [1918].
9. *Перцев В.* Рец. на кн.: Митрофанов П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1907. – 784 с. // Рус. мысль. 1908. Кн. 2. С. 24– 27.
10. *Перцев В. Н.* Советская наука по истории средних веков // Материалы ноябрьской сессии Академии наук БССР. Минск : Издательство АН БССР, 1949. С. 64–77.
11. *Чикалова И. Р.* Великобритания: осмысление исторического опыта в Российской империи (XIX–начало XX в.). Минск : Беларуская навука, 2018.
12. *Яновский, О. А.* Белорусские историки в условиях первой мировой войны // Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 7. Минск : РИВШ, 2017. С. 120–128.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ИСТОРИЯ СЛАВЯН

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

БЕЛОРУССКАЯ МЕДИЕВИСТИКА

Навуковае выданне

ЛІСТАПАДАЎСКІЯ СУСТРЭЧЫ – XIV

Матэрыялы міжнароднай навуковай выкладчыцка-студэнцкай канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава

Мінск, 11–12 лістапада 2021 г.

У аўтарскай рэдакцыі

Адказны за выпуск *І. А. Еўтухоў*

Падпісана да друку 31.12.2021. Фармат 60×84/16. Папера афсетная.
Друк лічбавы. Ум. друк. арк. 9,3. Ул.-выд. арк. 10,58.
Тыраж 50 экз. Заказ 959

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/270 ад 03.04.2014.
Пр. Незалежнасці, 4, 220030, Мінск.

Надрукавана ў ТДА «Выдавецтва “Чатыры чвэрці”».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/139 ад 08.01.2014, № 3/219 ад 21.12.2013.
Вул. Б. Хмяльніцкага, 8-215, 220013, г. Мінск.
Тэл./факс: +375 17 350 25 42. E-mail: info@4-4.by